

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 341.4

На правах рукописи

АДИБАЕВА АЛИНА КУАНЫШБЕКОВНА

**Конвенция ООН о геноциде и ее имплементация в уголовных
законодательствах государств-участников**

6D030200 – Международное право

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научный консультант:
доктор юридических наук,
профессор Агыбаев А.Н.

Зарубежный консультант:
Профессор Стивен Шут
(Великобритания)

Республика Казахстан

Алматы, 2020

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:

1 ГОСТ 7.32 - 2001. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления.

2 ГОСТ 7.1 - 2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

3 Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017 г.) / <http://online.zakon.kz>

4 Уголовный Кодекс Республики Казахстан: Практическое пособие.- Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», 2019.

5 Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948г. // Ведомости Верховного Совета СССР, №12. С.244. 22 июня 1954 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНВЕНЦИИ ООН О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО 1948 ГОДА ...	15
1.1 Становление нормативного содержания понятия «геноцид» в истории и практике международного права до принятия специальной Конвенции ООН 1948 года.....	15
1.2 Разработка и принятие Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года.....	32
2 ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ КОНВЕНЦИИ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО 1948 ГОДА В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ	52
2.1 Состав преступления геноцида согласно Конвенции 1948 года.....	52
2.2 Сфера применения Конвенции 1948 года в контексте обязательств государств-участников.....	80
3 МЕХАНИЗМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ КОНВЕНЦИИ ООН О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО 1948 ГОДА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ	102
3.1 Способы внедрения и осуществления норм Конвенции 1948 года в рамках уголовных законодательств государств-участников.....	102
3.2 Состояние обеспечения выполнения предписаний Конвенций 1948 года на примере уголовных кодексов Казахстана.....	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	144

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика исследования. Диссертационная работа посвящена комплексному исследованию нормативного содержания специальной Конвенции ООН о геноциде и практики ее применения в контексте выполнения государствами – участниками принятых на себя обязательств. Особое внимание в работе уделено юридическому анализу состава преступления геноцида с учетом новых политических, гуманитарных, социальных факторов и обстоятельств, а также механизмам фактической реализации норм Конвенции в рамках национальных уголовных законодательств, включая соответствующие нормативные правовые акты Республики Казахстан.

Актуальность темы исследования. Одним из главных и одновременно совещательных органов ООН – Генеральной Ассамблеей в соответствии с Резолюцией 260 при почти единогласной поддержке государств-членов 9 декабря 1948 года была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (в английской версии: *Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*). Конвенция вступила в юридическую силу 12 января 1951 года. Первым государством, сдавшим соответствующий документ депозитарию – Генеральному секретарю ООН, - стала Эфиопия 1 июля 1949 года. Бывший СССР стал участником Конвенции с 18 марта 1954 года на основании Указа Президиума Верховного Совета страны об её окончательном утверждении. 12 января 2015 года исполнилось 65 лет с момента введения в действие рассматриваемого международного договора. Сегодня его участниками являются 150 государств и среди них практически все постсоветские республики. И, кстати, пока последним государством, присоединившимся к Конвенции в мае 2019 года, является Доминика. В сентябре того же, вышеуказанного года Генеральная Ассамблея в ходе работы 69-ой сессии ссылаясь на Резолюцию (A/RES/69/323) постановила провозгласить 9 декабря Международным днем памяти жертв геноцида, чествования их достоинства и предупреждения этого преступления.

Можно без преувеличения сказать, что этот универсальный международный договор с учетом результатов деятельности Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, впервые на юридическом уровне поспособствовал криминализации относительно нового вида общественно опасного деяния – геноцида, то есть признал данное преступление, совершаемое как в мирное, так и в военное время виновным и опасным, уголовно наказуемым, а также достаточно детально определил в правовой форме признаки его состава, и кроме того, нормативно закрепил ответственность за его совершение. В многочисленных документах ООН неоднократно отмечалось, что терминологически геноцид появился как неологизм, обозначающий старое, известное международному уголовному праву преступление. К примеру, в специальной Резолюции Генеральной Ассамблеи всемирной организации 96 (1) от 11 декабря 1946 года,

предшествовавшей принятию Конвенции особо было определено, что «геноцид – это отрицание права на жизнь отдельной личности...». Заслуга заключенной Конвенции заключается в том, что она унифицировала и обеспечила соответствие различных действий и бездействий, подпадающих под понятие преступления геноцида.

Вместе с тем нельзя не отметить, что Конвенция, заключенная более 60 лет назад, не была рассчитана на то, чтобы отвечать новым вызовам, угрозам, опасностям и рискам в сфере совершения общественно опасных деяний против безопасности человечества. Как сама Конвенция не пересматривалась, так и собственно само юридическое понятие геноцида с тех пор не подвергалось никаким изменениям и дополнениям несмотря на то, что посягательства на объект, охраняемый соответствующими нормами, регулярно обрастают дополнительными квалифицирующими признаками. Оно в свою очередь требует внимания ученых, специалистов, а также законодателей и правоприменителей как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Это означает, что «формализованные» положения Конвенции уже не только не отражают реалий современности, но и не гарантируют в полной мере предотвращения совершения действий с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную группу или иную демографическую общность, отличающуюся своей однородностью и обособленностью. Здесь же можно говорить: о существующих фактически вне Конвенции новых (новейших) формах и видах геноцида (например, о социально-экономическом и культурном геноциде; этноциде, гуманитарной трагедии, демоциде, политциде, совершение которых имели место и, к сожалению продолжают иметь место в Афганистане, Азербайджане, Мьянме, Судане, секторе Газа Палестинской автономии, на территории СУАР в Китае); о так называемых мутантных способах проявления косвенного геноцида – то есть о действиях, предшествующих совершению прямого геноцида; не учтенных в Конвенции, за исключением непосредственного объекта ее регулирования, других наказуемых форм - запрещении пропаганды геноцида, роспуске организаций, выступающих в последнее время активно с националистическими, ультраправыми и расистскими призывами; о пробеле относительно установления ответственности юридических лиц за совершение геноцида или соучастие в нем (в данном случае можно говорить, в частности, о причастности к совершению геноцида в Иракском Курдистане немецкой химической корпорации).

По этим указанным причинам в последние годы - уже в 90 г.г. XX века и в первой декаде XXI века в плане предупреждения и наказания геноцида значительную роль стала играть деятельность международных уголовных трибуналов *ad hoc* (кроме Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, это аналогичное учреждение по Руанде, так называемые смешанные, гибридные или интернационализированные суды (трибуналы) по Сьерра-Леоне, Камбодже, Ливану, Ираку и др.), а также постоянно действующего Международного уголовного суда, созданного на основе

Римского Статута 17 июля 1998 года. Безо всякого сомнения вынесенные приговоры вышеназванных юрисдикционных органов способствуют совершенствованию конвенционных предписаний и тем самым установлению соотношения с последними. Но в то же время нужно заметить, что понимание геноцида, раскрываемое в решениях этих учреждений, не всегда совпадает с концептуальной сущностью общественно опасного деяния, заложенной в Конвенции и оно носит либо ограничительный, либо расширительный характер. К тому же надо иметь в виду, что прецедентное право международных и смешанных трибуналов не имеют юридической силы для правоприменителей государств – участников Конвенции. Последние, пожалуй, только могут ссылаться на него при квалификации геноцида с целью толкования соответствующей международно-правовой нормы.

Уголовные законодательства большинства государств-участников Конвенции признают и закрепляют в качестве приоритетной задачи защиту общечеловеческих ценностей. В этой связи имплементация положений документа ООН 1948 года должна служить юридической основой для развития и совершенствования национального уголовного права.

Одним из путей повышения эффективности Конвенции является выполнение государствами-участниками своих обязательств по приведению внутренних законодательств в соответствие с ее нормами. Наглядно это видно, например, на основе сопоставления определений геноцида, закрепленных в соответствующих статьях уголовных кодексов государств-участников и ст. II Конвенции: оно показывает наличие некоторых различий, возникших, как представляется, преимущественно в результате «не внимательной» имплементации конвенционных признаков геноцида в отечественные уголовные законы. В данном аспекте можно говорить и о необходимости решения проблемы, связанной с установлением соотношения международно-правовых норм и норм национальных уголовных законодательств об уголовной ответственности за геноцид, необходимости признания в уголовных кодексах противоправности заговора с целью совершения геноцида, прямого и публичного подстрекательства к его совершению и соучастия в геноциде в качестве самостоятельных признаков объективной стороны состава этого преступления. В этом ряду нужно отметить и целесообразность пересмотра норм уголовных кодексов в направлении расширения перечня охраняемых «устойчивых» и «стабильных» общностей и криминализации новых/новейших форм и видов геноцида, которые не были учтены законодателями не в последнюю очередь из-за опережения практикой действующих, неизменных норм. Отсюда следует, что и законодательное устранение недостатков и противоречий, а также восполнение пробелов выступает гарантией укрепления международно-правового механизма защиты демографических групп, указанных в диспозициях соответствующих статей.

При выборе темы работы и определении ее актуальности важно обратить внимание на то, в юридической науке Казахстана практически отсутствуют специальные исследования, посвященные доктринальному анализу состава

преступления геноцида и его международно-правовому значению. В немногочисленных опубликованных трудах общеуголовного плана отечественными авторами уделено в основном внимание собственно самому составу этого общественно опасного деяния как лишь одного из преступлений против мира и безопасности человечества. Поэтому учитывая не столько юридические, сколько и политические, исторические, экономические и гуманитарные аспекты проблемы необходимо провести в настоящей работе, насколько это возможно, и всестороннее и междисциплинарное осмысление природы геноцида.

Объектом исследования являются международные отношения, связанные с заключением и практическим применением Конвенции ООН о геноциде 1948 года.

Предметом исследования являются система международно-правовых принципов и норм, составляющих нормативное содержание Конвенции ООН о геноциде 1948 года и принятых во ее исполнение внутренних уголовных законодательных актов государств – участников.

Цель исследования. Настоящее диссертационное исследование ставит перед собой цель комплексно проанализировать предпосылки разработки и принятия Конвенции ООН о геноциде и ее действующую редакцию, а также оценить современное состояние и дальнейшие перспективы реализации положений данного международного договора с учетом имеющих место проблем, недостатков и пробелов, в том числе на основе уголовных законодательств государств – участников. Указанная общая цель вместе с тем обуславливает выработку конкретных выводов, предложений и рекомендаций.

Для достижения сформулированной цели в исследовании ставятся следующие взаимосвязанные задачи:

1. Раскрыть юридическое содержание понятия «геноцид» до принятия специальной Конвенции ООН о геноциде;
2. Проследить основные этапы заключения Конвенции ООН о геноциде с учетом исторических, политических и иных сопутствующих обстоятельств;
3. Осуществить всесторонний теоретический анализ Конвенции ООН о геноциде в аспекте усовершенствования механизмов противодействия международной преступности;
4. Обозначить особое место и значение Конвенции ООН о геноциде в системах национальных уголовных законодательств и правоприменительной практике государств – участников, в том числе и Республика Казахстан.

Методы исследования. При исследовании темы использовалась совокупность общенаучных и специальных методов научного познания. В частности, были использованы синтез, аналогия, дедукция, структурный, сравнительный, формально-логический методы, а также методы моделирования и системного анализа.

Теоретическую (нормативную и эмпирическую) основу исследования составляют собственно Конвенция ООН о геноциде 1948 года, отдельные международно-правовые акты в виде договоров, конвенций, резолюций,

национальные нормативные правовые акты государств – участников (уголовные кодексы, специальные акты (законы), самостоятельные и коллективные научные разработки (монографии, диссертации, учебники, учебные пособия, аналитические и информационные статьи) исследователей по выбранной теме работы, учредительные, справочные, программные и иные материалы международных организаций. Содержание диссертационной работы дополняют также международная правоприменительная и внутригосударственная нормотворческая практика, статистические данные, имеющие непосредственное отношение к вопросам, анализируемым в исследовании.

Степень разработанности темы исследования. В целом вопросы противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества практически не разработаны в международно-правовой науке Казахстана. На сегодняшний день имеются, пожалуй, только совместно опубликованные труды С.М. Рахметова, С.А. Кременцова и А.Ш. Ормановой, посвященные этой тематике. Отдельные ее аспекты и, в частности, относительно геноцида косвенно нашли свое освещение в основном в монографии М.А. Сарсембаева, учебниках по уголовному праву А.Н. Агыбаева, под редакцией И.И. Рогова, К.Ж. Балтабаева, А.И. Коробеева, а также в научных статьях М.К. Самалдыкова, С.М. Апенюва, С.А. Ахметовой, С.Н. Кемалова, Ж.Г. Калишевой, Д.А. Айдына и Б. Нурмуханова. Непосредственно большое внимание юридическому анализу геноцида как международному преступлению против прав и свобод человека уделил К.Ж. Забих в своем диссертационном исследовании (Алматы, 2010 г.) Среди же авторов, специализирующихся на данном направлении в последние годы, можно выделить еще раз А.Н. Агыбаева, С.М. Рахметова, И.И. Рогова, и И.Ш. Борчашвили. Указанные отечественные авторы при исследовании причин и факторов, способствующих совершению геноцида и его состава не без оснований полагают, что необходимо учитывать как достаточно длительный и богатый опыт применения прежнего советского уголовного законодательства, так и новую систему ценностей объектов уголовно-правовой защиты.

Значительный вклад в структурирование и развитие не только общих, но и конкретных концептуальных основ содержания Конвенции ООН о геноциде внесли советские/российские юристы - международники, в числе которых *особенно* следует отметить А.Н. Трайнина, М. Андрюхина, а также П.С. Ромашкина, Ю.Г. Барсегова, Ю.А. Решетова, А.И. Полторака, Р.А. Руденко, И.И. Карпеца, П. Радойнова, И.Сотникова, С.В. Саяпина, С. Володина, В.А. Марухяна. Несомненно представляет в этой связи интерес и работы нового поколения многочисленных российских юристов – исследователей: И.В. Мошенской, Т.Г. Дадюани, Е.Д. Панкратовой, И.Ю. Белого, В.М. Вартаняна, Ю.Соломатина, И. Новиковой, В. Ованесяна, В.А. Батырь, С. Дмитриевского, И.Соломоненно, А.Кибальника, Е.Н. Трикоз, А.Г. Волеводза, Н.А. Шулепова, А.Н. Тарбагаева, Г.Л. Москалева, С.М. Кочои и А.В. Серебренниковой, в которых они поднимают актуальные вопросы по совершенствованию

положений Конвенции и не только. Некоторые проблемные аспекты применения Конвенции нашли отражение в трудах и других известных, а также современных российских ученых, таких как А.Б. Барихин, В.П. Панов, И.И. Лукашук, А.В. Наумов, Г.Г. Шинкареца, Г. Гинзбург, А.Я. Островский, С.В. Глотова, С.В. Черниченко, И.И. Костенко.

Особое внимание на природе и механизмах имплементации обязательств по Конвенции в национальных уголовных законодательствах государств – участников акцентировали представители научных школ из постсоветских республик. В частности, в работах К. Вртанясяна, А. Паляна, А.К. Курманова, Р.М. Караева, И.Фисенко, О.А. Алиева, Т.Ф. Мусаева, Л. Арбура, Г. Караханяна, С.Н. Медведева, О.Н. Шибкова, Х.А. Хасана, Д.Э. Витуса, Б.В. Волженкина, М.А. Арутюняна, А. Климчука, Н.А. Сафарова, содержится критический анализ различных способов реализации норм Конвенции ООН применительно к действующим редакциям уголовных кодексов конкретно выделенных стран.

Также в отдельных случаях разработка выводов и предложений по выполнению положений Конвенции и усовершенствованию ее процедур затрагиваются в исследованиях специалистов, представляющих иные гуманитарные и экономические направления науки. Так, в трудах таких социологов, как Ю.В. Черновицкая и И.П. Меркулов, политологов – М.Гефтер, А. Мережко и А.С. Панарин, глобалистов – В.А. Лисичкин, Л.А.

Шеляпин, Э.К. Кочетов, И.П. Меркулов, Е.В. Брызгалина, генетиков – А.Г. Шаталов, Г.И. Мендина, Б.Г. Юдин и И.К. Лисеев содержатся существенные элементы теоретического и практического осмысления юридических основ борьбы с новейшими формами и видами геноцида.

Иностранные эксперты из дальнего зарубежья и прежде всего Р.Лемке (R. Lemkin), а также далее Ж.П. Сартр (J.Sartre), С.К. Гровер (S.C. Grover), А. Папамичел (A. Paramichail), Х.Партис – Дженнингс (H. Partis - Jennings), Дж. Лич (J. Leach), А. Раховитца (A. Rachovitsa), А. Кассезе (A. Cassese), У. Шабас (William A. Shabas), Х. Сингх (H. Singh), Ив. Тернон (I. Ternone), М. Конвиц (M. Konvitz), К. Грегори (K. Gregory), Дж. Гоу (James Gow), М. Калдор (M. Kaldor), М.А. Хоаре (M.A. Hoare), М.Шоу (M.Shaw), Н. Цигар (N.Cigar), С. Местрович (S. Mestrovis), Т. Кушман (Th. Cushman), Ф. Шонфельд (F. Shonfeld), С. Пауэр (S. Power), Т.Е. Саинатти (T.E. Sainatti), А.А. Сампайо (A.A. Sampaio), М. Маккивой (M. McEvoy), А. Галпахер (A. Galbagher), Г. Ланкастер (G. Lancaster), Г. Коул (G. Cole), Х. Рэдиш (H.Radich), А. Ди Джованни (A. Di Giovanni), Л.Дж. Левланк (L.J. Leblanc), Ф.Чарк (F.Chark), К. Йоханссон (K. Jonansson), Б.Ван Шаак (B.Van Schaack), Енг Кок-Тэй (Eng Kok-Thay), Е. Хитцер (E.Hitzer), К. Нахапетян (K. Nahapetian), Л. Флетчер (L. Fletcher), Ж. Котек (J. Cotec), П. Ригуло (P. Rigulo), Л. Хеккл (L. Heckle), С. Кифер (S. Kifer), Л. Кьюгли (L. Quigley), У. Черчилл (W. Churchill), Ди Браун (Di Brown), Д. Стэннард (D. Stannard), Р. Торнтон (R. Thornton), Х. Хенинг (H. Coning), Ян Р. Кэрью (Jan R. Carew), М.Дж. Келли (M.J. Kelly), Р. Маккартни (R. McCartney), Дж. Уоутерс

(J. Wouters), С. Верховен (S. Verhoeven), М.С. Берлин (M.S.Berlin), О. Хэтэуэй (O.Hathaway), Б.А. Симмонс (B.A. Simmons), Э. Моравчик (A. Moravcsik),

В.О'Коннер (V.O'Conner), Дж. Делайсл (J. Delisle), С.М. Митчелл (S.M. Mitchel), Е.Дж. Пауэлл (E.J. Powell), Р.С. Кларк (R.C. Clarke), В. Сьюпол (V. Sewpaul), Д. Линдебаум (D. Lindebaum), Дам – Де Д.А. Джонг (Dam – de Jong D.A.), Л. Казиритски (L. Kazurytski), Дж. Кайриакакис (J. Kyriakakis), Джиллиан Триггс (Jillian Triggs), Х. Джи Ван дер Мерве (HJ Van der Merwe) дают в своих трудах развернутое изложение состояния, проблем и перспектив дальнейшего применения Конвенции ООН о геноциде в контексте новых геополитических (политических), экономических, социальных, гуманитарных обстоятельств в XXI веке и, кроме того, предлагают собственные рекомендации по повышению эффективности юридической силы и значения универсального международного договора в системе международно-правовых мер борьбы с преступлениями против безопасности человечества.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые в науке международного права Казахстана представлен комплексный междисциплинарный анализ теоретических и некоторых прикладных проблем заключения и действия специальной Конвенции ООН о геноциде 1948 года с учетом ее фактической реализации и оценки в рамках уголовных законодательств государств – участников.

К числу наиболее основных новшеств, в частности, относятся:

- критерии определения юридического содержания понятия «геноцид» в аспекте разработки концептуальных основ специальной Конвенции ООН;
- исследование состава преступления геноцида с учетом специфики международного права и, в особенности, прецедентного права международных уголовных трибуналов;
- всесторонний анализ способов внедрения и осуществления положений Конвенции о геноциде в системе национальных уголовных законодательств государств – участников;
- международно – правовая оценка состояния обеспечения предписаний Конвенции ООН 1948 года на примере уголовных кодексов Казахстана.

Разработка темы исследования позволила сформулировать и обосновать ряд **основных положений, выносимых на защиту:**

1. Анализ всех соответствующих фактических обстоятельств диктует необходимость распространения определения геноцида и на не названные в ст. II Конвенции группы и исходя из целосообразности принимать в расчет все объективные и субъективные критерии при рассмотрении «устойчивых («стабильных») групп», заимствуя, таким образом, первоначальную расширенную концепцию геноцида, предложенную разработчиками документа и одновременно восполняя изначально заложенную недоговоренность и незавершенность относительно основного непосредственного объекта преступления. В итоге сказанное обуславливает дополнение ст. II Конвенции в части, раскрывающей объект геноцида, другими новыми защищенными демографическими группами, указывая не только их общие родовые признаки,

толкую их в свете соответствующего контекста с учетом специфических условий того или иного общества и государства. Следует считать такой подход наиболее приемлемым, учитывая, что Конвенция, как показывает современная правоприменительная практика все еще имеет большой потенциал и он не исчерпан до сих пор.

2. Учитывая, что специального значения термину «геноцид» большинство государств – разработчиков Конвенции не придавали и что при выделении тех или иных конкретных форм геноцида отдельные государства – участники прибегали к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения Конвенции 1948 года, а также имея в виду, что подобные действия допустимы в соответствии со ст. 32 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 года было доказано, что перечень форм геноцида, формально предусмотренных Конвенцией, тем не менее не является исчерпывающим. Это означает, что за исключением физического геноцида, геноцида биологического можно говорить и о национально-культурном геноциде (в современном понимании о культурном геноциде), а также о четвертой самостоятельной форме – социально – экономическом геноциде. Указанное обстоятельство не только позволяет расширительно толковать положения Конвенции в этой части, но и предоставляет возможность учитывать в ее рамках последующую практику их применения: то есть как в отдельности, так и в совокупности такие ранее «неизвестные» формы прямого геноцида, как депортация, этническая чистка, гуманитарная трагедия, этноцид, демоцид, политицид.

3. В тексте действующей Конвенции имеются и другие пробелы, которые должны включаться в обязательства государств – участников. Восполнение последних также служат противодействием предусловиям совершения геноцида. Особенно важно, что в числе субъектов за совершение данного преступления или соучастие в нем должны быть предусмотрены непосредственно юридические лица без формального присутствия государства. Данную позицию можно обосновать, во-первых, положением о том, что с учетом достаточных фактических и юридических оснований многие транснациональные корпорации и компании до сих пор избегают уголовной ответственности в пределах ст. III Конвенции; во-вторых, решение данного вопроса позволит в рамках ООН выработать не только собственные стандарты и нормы, аргументирующие объективность применения наказаний к юридическим лицам, но и недостающие прецеденты. Реализация рассматриваемого предложения возможна в частности, путем пересмотра Конвенции, что допускается ст. XVI договора либо путем заключения дополнительного протокола к Конвенции, который с согласия государств – участников может обладать силой положений основной части договора. В дальнейшем установление двойной ответственности за геноцид может быть закреплено и в рамках национальных юрисдикций.

4. Фактор криминализации преступления геноцида ставит задачу и модернизации национального уголовного закона в целях обеспечения его

соответствия с положениями Конвенции. В этой связи недостаточна только юридически формальная адаптация положений Конвенции уголовными кодексами или специальными актами государств-участников. Исходя из требований современной действительности в уголовных кодексах государств-участников назрела необходимость: модифицировать диспозитивные и санкционные нормы о геноциде, в частности расширить объем объекта преступления за счет включения в него новых уязвимых, незащищенных групп на основе собственных произвольных критериев; предусмотреть также дополнительно другие наказуемые формы участия («усеченные составы») в совершении геноцида (это не столько заговор, подстрекательство, покушение и соучастие в геноциде, сколько его такая неоконченная форма, как сговор) в качестве самостоятельных признаков объективной стороны преступления, а также ввести в уголовное законодательство институт ответственности юридических лиц. Дополнительно следует отметить, что суды государств-участников при применении соответствующих статей уголовных кодексов должны будут руководствоваться прецедентным правом международных уголовных трибуналов.

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан, предусматривающий отдельный состав преступления по геноциду является и остается единственным формальным источником и следовательно, не требуется принятия отдельного закона, подтверждающего преступный и уголовно-наказуемый характер данного общественно опасного деяния. Вместе с тем анализ всех принятых ранее уголовных кодексов и ныне действующего нормативного правового акта обуславливает необходимость устранения отдельных несовершенств при квалификации геноцида. Так, следуя в целом нормам Конвенции уголовное законодательство РК тем не менее, в частности: не выделяет в качестве обязательного признака личность представителей демографических групп; не предусматривает нормы об увеличении круга потерпевших от актов геноцида (в данном контексте предложено, что в число таковых на основе собственного усмотрения могут быть включены политические, культурные и социальные группы); не устанавливает нижний или минимальный порог числа потерпевших от преступления (в этой части с учетом норм Римского статута сделан солидарный вывод о том, что как геноцид должны расцениваться убийство хотя бы одного члена демографической группы и причинения тяжкого вреда, а также вреда средней тяжести хотя бы одному члену таковой общности). Включение указанных новшеств, и к примеру, специальных действий, составляющих объективную сторону геноцида, в диспозицию ст.168 УК РК, возможно с помощью изучения опыта отдельных государств-участников Конвенции.

Теоретическая значимость исследования. С теоретической точки зрения значимость диссертационной работы в широком смысле заключается в том, что на основе основных положений и выводов, базирующихся на детальном анализе Конвенции ООН о геноциде, а также дополнительно международно-правового, научного, информационного и справочного

материала, прецедентного права международных уголовных трибуналов раскрывается содержание вышеуказанного универсального международного договора и определяются его проблемы и перспективы в сфере противодействия геноциду как одному из тягчайших преступлений против человечества. В узком смысле теоретическая значимость исследования состоит в возможности дальнейшей научной разработки отдельных вопросов совершенствования механизмов борьбы с геноцидом в системе современного международного права и в рамках уголовных законодательств государств-участников.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные в ходе его проведения результаты могут быть использованы как при разработке соответствующей международно-правовой оценки, подходов и позиций государств, в том числе Республики Казахстан, так и при международном сотрудничестве по конкретным направлениям противодействия геноциду. Результаты исследования могут быть также использованы в научной работе, при преподавании международного и международного уголовного права; они могут стать основой для разработки отдельных специальных учебных курсов в высших учебных заведениях Республики. Материалы и выводы диссертации, кроме того, могут послужить базой для дальнейших, углубленных исследований по указанной тематике.

Апробация работы. Основные положения диссертации доложены, обсуждены и опубликованы в рамках сборников материалов следующих международных научно-практических конференций: Евразийский Союз Ученых. Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Современные Концепции научных исследований» «Новые (современные) формы прямого геноцида и специальная Конвенция ООН 1948 года»// Москва, 29-30 апреля 2015 №4 (13)/2015. –С. 23-25; «The essence and general normative content of genocide are as the International Crime» // Collection of Conference Papers International Scientific-Practical Conference «Urgent Problems of Science and Technology: Yesterday, Today, Tomorrow» (14-15.05.2015. The United Kingdom, London)–Р.6-10; Материалы XV Международной мультидисциплинарной Конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» 31 октября 2016 года «Выполнение обязательств по Конвенции ООН о геноциде 1948 года государствами-участниками: отдельный правовой аспект» // - М.: Международная исследовательская организация «Cognitio», 2016г. – С. 138-142 (РИНЦ); // Квалификация объективной стороны преступления геноцида по Уголовному кодексу Республики Казахстан «Актуальные проблемы применения уголовного законодательства Республики Казахстан на современном этапе: вопросы теории и практики» Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки и техники Республики Казахстан, академика КАЕН Республики Казахстан, доктора юридических наук, профессора Каиржанова Елегена Изтлеуовича 16 сентября 2017 г. – МВД Алматинская Академия имени Макана Есбулатова – С.113-117 и в виде научных статей в следующих

специализированных юридических журналах, признанных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК обязательными:

1. «Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года: основные этапы разработки и принятия в рамках органов всемирной организации» // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия «Международные отношения и международное право». - Алматы: «Қазақ университеті» 3(71) 2015. – С. 16-26;

2. «Определение понятие преступления геноцида и его основных форм в свете современного юридического анализа специальной Конвенции ООН 1948 года» // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия «Международные отношения и международное право». - Алматы: «Қазақ университеті» 4(72) 2015. – С. 196-204;

3. «Совершенствование международной уголовной юрисдикции в контексте действия Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года» // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия Юридическая. - Алматы: «Қазақ университеті» 3(75) 2015. – С. 398-406;

4. Косвенный геноцид и его *de facto* существующие формы (общий политико-правовой анализ) // Вестник ЕНУ имени Л.Гумилева. Серия гуманитарных наук. - Астана. - №3 (112) 2016. – С.382-386;

5. Implementing mechanisms of the UN Convention on genocide in the criminal legislation of the participating States: general comparative analysis. (Имплементационные механизмы Конвенции ООН о геноциде в уголовных законодательствах государств-участников: общий сравнительный анализ). Статья *на англ. языке* // «Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук». – 2018. - №5 (321) (сентябрь-октябрь). – С. 39-43;

6. Конвенция ООН о геноциде 1948 года и ее значение в криминализации преступного деяния // Ылым. - № 3(62). – 2019. - С.39-45, а также статьей в зарубежном издании, входящем в международные базы данных научных журналов компании Scopus: «Implementation of the UN Genocide Convention of 1948 in the National Laws of the State Parties» // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – Vol. 7. – Iss.6 – P. 1263-1271. Общий объем работ составил 4,5 п.л.

Сведения о полноте публикаций. По теме диссертации итого опубликованы 11 научных работ, включая 1 в материалах международных конференций, 3 из них зарубежные, 6 в казахстанских изданиях и 1 в зарубежном журнале, включенным в международную базу данных компании Scopus. Они достаточно полно отражают содержание диссертации, 9 являются самостоятельными, 2 опубликована в соавторстве.

Объем и структура диссертации. Общий объем диссертационной работы составляет 162 страницы компьютерного набора. Диссертация по структуре состоит из обозначений и сокращений, введения, основной части, включающей в себя 3 раздела и 9 подразделов, заключения и списка использованных источников. Указатель литературы содержит 297 источников.

1 ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНВЕНЦИИ ООН О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО 1948 ГОДА

1.1 Становление нормативного содержания понятия «геноцид» в истории и практике международного права до принятия специальной Конвенции ООН 1948 года

Общепринятой является точка зрения, согласно которой термин «геноцид» происходит от греческого «*genos*» - «род», «племя» и латинского «*caedo*» или «*caedere*» - «убиваю», «уничтожаю» или «убивать». Существует вместе с тем и мнения отдельных специалистов, утверждающих, что этимология слова «геноцид» восходит не к греческому «*genos*», а к латинскому «*genesis*» - «происхождение» [1, с.32]. Неоднозначным, по мнению И.В. Мошенской, является и вторая часть исследуемого термина «убийство» («*caedere*») [1, с.32]. Не вдаваясь пока конкретным образом в суть приведенных позиций этого автора, которые значительно отличаются от общепризнанного понимания геноцида, от себя отметим, что тем не менее оправданным в международном праве считается применение именно этого гибридного слова в значении корней греческого «*genos*» и латинского «*caedo*» или «*caedere*». В соответствии со сложившейся международно-правовой практикой геноцид – это массовое, «вопиющее нарушение прав человека; международное преступление, выражающееся в истреблении отдельных национальных, этнических, расовых или религиозных групп населения или целых народов по расовым, национальным, религиозным, политическим и иным мотивам» [2, с.145]. В этом смысле, в частности, ссылаясь на точку зрения Т.Г. Дадуани, можно говорить о том, что «начало процесса становления концептуальных и международно-правовых основ уголовного преследования за преступления геноцида связано с институтом и практикой международной защиты религиозных, а затем и этнических национальных меньшинств...» [3, с.12]. Как отмечал Ю.А. Решетов, «геноцид характеризуется преступным намерением (*dolus specialis*) уничтожить всю группу, членом которой является человек» [4, с.172]. Концепция геноцида исходя из единства преследуемой общности индивидов предполагает, что им является также «создание условий для физического или духовного вырождения групп людей, народов» [2, с.145]. Е.Д. Панкратова пишет, что геноцид дает название не только «наиболее жестокому и беспощадному преступлению, самому бесчеловечному из всех преступлений против человечности» [5, с.16], но и «непостижимому умом деянию, направленному не на уничтожение отдельного человека, но на истребление целой народности» [5, с.16]. А.Н. Трайнин в своей избранной работе «Защита мира и уголовный закон» указывал, что «геноцид есть порождение расизма» [6, с.407]. С.М. Рахметов и С.А. Кременцов подчеркивают, что «геноцид - грубейшее нарушение общепризнанных принципов и норм международного права...» [7, с.59]. П.С. Ромашкин исходит из того, что геноцид – это «тягчайшее преступление против человечества» [8, с.264]. По мнению К.Ж.Забих, геноцид является международным преступлением против прав и

свобод человека [9, с.12]. Установить содержание действий, образующих в своей совокупности указанное явление, попытался и И.Ю.Белый, по выводам которого «преступления геноцида направлены не против вооруженных сил противника, а, прежде всего, против мирного населения» [10]. Близкими к понятию геноцид являются «ставшие в последнее время популярными термин «этническая чистка» [2, с.145] и связанные с ней «гуманитарная трагедия».

На примере вышеуказанных различных определений геноцида *можно определенно говорить* о том, что этот специальный (*специфический*) термин является сложным по своей природе; используется в науке и правовой практике не столько в качестве юридической, сколько критерием политической и этической оценки широко распространенных случаев насилия по отношению к различным группам людей, а также представляет собой предмет как вмешательства международного сообщества, так и внутренней (национальной) юрисдикции государства. Следовательно, «наряду с другими самыми серьезными преступлениями... он не должен оставаться безнаказанным» [10].

То, что «геноцид является одним из наиболее ужасных и преступных проявлений человеческой деятельности, сложилось далеко не сразу, а в результате всей человеческой истории, особенно в истории нового и новейшего времени», - отмечает В.М. Вартамян [11, с.13]. В этой связи заслуживает внимания мнения и некоторых исследователей, замечаящих, что «история человечества – это история геноцида» [10], так как, по словам Т.И. Саинати, «акты геноцида причинили огромные потери человечеству в контексте всей его истории» [12, р.174]. Иными словами, «основные этапы осознания человечеством понятия «геноцид», а также этапы развития соответствующей правовой практики» [13], в целом «процесс постепенного вхождения этого термина в обиход» [13] свидетельствуют о том, что «любой геноцид – это продукт истории, и он несет на себе черты того общества, в котором возникает» [11, с.14].

Выражая свое полное согласие со всем вышеизложенным, постараемся показать эволюцию понятия «геноцид» в историческо-хронологическом порядке, следуя при этом принципу научной и практической последовательности, выработанному в системе международного права.

«Мировая история от сотворения мира и до середины XX века,- пишет И.Ю.Белый, - «знает ситуации, которые имели признаки, характеризующие современное понятие геноцида» [10]. Например, «достаточно припомнить лишь некоторые из них: уничтожение еврейских младенцев в Древнем Египте, истребление жителей Карфагена Древним Римом, Крестовые походы (в том числе – на племена северных славян), «миссионерское» поведение колониальных держав в отношении коренного населения – американских индейцев, индусов, буров и т.д [10].

Другие авторы дополнительно приводят ситуации, которые также подпадают под современное определение геноцида: например, «во время Великой Французской революции, войска, подавлявшие восстание роялистов в Вандее, получили приказ убивать не только взрослых мужчин, а также детей и

женщин репродуктивного возраста [14]; в Африке «прославленный зулусский государственный деятель и полководец Чака (созданное им государство в начале 19 века существовало на территории нынешней ЮАР) приказывал уничтожать всех членов враждебных кланов и королевств, отказывавшихся присоединиться к его державе» [14].

Из истории, однако, известно, что достаточно часто политику, направленную на совершение геноцида, проводили колониальные державы.

М. Андрюхин в этой связи в своем научном труде, посвященном анализу геноцида, отдельно акцентировал внимание на том, что пропаганда негрорабства постоянно перекликалась с массовым истреблением миллионов индейцев [15, с.12]. Все эти действия, подчеркивал автор, проводились «под идеологическим флагом воинствующего расизма» [15, с.12]. Кроме того, по его мнению, разжигание как таковой ненависти по отношению к неграм и индейцам сопровождалось также «расистской клеветой на народы Азии и Полинезии, на славян, евреев, итальянцев и др» [15, с.12].

В этом контексте «особо» отличились Великобритания, которую до сих пор обвиняют в массовых убийствах индусов, буров, малазийцев, суданцев; Германия, которая по утверждениям многих экспертов виновна в уничтожении племени герреро (современная Намибия). В 1985 г. ООН признала попытку уничтожения коренных жителей Намибии первым актом геноцида в XX веке. В США организации индейцев и ряд историков доказывают, что в отношении коренных обитателей американского континента был осуществлен акт геноцида, поскольку число краснокожих американцев сократилось с 12 млн. в 1500 году до 237 тыс. в 1900-м (впервые эта теория была высказана историком Ричардом Дринноном (Richard Drinnon), в 1972 году опубликовавшем исследование под названием «Американский индеец: первая жертва» («The American Indian: The First Victim») [14].

Нельзя не отметить и геноцид австралийских аборигенов в период с 1788 г. по XIX век, организаторами и исполнителями которого были европейские колонизаторы. Как подчеркивают в своей совместной работе К.Вртанесян и А.Палян, посвященной актам геноцида во всей истории человечества (2009 г.), «сегодня коренные австралийцы ведут безуспешную борьбу за официальное признание правительством Австралии факта совершения геноцида» [16]. Кроме того, наиболее известны случаи геноцида, носившего расовый характер в отношении коренного населения Конго (конголезского населения) в 1884-1908 гг. со стороны короля Бельгии Леопольда II и отрядов так называемых «Общественных сил».

Во второй половине XIX века американские ученые И.К. Нотт и Р.Глиддон издают совместную работу под названием «Типы человечества», в рамках которой они на основе фальсифицированных данных о физических особенностях различных наций (народов) выдвигают антинаучный тезис, подтверждающий, по их глубокому убеждению, очевидно объективное неравенство рас. Они писали, что «будто неравенство рас, так же как различие в животном мире, - вечный неизменный закон» [17, р.79], и, соответственно

«нации и расы подобно отдельным личностям имеют особую судьбу: одни из них рождаются, чтобы управлять, другие – чтобы быть управляемыми» [17, р.79]. В конце XIX – начале XX века во главе американского расизма оказываются не только социологи (Д.Госмер, Д.Фиск и др.), но и руководящие государственные деятели США (А.Беверидж, Г.Лодж, Д.Хэй, Т.Рузвельт), утверждавшие об «исторической миссии» англо-саксонской расы, о «ее божественном происхождении» [15, с.12]. Д.Фиск в книге «Американские политические идеи» выдвигает идею о необходимости завоевания мирового господства США, которое, по его мнению, будет более прочным, чем господство древней Римской империи [15, с.13]. Выступая в сенате в 1899 году, сенатор А. Беверидж говорил, что бог сделал англо-саксонские народы специалистами и организаторами, которые должны устанавливать порядок там, где царит хаос, чтобы руководить дикими одряхлевшими народами [15, с.13]. В 20-30 годы XX века известной популярностью в США пользовались расистские измышления адвоката М.Гранта, который в своей книге «Конец великой расы» призывал к борьбе за ведущую роль в мировой истории «высшей» северной расы [15, с.13].

Если обратиться к истории уголовного судопроизводства, то она подтверждает, что преступления против населения относились к национальной юрисдикции и преследовались в соответствии с внутренним законодательством государств [10]. И.Ю. Белый в этой связи приводит следующие примеры: в частности, «П.Гагенбах в 1474 г. был приговорен австрийским судом к смерти за зверства в период военных действий; Иван Грозный строго наказывал за истребление войсками «местного населения без особого дозволения»; Устав ратных, пушкарских и иных дел (1621 г.) распространял юрисдикцию Воеводских судов и судов полковых судей также на некоторые преступления общегуманитарного характера; Устав воинский (1715-1716г.) устанавливал уголовную ответственность за убийство и причинение «других обид» женщинам, детям, священникам и старикам и т.д.» [10]. И только 5 (18) октября 1899 г. с принятием на Первой Конференции мира Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны международное право впервые установило соответствующие нормы и принципы, «нарушение которых могло нанести ущерб всему мировому сообществу» [10].

Бесспорным является тот факт, что в юридической науке первым термин «геноцид» использовал польский (впоследствии американский) юрист и профессор Рафаэль Лемкин (Лемке) (Rafael or Rafae Lemcine). Как в начале, так и на протяжении всей последующей деятельности он в своих трудах и выступлениях доказывал необходимость правовой защиты не только отдельных людей, но и их групп. На состоявшейся в октябре 1933 года в Мадриде 5-ой международной конференции по унификации международного уголовного права он предложил выделить в качестве самостоятельного состава преступления действия, направленные на уничтожение этнических, социальных и религиозных сообществ и предложил применять правовые меры для защиты этих целостных общностей людей. «Эти действия он разделил на две группы,

которые, несмотря на общую цель – уничтожение указанных групп лиц, применяют для этого разные способы:

1. агрессия против физических или социальных лиц как членов данного сообщества, выражающаяся в посягательстве на жизнь людей или подрыве экономической основы их существования («варварство»);

2. разрушение культурных ценностей («вандализм») путем:

а) передачи детей одной группы людей другой группе;

б) принудительного и систематического изъятия характерных элементов культуры данной группы лиц;

в) запрещения употреблять родной язык даже в личных отношениях;

г) систематического уничтожения книг на языке группы, разрушения музеев, школ, исторических памятников, культовых и других учреждений, культурных объектов группы или же запрещения пользоваться ими» [5, с. 18,19]. Одновременно в своем докладе (больше известном под французским названием «*Les actes constituent un danger general (interetatique) consideres comme delictes des droit des gens*») Р.Лемкин обосновывал целесообразность разработки и принятия специального международного договора – конвенции, предусматривающей соразмерное наказание за совершение вышеуказанных действий и направленной на их предупреждение и пресечение. Однако, его предложения не получили одобрения и поддержки у участников Мадридской конференции. Известный советский/российский юрист – международник Ю.Г. Барсегов отмечает, что единственным крупномасштабным преступлением, которое Р. Лемке мог иметь в виду в том 1933 году в качестве реальной основы предложенного им определения и которое содержало состав преступления геноцида, было уничтожение армянского населения поработенной Турцией части Армении [18, с.67]. Эту точку зрения в числе многих разделяет и другой ученый – Ж.П. Сартр, который также уточняет, что еще не придуманный, по уже подразумеваемый термин «геноцид» использовался Р.Лемке применительно к фактам массового уничтожения армянского населения по указанию властей Османской Турции в 1914-1918 гг [19, с.14]. Не менее ужасными физическими истреблениями групп населения по национальным, этническим и религиозным признакам, по замечанию В.П. Панова, является также «известные в истории... Варфоломеевская ночь во Франции, деяния изуверской иудаистской секты манихейцев...» [20, с.59]. Сюда же можно добавить геноциды против групп ассирийцев (несториан, халдеев, маронитов и др.) в 1914-1923 гг., которые совершили власти Османской империи и соседних государств, понтийских греков в 1919-1923 гг., организованные турецкими националистами под руководством М.Кемалю (Ататюрка). Как отмечают эксперты, «в современной греческой литературе события 1919-1923 гг. называются греческим холокостом или понтийским геноцидом» [16]. Тем не менее, несмотря на зловещий характер и ужасные потери более страшными представляются последствия, связанные с совершением преступных деяний в отношении армян. При этом, как указывает В.М. Вартамян, «физическое уничтожение армян было запланированной акцией, вовсе не обусловленной

конкретной военной ситуацией» [11, с.20]. Сам Р.Лемке по этому поводу заявлял, что «в Турции 1200000 армян было убито только за то, что они были христианами» [18, с.67]. По данным армянских источников, «в результате геноцида армян, осуществленного младотурками в 1915-1918 годах, погибло 1,5 миллиона человек. Около 600 тысяч армян стали беженцами» [21, с.13].

Эти данные показывают, что «появившись по сути дела в юридической науке, термин «геноцид» уже сразу после I мировой войны вошел в юридическую практику» [11, с.19]. Примечательно в этой связи отметить и то обстоятельство, что уже после поражения в этой войне Военный трибунал самой Турции 22 апреля 1919 года обвинил руководителей младотурецкого правительства в истреблении, депортации и резне армянского населения с тем, чтобы «радикально решить армянский вопрос» [22], и следовало бы быть, «именно в геноциде армян» [11, с.20], и тем самым признав эти деяния в совокупности «как первого в истории факта, получившего юридическую оценку именно как геноцид в отношении целой нации...» [11, с.20], не обусловленного военной необходимостью.*

Однако, можно сказать, это было только фактическое признание столь чудовищного проявления национально-религиозного уничтожения армянского населения в период первой мировой войны. Юридически геноцид как уголовно преследуемое, общественно опасное деяние не получило в то время полноценное закрепление в каких-либо нормативных правовых актах или судебных решениях. Кстати говоря, и сегодня, несмотря на то, что Европейский парламент ЕС и около 40 государств мира официально признают факт армянского геноцида, ООН до сих пор не вынесла своего решения по этому вопросу. Тем не менее геноцид не переставал осуществляться и после периода первой мировой войны. Так, например, в 1932-33 гг. по вине Голощекинского режима в СССР, а именно в России, Украине, Беларуси и Казахстане разразился страшный голод. В Украине его официально обозначают термином «Голодомор», в результате которого погибло от 2 млн. до 7 млн. человек. В Казахстане жертвами голода стали около 1,5 млн. человек. Но в отличие от Верховной Рады Украины, которая признает «Голодомор» актом геноцида, власти Казахстана во избежание конфронтации и ухудшения двусторонних отношений с Россией, молчаливо умалчивают этот факт, не давая ему соответствующую правовую оценку.

Как бы то ни было «понадобилась еще одна мировая война для того, чтобы мировое сообщество не только осознало бесчеловечность подобного деяния, но и выработало понимание его преступности и наказуемости как одного из тягчайших преступлений» [11, с.20].

Речь в данном случае идет собственно о второй мировой войне, которая началась с вторжением нацистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года и продолжилось с вероломным вооруженным нападением (по современному

* Государственная Дума Российской Федерации в своем Заявлении от 14 апреля 1995 г. «Об осуждении геноцида армянского народа 1915-1922 г.г «отметила, что «по инициативе России европейские великие державы еще в 1915 г. квалифицировали действия Турецкой империи в отношении армянского народа как «преступление против человечества». См.: Российская газета. – 1995. – 17 апреля.

международному праву оно квалифицировалось бы как акт агрессии) на СССР 22 июня 1941 года. Во время продвижения германско-фашистских войск на Восток «СС, полиция и личный состав вермахта проявили невиданную жестокость, что побудило британского премьер-министра Уинстона Черчиля сделать в августе 1941 года следующее заявление: «на наших глазах совершается преступление, которому еще не придумано название» [13]. Руководство нацистской Германии, вооружившись теоретическим (идеологическим) обоснованием расового геноцида, что послужило причиной его возведения в ранг государственной политики в рамках программной книги третьего рейха – «Mein Kampf» («Моя борьба»), «стало проводить демографическую политику, предполагающую насильственное изменение этнического состава населения Европы, в том числе путем массовых убийств» [13], известных в наше время как «этнические чистки». Следствием реализации такой политики, основанной изначально на расовых доктринах Фридриха Ницше, Адольфо Штёккера и впоследствии, как известно, Адольфа Гитлера, стали действия по физическому уничтожению всего еврейского населения Европы, получившие позднее название «Holocaust» («Холокост»), а также цыган, представителей влиятельных слоев национальностей на оккупированных территориях Центральной, Восточной Европы и СССР. Также эта политика включала в себя принудительные переселения и многие другие противоправные акты по ликвидации «всего неполноценного».

Более конкретно следует говорить в этой связи о Плате Ост (Generalplan Ost), реализованном в 1939-1944 гг. против населения Восточной Европы и оккупированной территории СССР (в основном против славянского населения) со стороны национал-социалистической партии Германии, профашистских группировок и коллаборационистов (данный план являлся программой массовых этнических чисток населения Восточной Европы и СССР в рамках более глобального нацистского плана по «освобождению жизненного пространства» (т.н. «Lebensraum») для немцев и других «германских народов» за счет территорий «низших рас» [16]; геноциде сербов в 1941-1944 гг., организованном и исполненном профашистским, ультра- националистическим режимом усташей в Хорватии, имевшем, являясь союзником Германии, свои собственные концентрационные лагеря. В русле фашистских, национально-этнических взглядов действовала к тому же императорская японская армия, которая в период с 1930 по 1945 гг. уничтожала агрессивно китайцев, филиппинцев, корейцев, а также другие народы, населяющие Юго-Восточную Азию (в этой связи достаточно вспомнить резню в Нанкине (Китай), операцию «Сун Чинг» в Сингапуре, разрушение Манилы).

Большое влияние на формирование расистской идеологии в Германии оказал немецкий философ Ф.Ницше, который заявляя об «избранности» арийцев, открыто призывал их к порабощению других народов; проповедовал необходимость установления террористической диктатуры касты «избранных господ земли» [15, с.10]. Он считал, что «война для государства – такая же необходимость, как раб для общества...» [23, с.176]. Существенный вклад в

идеологию немецкого фашизма внес теолог А.Штёккер, который был известен как приверженец теории антисемитизма в Германии [15, с.11]. Мировоззрения и призывы двух проповедников всехваления войны, рабства и расизма - двух вышеуказанных сторонников национал-социализма спустя некоторое время стали центральными в античеловеческих взглядах А.Гитлера. Он в «Mein Kampf» отмечая, что «немцы должны осознавать превосходство арийской расы и хранить расовую чистоту» [24, с.24], «их долг – увеличить численность нации, с тем чтобы исполнить свое предназначение – достичь мирового господства» [24, с.24], сформулировал семь пунктов так называемых «обязанностей государства», среди которых в плоскости рассматриваемого понятия «геноцид» важны следующие:

«1. Понятие «раса» необходимо поставить в центре внимания.

2. Необходимо сохранять расовую чистоту.

3. В качестве первоочередной задачи ввести практику контроля за рождаемостью» [24, с.24]. Таким образом, А.Гитлер проповедовал не только идеологию расового национализма или шовинизма как его самой крайней формы, но и не уставал повторять исключительное превосходство немцев над другими народами (этносам, национальностями), «доказывая», что арийская или индоевропейская раса и прежде всего, германская (тевтонская), является тем «избранным народом», от которого зависит само существование человека на планете [24, с.87].

Юридически термин «геноцид» появился только в 1944 году, когда Р. Лемке опубликовал свою известную монографию «Правление Оси в оккупированной Европе» («Axis Rule in Occupied Europe Laws of Occupation. Analysis of Government. Proposal for Redress») в Вашингтоне будучи уже гражданином США и сотрудником военного департамента этого государства. В этой работе, в частности, в разделе IX под названием «Геноцид», который состоит из подразделений «Геноцид – новая концепция уничтожения наций», «Техника геноцида в различных: политической, социальной, культурной, физической и т.д.) областях», «Рекомендации на будущее (запрет геноцида в войне и во время мира, международный контроль) он приводит документальные свидетельства убийств и других преступлений, творившихся на всей оккупированной нацистами территории, а также, к примеру, обосновывает необходимость применения нового обозначения для квалификации их действий по отношению к «низшим расам» [25, р. 790-795]. Преступление определялось им следующим образом: «Под геноцидом мы понимаем уничтожение нации или этнической группы... В целом геноцид не обязательно означает моментальное уничтожение нации... это скорее скоординированный план разнообразных действий, направленный на уничтожение главных основ жизни тех или иных групп... Этот план ставит своей целью разрушение социально-политических институтов культуры, языка, национального чувства, религии, экономического существования этих групп, личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самой жизни индивидуумов, принадлежащих к данным группам. Геноцид направлен против

национальной группы как целого, и предпринимаемые действия обращены против людей не как отдельных личностей, а именно как членов национальной группы» [26, с.121].

Несомненно, формулированию такого широкого по смыслу определения «геноцида» существенное влияние оказали намерение и само истребление целых наций и народов, которые в период действий «германского фашизма приобрели гигантские размеры» [8, с.264] и органически связаны были «с фашизмом и его «теориями», пропагандирующими расовую и национальную ненависть, господство «высших» рас...» [8, с.264]. Как пишет А.К. Курманов, «именно посредством геноцида гитлеровцы истребили 12 млн. русских, поляков, югославов, евреев, чехов, словаков...» [27, с.32], а также, дальше продолжает П.С. Ромашкин, «украинцев, белорусов...и представителей других национальностей, объявленных ими «низшей «расой» [8, с.264]. Все это общее число граждан были замучено германскими фашистами либо в лагерях смерти, либо расстреляно в лесах и рвах оккупированных территорий, либо отравлено в «душегубках» [8, с.264]. Так, к примеру, согласно материалам, находившимся в распоряжении Советской Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (Смоленская область) военнопленных польских офицеров, прибывших в г. Смоленск 26 сентября 1943 года немедленно после его освобождения, а именно – показанием свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данным судебно-медицинской экспертизы, документам и вещественным доказательствам, извлеченным из могил Катынского леса, были сделаны выводы о том, что немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов [28]. Немецкие же власти, как подчеркивает российский военный юрист В.А.Батырь, в 1943 году опубликовали работу под названием «Официальные материалы по делу массового катынского убийства. Собраны, обработаны и изданы Германским информационным бюро на основании первичного доказательного материала, по заданию министерства иностранных дел» («Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtiges Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterial zusammen-gestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationstelle»), рассчитанную на сенсацию [28]. Содержащийся в этой книге отчет профессора Гергарда Бутца, руководившего судебно-медицинским расследованием, был основан на рапорте тайной полевой полиции от 28 февраля 1943 года об обнаружении массовых могил польских офицеров, расстрелянных органами НКВД в Катынском лесу в 1940 г. [28] и, изначально был направлен на то, чтобы переложить ответственность за все свои злодеяния в Катыни 1943 г. на СССР.*

Первое же *официальное упоминание термина «геноцид»* имело место после окончания второй мировой войны и связано оно с деятельностью первого

* В 2010-2011 гг. Россия в лице Президента В.В. Путина несколько раз официально принесла извинения Польше за «Катынскую трагедию» 1940 года, признав тем самым факт убийств польских офицеров Сталинским режимом.

в истории послевоенного Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, предложенного СССР еще 2 ноября 1942 года в Указе Президиума Верховного Совета и учрежденного в соответствии с Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, принятой на Московской конференции 30 октября 1943 года и подписанным в Лондоне Соглашением, заключенным 8 августа 1945 года между Правительствами СССР, США, Великобритании и временным Правительством Французской Республики для отправления справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Соглашением предусматривалось принятие соответствующего Устава с тем, чтобы на основе норм, закрепленных в его рамках, привлечь к международной уголовной ответственности граждан европейских стран оси и прежде всего главных руководителей нацистской Германии за систематически совершенные преступные действия, направленные на уничтожение группы мирного населения.*

Согласно Принципам Устава Трибунала (так называемые «Принципы Нюрнбергского Трибунала»), являющимися неотъемлемой частью Соглашения от 8 августа 1945 года, 24 фашистским руководителям – подсудимым в том числе «было предъявлено обвинение в истреблении, порабощении, ссылках и других жестокостях, совершенных в отношении гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам, т.е. в преступлениях против человечности» [2, с.509]. В период с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года Трибунал фактически рассмотрел 22 дела, связанные с уголовно наказуемыми международными преступлениями, а также с заговорами с целью совершения этих общественно опасных деяний.

Согласно ст.6 Устава Нюрнбергский трибунал имел право судить и наказывать лиц, которые действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений: преступления против мира; военные преступления и преступления против человечности [29, с.384]. В п. «с» данной статьи к составам последних преступлений, еще раз отметим, были отнесены: «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет» [29, с.384]. При этом «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана» [29, с.384]. В сущности, по определению

* Следует отметить, что спустя пять месяцев, точнее 19 января 1946 года было учреждено и другое аналогичное судебное учреждение – Международный Военный Трибунал для суда над главными военными преступниками на Дальнем Востоке с месторасположением в Токио. В Уставе этого трибунала предусматривалось, что он распространяет свою юрисдикцию на иной круг субъектов.

А.И.Полторака, «эта статья представляет собой кодекс тягчайших преступлений войны...» [30, с.15]. В ходе процесса «состоялось 403 открытых судебных заседания, на которых, помимо подсудимых, были допрошены 116 свидетелей, рассмотрены десятки тысяч письменных свидетельских показаний и свыше 4 тысяч документальных доказательств» [2, с.509].

Как полагает Е.Д. Панкратова, таким образом, «в Уставе Нюрнбергского трибунала, а именно в п. «с» ст.6 признавались две категории преступлений против человечности» [5, с.20]. «Если первая категория связана с бесчеловечными деяниями (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны)» [5, с.20], «то вторая – с преследованием человеческой группы» [5, с.20]. Эта вторая категория преступлений, по мнению другого ученого – А.Н.Трайнина, включает в себя «преступления по политическим, расовым или религиозным мотивам...» [31, с.24-25], т.е. надо учитывать, что для определения объекта данных преступлений приобретает весьма существенное значение указание признаков той группы, которая становится их жертвой [31, с.24-25]. Отсюда следует, что «не называя преступления по имени, Устав Нюрнбергского трибунала закрепил те признаки и элементы, которые являются основой состава геноцида» [5, с.20, 21] и, как отмечал В.А. Марухян, «признал, что военными преступниками являются не только те, кто совершил преступления против мира и грубо нарушил законы и обычаи войны, но и те, кто совершил «преступления против человечности» независимо от того, были ли они или не были нарушением внутреннего законодательства страны, в которой они произошли» [32, с.28]. Но главное, как подчеркивает С.А. Ахметова, заключается в том, что «впервые международно-противоправные деяния, совершенные фашистской Германией в годы Второй мировой войны, были определены как «преступления против международного права» [33, с.3]. Кроме того, по утверждению С.Н. Кемалова, «впервые именно в рамках Нюрнбергского процесса»^{*} официальный статус лица, обвиняемого в совершении международных преступлений, рассматривался как отягчающее вину обстоятельство, что привело к признанию несостоятельности действовавшей в тот период времени Доктрины государственного акта» [34, с.13,14]. Следовательно, как обобщает вышеприведенные заключения В.М. Вартамян, «в послевоенном международном праве было выработано понимание того, что геноцид – это одностороннее массовое убийство, в котором государство, или другая преобладающая сила, намеренно уничтожает

^{*}Как пишет А.И. Полторака, Устав другого судебного учреждения, а именно «Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока в принципе воспринял все важнейшие положения Устава Нюрнбергского трибунала. Однако есть и некоторое различие, и пожалуй, существенное. Подсудимые в Токио также были судимы по обвинению в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Но в соответствии со ст. 5 Устава Токийский трибунал «будет иметь право судить и наказывать главных военных преступников, которые лично или в качестве членов организаций обвиняются в преступлениях, включающих преступления против мира». Устав Нюрнбергского трибунала не знает такого ограничения. Нюрнбергский трибунал имел юрисдикцию в отношении подсудимых и тогда, когда они обвинялись в преступлениях, не включавших преступления против мира». См.: Нюрнбергский эпилог (Военные мемуары). /А.И. Полторака. М.:Воениздат; Москва; 1965. – С.5-9.

значительную часть национального, этнического или религиозного сообщества или группу, в то время как принадлежность к ней иногда произвольно определяется самим исполнителем» [11, с.30].

Как полагают И.И. Лукашук и А.В. Наумов, по классификации, даваемой в ст.6 Устава Нюрнбергского трибунала, геноцид ближе всего стоит к преступлениям против человечности [35]. Однако, по утверждению И.Ю. Белого, «отличается от них обязательными признаками, характеризующими как объективную (масштаб репрессий против определенных групп населения), так и субъективную (мотив и цель) сторону данного преступления» [36, с.139-141]. В.А. Батырь дополняет высказанные точки зрения мыслью о том, что «в определенной степени он близок и к военным преступлениям, так как его совершение может совпадать со временем ведения военных действий, но отличается от них также по цели (направлен на физическое уничтожение именно отдельных расовых, национальных и религиозных групп) и, кроме того, может совершаться и в мирное время» [37, с.32]. Тем не менее и обвинители, и судьи Нюрнбергского военного трибунала не столько «встретились с трудностями разграничения военных преступлений и преступлений против человечности» [40, с.219], сколько «по-настоящему и не пытались устранить эти трудности» [40, с.219]. Например, Трибунал признал двух нацистских преступников – «Заукеля и Шпеера виновными только в использовании рабского труда. Но это единственное обвинение было квалифицировано по двум разделам обвинительного заключения – по разделу III («Военные преступления») и IV («Преступления против человечности»). Таким образом, Трибунал, «не видя возможности для разграничения, квалифицировал это преступление по правилу идеальной совокупности» [40, с.219]. Для дополнения: «и на Токийском процессе обвинительное заключение не рассматривало военные преступления и преступления против человечности раздельно, они рассматривались под одним общим заголовком» [40, с.60-62]. Исходя из этих обстоятельств А.И.Полтораки задавался вопросом: «какой же вывод можно сделать?» [40, с.219]. Отмечая, что «сама формулировка ст.6 (п.п. «b» и «c») страдает недостатком – не содержит четкого разграничения военных преступлений от преступлений против человечности» [40, с.219], и что «такое разграничение из-за характера преступлений весьма затруднено» [40, с.219], он приходит к окончательному выводу о том, что «любое из военных преступлений, совершенных германскими милитаристами в ходе второй мировой войны, было и преступлением против человечности» [40, с.219]. В итоге следует признать, что ни Устав Международного Военного Трибунала, ни его приговор не смогли проводить сколько-нибудь убедительных разграничений между военными преступлениями и преступлениями против человечности [40, с.219].

В этой связи более точен в своих оценочных суждениях И.Ю. Белый. Имея в виду те конкретные примеры, когда деятельность органов международной уголовной юстиции в сфере наказания и предупреждения геноцида продолжает осложняться «серой зоной» права» [10], и напоминая, что

от «иных тяжких международных преступлений, связанных с массовыми убийствами, геноцид отличается специальной целью или «особое намерение» - уничтожение определенной группы населения» [10], исследователь указывает единственно возможную причину имевшего место в деятельности Нюрнбергского и Токийского процессов пробела: органам предварительного расследования этих международных трибуналов не удалось «доказать наличие вышеуказанного «намерения», поэтому преступников, виновных в массовом истреблении людей, обвиняли в совершении военных преступлений или преступлений против человечности» [10], в совокупности в «преступной деятельности».

Возвращаясь к вопросу об упоминании термина «геноцид» в контексте деятельности Нюрнбергского военного трибунала, следует обратить внимание прежде всего на то, что он постоянно имелся в виду в речах (выступлениях) обвинителей. Так, Р.Джексон, главный обвинитель от США в своей вступительной речи напоминая о «Холокосте» отмечал, что массовые «преследования были направлены не против отдельных евреев, потому что те или иные из них были плохими гражданами или не пользовались популярностью в обществе, имелось ввиду уничтожение всего еврейского народа – это было самоцелью» [40, с.120]. В заключительной речи, еще раз касаясь темы уничтожения евреев как нации, американский юрист привел в качестве доказательства действия Адольфа Эйхмана, зловещего, по его определению, исполнителя программы уничтожения, который чудовищным образом подсчитал, что операции против евреев привели к ужесточению «6 млн. евреев» [41, с.17]. Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс в отличие от своего предыдущего коллеги назвал эти деяния собственно по своему имени, указав, что «геноцид не ограничивался истреблением евреев и цыган. В разных формах ему подверглись югославы, немецкое население Эльзаса-Лотарингии, граждане Нидерландов и Норвегии. Методы в отношении отдельных народов отличались, но исход во всех случаях был одинаков» [42, с.74]. Упоминание о геноциде можно найти и в речах главных обвинителей от Франции и СССР. Профессор Шампетье де Риб подчеркивал, что «это настолько чудовищное, настолько невыносимое преступление, не имеющее аналогов в истории..., что пришлось создать для него новый термин – «геноцид» [42, с.76]. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко особо указал на то, что нацистской Германией систематически были истреблены более 20 млн. советских граждан.

Помимо речей обвинителей от государств – союзников антигитлеровской коалиции употребляется «геноцид» и в обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала от 18 октября 1945 года, но как считают многие специалисты, ученые и эксперты, не как правовой термин, а как описательный. В нем говорится, что главные военные преступники «осуществляли намеренный и систематический геноцид, то есть истребление расовых и национальных групп, истребление гражданского населения части оккупированных территорий с целью уничтожения определенных народов и

классов, определенных национальных, этнических и религиозных групп, особенно евреев, поляков и цыган, а также других...» [42, с.56]. Здесь, как замечает Е.Д. Панкратова, «в отличие от предыдущих определений геноцида, появляется понятие класса» [5, с.21], т.е. большой группы людей, различающихся «...по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [43, с.586], «иными словами, в объект геноцида была включена помимо расовой, национальной, религиозной, этнической, еще и социально-экономическая общность людей» [5, с.21]. Геноцид, кстати говоря, в качестве преступного деяния был описан также до вынесения вышеназванного обвинительного заключения и в самом Уставе Нюрнбергского военного трибунала. Пункт «с» ст.6 этого акта охарактеризовал его как «преднамеренное и систематическое истребление расовых или национальных групп гражданского населения на определенных оккупированных территориях с целью уничтожить определенные расы и слои наций и народностей, расовых и религиозных групп...» [38, с.68].

«В приговоре Нюрнбергского трибунала, как и впрочем в актах Токийского трибунала, термин «геноцид» не встречается [6, с.409], однако, хотя ни в Уставе, ни в приговоре Трибунала это преступление в прямой постановке не назван [10], «сам факт организованного массового истребления целых народов признан Трибуналом полностью» [8, с.265]. «Из представленных доказательств, - говорится в приговоре, - явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами» [41, с.384]. Сказанное относится и к окончательному обвинительному заключению Нюрнбергского трибунала 1946 года, в котором также слово «геноцид» непосредственно не фигурирует. Данный факт «нужно признать ожидаемым и даже правильным с правовой точки зрения, поскольку на этот момент официально еще не были закреплены признаки и элементы, входящие в состав рассматриваемого преступления» [5, с.23], т.е. «состав геноцида на тот момент существовал только в качестве нормы обычного права» [5, с.23]. В этой связи в своей заключительной речи главный обвинитель от США Р.Джексон указал главную причину сложившегося обстоятельства: «создавая Устав этого Трибунала, мы полагали, что лишь регистрируем уже достигнутое в развитии международного права. Однако они (подсудимые) говорят, что мы обогнали наше время, что мы обогнали процесс, который только должен произойти, но еще не свершился» [41, с.8].

В целом же необходимо отметить, что «Нюрнбергский процесс показал необходимость уголовно-правового запрета на международном и внутригосударственном уровне преступлений, посягающих на существование человеческих общностей и даже целых народов» [5, с.23], и «только тогда, спустя три десятилетия после массового уничтожения ... армян, мировое

сообщество осознало, что борьба с рассматриваемыми преступлениями должна вестись с использованием правовых средств» [5, с.23]. В заявлении по случаю подписания Соглашения об Уставе Трибунала 8 августа 1945 года тот же главный обвинитель от США и член Верховного Суда этого государства Р. Джексон признал: «Впервые в истории четыре могущественнейшие державы согласились не только относительно принципов ответственности за военные преступления и преступные преследования, но также относительно принципов личной ответственности за преступное нарушение международного мира... Если мы сумеем упрочить в мире убеждение, что развязывание агрессивных войн способно привести скорее к скамье подсудимых, чем к почестям, то мы сможем доказать, что нами достигнуто многое в области обеспечения мира» [44]. Трибунал признал виновными, в том числе в совершении тягчайших злодеяний против человечности, всех представших перед ним подсудимых. Если говорить, к примеру, конкретнее, то «Трибунал приговорил Г.Геринга, И. Риббентропа, В. Кейтеля, Э. Кальтенбруннера, А. Розенберга, Г. Франка, В. Фрика, Ю. Штрейхера, Ф. Заукеля, А. Йодля, А. Зейсс – Инкварта и М. Бормана (его заочно) – к смертной казни через повешение; Р. Гесса, В. Функа и Э. Редера – к пожизненному заключению; Б. Шираха и А. Шпеера – к 20 годам, К. Нойрата – к 15 годам и К. Деница – к 10 годам тюремного заключения» [2, с.509]. Были признаны «преступными организациями руководящий состав национал – социалистической партии Германии (НСДАП), СС, СД и гестапо» [2, с.509]. Впервые на основании деятельности Трибунала был создан важный с юридической точки зрения прецедент, «согласно которому должностное положение подсудимого (будь то глава государства или руководящий чиновник правительственного ведомства), равно как и то, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или во исполнение преступного приказа, не являются основанием для освобождения от ответственности» [2, с.509].

Что касается других остальных фашистских преступников, то в этом смысле особое значение имеет Закон №10 Контрольного совета Нюрнбергского процесса. Данный закон послужил юридической базой для организации дополнительных судебных процессов, осуществленных уже национальными военными трибуналами. В частности, в этом контексте были рассмотрены следующие дела: Медицинский процесс (Brandt et al); Судетский процесс (Altstotter et al); процесс в отношении Департамента СС (Pohl et al); процесс в отношении членов Главного управления по вопросам расы и поселения (RuSHA, Greifelt et al); дело Иосифа Альшоттера; дело против берлинского прокурора Освальдо Ротхаута; дело «врачей» и др. Эти судебные процессы показали масштаб плана фашистских главарей, который, по мнению английского военного трибунала, по делу «United Kingdom v. Kramer et al (Belsen trial)» заключался в «умышленном истреблении еврейской расы» [45, с.111].

Выводы.

1. Таким образом, с учетом опыта второй мировой войны можно сказать, что был сделан серьезный шаг к предупреждению и полному нормативному

раскрытию содержания геноцида как наказуемого (караемого) преступления. В этой связи нельзя не отметить вклад СССР в развитие концепции геноцида. В специально посвященном этому вопросу исследовании американский профессор Дж. Гинсбург пишет о том, что именно Советский Союз внес наиболее существенные новеллы в Устав Нюрнбергского трибунала [46, с. 161].

Главный вывод, однако, в этой связи заключается в том, что именно уставы, а также решения Нюрнбергского и Токийского Трибуналов заложили юридическую основу для разработки и принятия в дальнейшем специального международного договора, в котором прямо предусматривалась бы возможность преследования и наказания лиц, виновных в совершении геноцида. Вместе с тем еще раз следует в особенности отметить тот факт, что «Нюрнбергский Международный военный трибунал не смог осудить главных нацистских военных преступников за преступление геноцида из-за того, что данное деяние не было признано на тот момент в качестве отдельного вида международного преступления» [3, с.3]. Т.Г. Дадуани, исследовавший в своей диссертационной работе проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида, на основе анализа ст. 5 Устава этого Международного военного трибунала указывает на существование в тот момент концептуального препятствия, не позволявшего выделить из состава преступлений против человечности преступление геноцида в качестве отдельного преступного деяния [3, с.17]. По мнению автора, приговор Нюрнбергского трибунала более точно объяснил нормы Устава одноименного «Международного военного трибунала» [3, с.17], но в то же время им было «установлено, что во многих эпизодах Нюрнбергский трибунал не смог доказать наличие связи между преступлением против человечности и военными преступлениями или войной (что требовалось по ст. 6 Устава), поскольку те или иные преступные деяния совершались еще до начала войны» [3, с.17]. В этом аспекте ученый, как нами уже было до этого отмечено, дополняет и развивает мысли И.Ю. Белого, утверждавшего о том, что обвинители Нюрнбергского (кстати и Токийского) трибуналов осуждали виновных лиц за геноцид в совершении военных преступлений или преступлений против человечности, не сумев доказать наличие «особого преступного намерения». Лейтмотив вывода заключается в том, что несмотря на общие признаки, геноцид по убедительному разъяснению А. Кассезе, является отдельным видом международных преступлений со своим особым составом, выраженным прежде всего в его уникальной субъективной стороне [47, р.106-107]. С.Дмитриевский придерживается подхода, согласно которому геноцид является «преступлением преступлений» [48]. Британский профессор У.Шабас в одной из своих научных статей справедливо отметил, это историческое смешивание понятий геноцида и преступлений против человечности может быть понято как попытка заклеить те или иные виды отвратительного поведения вне зависимости от юридических доктрин [49, р.301]. Он «пишет, что «часто трудно противиться искушению квалифицировать злодеяния словом «геноцид», обладающим такими ужасными коннотациями» [49, р.301]. В заключении он указывает: «как в легендарном

прокрустовом ложе, определение геноцида находилось в непрерывном процессе интерпретации в надежде, что оно может соответствовать ситуациям, для которых никогда не разрабатывалось» [49, р.301].

2. Несмотря на то, что в решениях Нюрнбергского Международного военного трибунала не удалось установить соотношение, а вернее определить общее и, в особенности, особое между военными преступлениями и преступлениями против человечности, в современной же действительности разграничить эти общественно опасные деяния становится не только более реальным ввиду созданных и создаваемых международных и специальных трибуналов (судов), а также функционирующего постоянного Международного уголовного суда, но и рассматривать сам геноцид в качестве отдельного состава международного преступления.

В этой связи *в первом случае* обобщенно речь идет, как особо подчеркивает А.Г. Волеводз, об органах международного уголовного правосудия (или органах международной уголовной юстиции) [50, с.339], а именно о международных уголовных трибуналах *ad hoc*, создаваемых Советом Безопасности ООН *в качестве вспомогательных органов* (например, это Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года, учрежденный Резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 года [51], а также Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года, созданный на основе Резолюции Совета Безопасности ООН № 955 от 8 ноября 1994 года) [52], смешанных (гибридных) международных уголовных судов (трибуналов), конкретнее о специальных судах по Сьерра-Леоне, Ливану, смешанных (гибридных) судах на территории Косово, коллегиях с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений в Восточном Тиморе, а также о национальных, «интернационализированных» судах, к юрисдикции которых отнесено правосудие по делам о международных преступлениях с участием международных судей и других участников уголовного судопроизводства [50, с.339, 340] (это отделы по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины, чрезвычайные палаты в Судах Камбоджи для преследования, в частности, за преступления геноцида в период существования Демократической Кампучии). Нельзя забывать в рассматриваемом контексте и об органе так называемой псевдомеждународной уголовной юстиции - Иракском Специальном трибунале, согласно ст.1 Устава (Статута) которого его юрисдикция распространяется на преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления и некоторые преступления, предусмотренные законодательством Ирака [53]. Что касается Международного уголовного суда, то сформированный в его рамках на основе

Римского статута от 17 июля 1998 года правовой режим предусматривает исключительную юрисдикцию и в отношении преступления геноцида [54, р.9]. Создание и функционирование всех вышеуказанных учреждений по мнению С.К. Гровера тем самым показывает, что судебное преследование геноцида на государственном уровне часто невозможно, поскольку масштабные проявления этого преступления обычно (или часто) связаны с действиями высокопоставленных лиц (к примеру, это акты геноцида в бывшей Югославии и Руанде) [55, р.95]. Поэтому судебное преследование геноцида в таких случаях будет осуществляться специально созданными структурами, - считают А. Папамичел и Х. Партис-Дженнингс [56, р.92]. В этом русле справедливо высказывается и другой западный ученый Дж. Лич: «Трудно себе представить, что государство, которое само планировало быть соучастником совершения геноцида, привлекало бы самого себя к ответственности за это преступление» [57, р.12]. Исходя из данных обстоятельств А.Рачовица делает вывод: состав преступления геноцида в национальном праве должен соответствовать международным нормам, чтобы именно в случае привлечения к международной уголовной ответственности не возникло коллизий [58, р.37].

Во втором вышеотмеченном случае профессора И.И. Лукашук и А.В. Наумов, учитывая еще раз, что геноцид может быть совершен вне вооруженного конфликта, отмечают следующее: «именно по этой причине Уставы трибуналов для бывшей Югославии, Руанды и Статут Международного уголовного суда выделили геноцид из военных преступлений и преступлений против человечности в самостоятельное международное преступление» [59, с.123] (более подробно речь об этих учреждениях пойдет во 2 разделе настоящего исследования).

1.2 Разработка и принятие Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года

Одним из первых правовых способов противодействия геноциду во всех его видах и формах, несомненно, стало принятие Устава ООН, вступивший в юридическую силу 24 октября 1945 года, который юридически закрепил создание механизма нового мирового порядка после окончания второй мировой войны. Не употребляя термин «геноцид» учредительный акт всемирной организации тем не менее в ст. 1 говорит «об уважении к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии...» [60, с.12]. В последующем в ст. ст. 13, 55 и 76 также содержатся рекомендации (призывы) ООН в целях осуществления неотъемлемых прав и свобод без каких-либо проявлений дискриминации [60, с.15, 23, 28].

Однако геноцид как преступление *впервые* был определен в международном праве в другом документе ООН – в Резолюции 96 (1) Генеральной Ассамблеи о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой на второй части I сессии этого одного из шести главных органов организации 11 декабря 1946 года. В резолюции государства – члены

подтвердили, что принципы, изложенные в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге и нашедшие выражение в его приговоре, являются «принципами международного права» [15, с.34]. В ней говорилось, что «геноцид это отрицание права на жизнь целых групп людей, так же, как убийство – отрицание права жизнь отдельной личности; это отрицание права на жизнь потрясает человеческое сознание, ведет к огромным потерям человечества в целом, потерям вклада этих групп в культуру и другие сферы, оно противоречит моральным нормам, духу и целям Организации Объединенных Наций» [61, с.140]. «Борьба против него представляет собой вопрос международного значения» [8, с.266]. Поэтому Генеральная Ассамблея подтвердила, что «геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются ли они частными лицами, государственными должностными лицами или государственными деятелями, и независимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическими или каким-либо другим мотивам» [62, с.160-165]. Кроме того, в резолюции государствам – членам ООН предлагалось принять необходимые законодательные меры в целях предупреждения и наказания преступлений геноцида, и в частности, «ввести необходимые изменения в национальные законодательства» [27, с.33]. Многие авторы, исследовавшие природу геноцида и, в их числе И.И. Карпец, отмечают, что, по существу, именно с определения преступности и наказуемости этого деяния в международном акте, начался процесс формирования международного уголовного права как юридического феномена мировой культуры [63, с.31-54].

Вместе с тем нельзя не признать, что рассматриваемая резолюция является актом органа ООН, имеющим рекомендательный характер, и, следовательно, как подчеркивал А.Н. Трайнин, «представляла собой общую декларацию необходимости борьбы с геноцидом» [6, с.454]. Наверняка исходя из этого обстоятельства Генеральная Ассамблея одновременно в этой резолюции поручила Экономическому и Социальному Совету (ЭКОСОС) ООН приступить к разработке проекта специальной универсальной Конвенции по вопросу о преступлениях геноцида и представить его на обсуждение в рамках очередной сессии. Спустя почти год, 21 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея подтвердила собственную Резолюцию от 11 декабря 1946 года и приняла другую (180 (11)), в которой «предложила ЭКОСОС ускорить процесс составления текста конвенции по борьбе с геноцидом» [64, с.160], при этом еще раз подчеркнув, что ответственность за геноцид как за международное преступление несут как государства, так и отдельные лица [11, с.32], но в то же время принимая во внимание проект конвенции по вопросу о преступлении геноцида, составленного Секретариатом и представленного Генеральным секретарем. Тем самым «с учетом результатов Нюрнбергского разбирательства Генеральная Ассамблея ООН приняла решение, согласно которому пришло время составить договор таким образом, чтобы структурировать и упорядочить

правила против безжалостного преступления геноцида во всем мире», - пишет Х.Сингх в своей работе, специально приуроченной 60-летию Конвенции о геноциде («60 Years of The Genocide Convention. An International Law Analysis») [65].

Наконец 5 апреля 1948 года в Нью-Йорке начал работу специально образованный Комитет по разработке международной Конвенции ООН по борьбе с геноцидом, которому был вручен вышеназванный проект конвенции, подготовленный под руководством Генерального секретаря организации. Участниками и экспертами в ходе составления данного первого проекта были известные юристы: ставший американским гражданином Рафаэль Лемке (Лемкин), специалист из Румынии Веспасиан Пелла и француз Анри Доннедье де Вабр. Они немного расширили понятие объекта геноцида, включив в него, за исключением расовых и национальных, и «политические группы». Одновременно в целях обеспечения действенных мер борьбы с геноцидом предлагалось создание постоянно функционирующего международного уголовного суда, (проект которого в виде кодекса, кстати говоря, был составлен и представлен В. Пелла еще в 1935 году в Бухаресте) или организованного *ad hoc* международного трибунала для рассмотрения дел о геноциде. Эти предложения, однако, не получили одобрения со стороны многих государств – членов ООН, опасавшихся политизированности проектируемых структур. Особенно в числе таковых противодействовал реализации инициативы СССР, аргументировав свою позицию тем, что «в отличие от уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов, построенных на принципах полного соблюдения суверенных прав государств – организаторов и равноправных участников процесса, трибунал по делам о геноциде проектируется как некий надгосударственный орган» [6, с.416]. В первоначальном проекте, в рамках ст. VII разработчиками было предложено включить в текст будущей конвенции и другую отдельную норму, согласно которой «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются наказывать всякого нарушителя этой конвенции в пределах любой территории, находящейся под их юрисдикцией, вне зависимости от гражданства нарушителя или места, где нарушение было совершено» [6, с.416]. По этому поводу советский юрист – международник А.Н. Трайнин писал, что «при помощи этого положения любое лицо, оказавшееся за рубежом своей страны, могло бы в любой момент быть обвинено в геноциде, совершенном, по мнению зарубежной власти, этим лицом у себя на родине» [6, с.416]. Данное предложение также не получило абсолютной поддержки, так как «в условиях противоборства на мировой арене двух лагерей (с одной стороны СССР и страны советского режима, с другой – капиталистические государства) участники ООН побоялись незаконных обвинений в геноциде своих представителей, которые оказались за рубежом» [5, с.25].

В итоге «неудовлетворительность проекта конвенции по борьбе с геноцидом, разработанного в недрах ООН, неотложно выдвинула вопрос о подготовке нового проекта» [6, с.417], и «6 апреля 1948 года к началу работ Нью-Йоркского комитета, советская делегация внесла проект основных

положений конвенции по борьбе с геноцидом» [6, с.417]. Наряду с советским проектом были составлены и другие аналогичные разработки со стороны некоторых государств-членов ООН.

Прежде всего в представленном проекте делегация СССР предложила указать в преамбуле следующие положения: преступление геноцида позорным пятном ложится на страны, где еще имеет место совершение таких преступлений, как пропаганда или подстрекательство к их совершению; преступление геноцида является грубейшим нарушением принципов и целей ООН, провозгласивших равенство всех стран и народов, задач ООН, состоящих в защите суверенитета народов и прав человека; борьба с геноцидом требует от всех цивилизованных народов решительных мер по предупреждению указанных преступлений, пресечению и недопущению разжигания расовой, национальной и религиозной вражды, со строгим наказанием виновных в подстрекательстве, совершении и подготовке к совершению геноцида [66]. В ответ на советские предложения другими государствами был рекомендован краткий и альтернативный вариант вводной части второго проекта Конвенции, более лаконично сформулировавший цель договора: «Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и которое стороны в настоящей Конвенции обязуются предотвращать и пресекать способами, предусмотренными ниже» [15, с.79]. Впоследствии преамбула Конвенции при большинстве голосов была окончательно утверждена в следующей редакции: «Договаривающиеся стороны, принимая во внимание, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своей резолюции 96 (1) от 11 декабря 1946 года объявила, что геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его; признавая, что на протяжении всей истории геноцид приносил больше потери человечеству; и будучи убежденными, что для избавления человечества от этого отвратительного бедствия необходимо международное сотрудничество; соглашаются, как это предусмотрено ниже...» [67].

Е.Д. Панкратова отмечает, что «в этом тексте преамбулы весьма заметен отголосок предложений советской делегации, это касается и положений о противоречии геноцида духу и целям ООН, и положений о необходимости сотрудничества в вопросах борьбы с геноцидом» [5, с.27]. Здесь же «имеется оговорка об исторических событиях, принесших потери человечеству, что со всей очевидностью указывает на деяния, совершенные представителями гитлеровской Германии в отношении народов оккупированных территорий» [5, с.27].

В дальнейшем, в ходе представления членам подготовительного комитета, советские предложения предусматривали систему тех мер, которые реально способствовали бы эффективности борьбы с геноцидом во всех его проявлениях. Основная их часть была сконцентрирована в рамках п.п. II, III и

VIII. А.Н. Трайнин, уделявший большое внимание вопросам борьбы с этим преступлением в пределах деятельности ООН, в этой связи особо подчеркнул, что «советские предложения с полным основанием расширили круг преступных деяний, охватываемых понятием геноцида с тем, чтобы все виды геноцида влекли за собой уголовную ответственность» [6, с.417]. Как он пишет, «согласно п. II советских предложений, к геноциду должны быть отнесены не только случаи прямого убийства отдельных групп населения по указанным в пункте мотивам, но и предумышленное установление таких условий жизни, которые направлены на уничтожение этих групп населения» [6, с.417]. Далее «советские предложения предусматривали национально-культурный геноцид, охватывающий ряд преступных действий, посягающих на материальные и духовные ценности национальной культуры (уничтожение исторических памятников, печатных произведений и др.)» [6, с.417]. Советские предложения «предусматривают также ответственность за разнообразные подготовительные к геноциду действия, за все виды соучастия в нем» [6, с.417]. Отдельно «предусмотрена ответственность за пропаганду геноцида» [6, с.417]. Весьма существенными элементами советских предложений, по мнению ученого, «являются следующие «требования: 1) включить в национальные законодательства нормы, предусматривающие уголовную ответственность за действия геноцида; 2) обязать государства, подписавшие конвенцию, распустить организации, цель которых – разжигание расовой, национальной и религиозной вражды и совершение преступлений геноцида, и впредь не допускать существования подобных организаций; 3) установить подсудность дел о геноциде национальным судам» [6, с.417].

При рассмотрении большинства из вышеприведенных предложений советской делегации между членами подготовительного комитета разгорелись острые (если не сказать горячие) дискуссии, в результате показавшие не только и не столько противоположность позиций (или подходов), сколько неприемлемость для собственных национальных правовых систем или интересов отдельных предлагаемых формулировок.

«По основному вопросу – о характере групп, которые можно рассматривать в качестве жертв геноцида, - все делегации в принципе согласились с советским предложением (п. II) о том, что состав преступления геноцида «должен предусматривать физическое уничтожение групп населения по расовым, национальным (религиозным) мотивам» [6, с.418]. Возражения при широком рассмотрении содержания данного пункта вызвали, однако, «установление критериев, различающих «национальную группу» и «национальное меньшинство», «идентификация этнической группы», определение «расы» и «религиозного сообщества». Такая неопределенность, возникающая в связи трудностью четкого обозначения потенциальных жертв геноцида – национальных, религиозных, этнических и расовых групп – позволила тем не менее представителем США и Франции не только согласиться с советским предложением, но и одновременно заявить об особом мнении. Так, делегат от США отметил, что принимая сегодня советское определение, он в

последующем в лице своего государства резервирует за собой возможность внести изменения и дополнения, если они окажутся необходимыми, ссылаясь при этом на то, что Конституция США и без того запрещает действия геноцида [68, р.147-151]. Если вернуться к сути самих теоретических и обусловленных ими юридических споров относительно уяснения действительного смысла перечисленных понятий, то нужно отметить следующее. Принято считать, что национальной группой является «исторически сложившаяся группа людей, характеризующаяся общностью языка, экономической жизни, национального характера, проявляющегося в особенностях ее традиций, культуры и быта» [37, с.32]. Под этой «группой также понимается связанная принадлежностью к определенной нации группа людей независимо от территории ее проживания, а под нацией – исторически сложившаяся группа людей, характеризующаяся общностью языка, психического склада и культуры, территории проживания и другими особенностями быта и традиций» [37, с.32]. Вместе с тем членам подготовительного комитета ООН не удалось выявить признаки, отличающие национальную группу от национального меньшинства. Заключение по данному вопросу вынес подкомитет указанного органа в лице специально назначенного докладчика. Он предложил, что под «национальным меньшинством» следует понимать условно обособленную общность людей, т.е. эта группа, «численно меньшая остального населения государства и не имеющая господствующего положения, члены которой, будучи подданными государства, имеют этнические, религиозные или языковые отличия от прочего населения и обладают – пусть даже активно не проявляя этого – чувством солидарности, направленном на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка» [69]. В окончательном тексте Конвенции, однако, «уже нет ссылки на такое отличие» [5, с.29].

Ив Тернон в своей работе писал, что некоторые трудности представляет собой отождествление этнической группы, которая понимается как подгруппа народа и включает в себя понятие национальной группы [69]. Согласно сложившемуся научному подходу, не отрицающему данное определение, этническая группа в более широком смысле «представляет собой группу людей, относящуюся к какому-либо народу, характеризующуюся компактным расселением, культурно-историческим наследием, особенностью культуры, быта, религии, обычаев, языка» [37]. Она же – «исторически возникший вид устойчивой социальной группы людей, представленной племенем, народностью, нацией» [37] и «иногда этим понятием» действительно «обозначают обособленные группы людей внутри какого-либо народа» [37]. В контексте изложенного неизбежно возник вопрос и относительно определения того, кого представляет собой «раса», в совокупности «расовая группа». В этой связи опять же доктрина и практика международного права в принципе единодушна в том, что это – «значительная, исторически сложившаяся группа людей, объединенная совокупностью второстепенных внешних признаков (цветом кожи, волос, глаз, очертаниями головы, ростом и т.п.) и другими физическими особенностями» [37]. Под расовой также подразумевается

аналогичная группа людей, характеризующаяся «другими исторически сложившимися особенностями» [37]. Однако, не придя к общему согласию в определении значения терминов «этнический» и «расовый», а также «признавая произвольность некоторых характеристик понятия «народ», «народность» и трудности научной классификации» [5, с.30], члены комитета «сочли правомерным различать национальную и этническую группы следующим образом: понятие «этническая группа» включает в себя биологические, культурные и исторические характеристики группы; если употребляется только термин «раса» - со всеми возможными оговорками, он означает лишь природные физические характеристики» [69]. Последнее понятие, упоминаемое в ходе деятельности комитета – «религиозное сообщество» - решено было его членами определить как «любое сообщество, объединенное общей духовной идеей» [69], тогда как под ним «понимается группа людей, исповедующих общую религию, как правило, отличную от религии большинства населения в данном государстве» [37]. Религиозное сообщество – это еще «общность людей, исповедующих соответствующую религию, отличную от доминирующей в данном обществе» [37].

Своеобразная ситуация сложилась в ходе рассмотрения очередного советского предложения о необходимости криминализировать наряду с физическим и биологическим формами геноцида и национально – культурный. Если дефиниция физического геноцида не вызвал особых разногласий (он в целом означает «истребление представителей расовых, религиозных, национальных и этнических групп населения» [5, с.28], и, в частности – «преднамеренное осуществление мер, делающих неизбежной гибель людей в силу тех или иных обстоятельств (запрет занятия деятельностью, являющейся основным источником существования группы людей, заражение природной среды обитания радиоактивными веществами, биологическими или химическими токсинами и т.д.» [37]), как и биологического (это насильственное воспрепятствование деторождению, которое «может быть выражено в принятии мер, способных ограничить или полностью прекратить процесс рождения детей среди членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы (например, принудительная кастрация или стерилизация людей в репродуктивном возрасте, проведение против воли женщины искусственного прерывания беременности, издание нормативных актов, запрещающих членам указанных групп иметь детей или ограничивающих количество детей в их семьях под угрозой применения наказания, и др.» [37]; принудительная передача детей, которая может проявляться в «отобрании (помимо воли родителей) детей и передаче их другим лицам, не являющимся родственниками передаваемого, или в детские учреждения» [37], насильственное переселение вышеуказанных групп, которое «представляет собой их принудительное (против воли переселяемых) перемещение из мест постоянного проживания, как в пределах государства, так и за границу, перемещение их в другие, непривычные для них климатические и иные природные условия, которые ведут к вымиранию людей соответствующей

группы» [37]), то в отношении национально-культурного геноцида советский делегат заявил, «что в понятие геноцида должны быть включены также мероприятия и действия, направленные против национальной культуры, так называемый национально-культурный геноцид, с тем чтобы определение конкретных признаков этого геноцида было дано при постатейном редактировании проекта конвенции» [6, с.418, 419]. Такими мероприятиями и действиями, которые были поддержаны представителями Венесуэлы, Китая, Польши, Франции, Ливана и Пакистана, по мнению советской стороны могли бы быть:

«а) запрещение или ограничение пользования национальным языком как в общественной, так и в частной жизни; запрещение преподавания в школах на национальных языках;

б) уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках;

с) уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры (или религиозного культа)» [6, с.37].

Противниками включения в конвенцию предложенных новой формы геноцида и связанных с ними актов выступили США, уполномоченное лицо которых хотя согласился с тем, что «трудно отвечать на красноречивые аргументы представителей СССР, Венесуэлы и Пакистана» [15, с.86], а также других поддержавших советскую инициативу государств по национально-культурному геноциду, «тем не менее, он не думает, что Конвенцию следует расширять в этом направлении» [15, с.86]. По утверждению американского делегата Д. Гросса «Резолюция 96/1/ГА определила геноцид как полное истребление человеческих групп, в отличие от человекоубийств, являющихся истреблением индивидов» [15, с.86, 87], и «каким бы варварским и непростительным ни было разрушение церкви, библиотеки, школы – эти действия принадлежат к другой категории» [15, с.86]. Эта, как он заключил, «проблема, относящаяся к основным правам человека» [15, с.86]. Дополнительно к советскому предложению представитель Венесуэлы «внес поправку о наказуемости систематического разрушения религиозных зданий, школ или библиотек национальных или расовых групп» [5, с.28]. Однако, как пишет Е.Д. Панкратова, «вследствие неопределенности текста эта поправка не могла быть признана удовлетворительной, поскольку в данном случае оставалось непонятным, сколько зданий необходимо разрушить, чтобы такие действия можно было признать систематическими и квалифицировать как геноцид» [5, с.28, 29].

Комитетом, кроме того, не были одобрены и три последующие основные положения советской делегации. Так, им был отклонен «положение о роспуске организаций, цель которых – разжигание расовой, национальной и религиозной вражды и совершение преступлений геноцида» [6, с. 419], «ввиду органической связи фашизма и геноцида» [6, с.420]. Это положение было поддержано делегатами Белорусской ССР и Украинской ССР, которые наряду с СССР

являлись членами ООН, а также представителями Польши и Чехословакии. Тем самым СССР хотел доказать, что преступления геноцида неразрывно связаны с идеологией и последствиями возведения в ранг государственной политики национал-социализма-фашизмом, нацизмом и расистскими учениями. По этому поводу, в частности, представитель СССР Г.И. Морозов на заседании III сессии Генеральной Ассамблеи ООН, рассмотревшем проект конвенции по борьбе с геноцидом 9 декабря 1948 года официально заявил: «сказать, что геноцид не имеет ничего общего с расизмом, значит в общем его реабилитировать» [70, р.813].

Комитету показалось недостаточно ясным и твердым следующее советское предложение о введении в национальное законодательство уголовного наказания за геноцид. В результате была принята поддержанная большинством голосов американская редакция ст.6, которая гласит: «Для введения в силу положений настоящей конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются провести необходимое законодательство в соответствии с их конституционной процедурой» [6, с.419]. Первоначально советское предложение носило следующее содержание: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются внести в свое уголовное законодательство меры, направленные на предупреждение и пресечение геноцида, а также на предупреждение и пресечение расовой, национальной и религиозной вражды, как это определено в настоящей Конвенции, и предусмотреть за совершение этих преступлений меры уголовного наказания, если таковые не предусмотрены действующими кодексами государства» [15, с.110]. На это представитель США, в частности, заявил, что «во введении этого положения нет необходимости, поскольку государства-участники Конвенции в любом случае обязаны сделать все для того, чтобы она добросовестно выполнялась» [5, с.33]. Кроме того, им делалась ссылка на то, что действия, входящие в состав геноцида, и так караются уголовными законами различных стран: например, убийство, предусмотренное Конвенцией о геноциде, карается уголовными кодексами всех стран» [5, с.33]. Также представителем США «было указано на то, что Соединенные Штаты являются федеративным государством, а принятие уголовных кодексов входит в компетенцию законодательных собраний штатов, следовательно, США не могут принять на себя обязательство по введению в эти кодексы норм об ответственности за геноцид» [5, с.33].

Е.Д. Панкратова полагает, что «однако аргументы и той, и другой стороны представляются весьма неубедительными» [5, с.33]. Хотя предложение советской делегации об обязанности введения в национальное законодательство стран-участниц Конвенции норм, предусматривающих ответственность за геноцид, в целом представляется... правильным» [5, с.33], тем не менее «представитель СССР ссылаясь на то, что законодательство Советского Союза и так соответствует Конвенции, поскольку Конституция СССР устанавливает равноправие граждан, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и

общественно-политической жизни» [5, с.33], и, к примеру «УК РСФСР предусматривает ответственность за пропаганду или агитацию, направленные на возбуждение национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера» [5, с.33]. При этом, подчеркивает автор, «как известно, статья, предусматривающая ответственность непосредственно за геноцид, появилась в России только с принятием УК РФ в 1996 г.» [5, с.33], т.е. лишь в связи с прекращением существования СССР и при новых политических и правовых условиях, направленных на демократизацию страны.

Относительно позиции США этот же исследователь выдвигает два важных вывода. «Во-первых, учитывая справедливость ссылки на то, уголовное законодательство США относится к компетенции штатов, нельзя упускать из вида, что во время разработки Конвенции в США велась работа по созданию свода законов США, который, как и Конвенция, был принят в 1948 г.» [5, с.33], и «частью этого свода является раздел XVIII «Преступления и уголовный процесс», являющийся *de facto* общеамериканским уголовным кодексом» [5, с.33].

Особенно следует отметить, что в него «входят нормы, предусматривающие ответственность за отдельные составы преступлений» [5, с.33], соответственно «нормы федерального уголовного законодательства США, помимо прочих случаев применяются, когда совершено преступление, затрагивающее интересы нескольких штатов или федерации в целом» [5, с.33]. На взгляд исследователя, «деяния, образующие состав геноцида, вполне можно отнести к затрагивающим интересы всей федерации, а значит у США была возможность введения норм об ответственности за данное преступление в случае необходимости эффективного применения таких норм» [5, с.33]. Во-вторых, указывает исследователь, «несмотря на то, что действительно в уголовном законодательстве всех государств предусмотрена ответственность за убийство, геноцид от подобных ему деяний отличает особая цель – намерение полностью или частично уничтожить расовую, национальную, этническую или религиозную группу» [5, с.33].

В итоге «противостояние» закончилось принятием выше сформулированной в рамках ст.6 Конвенции компромиссной нормы, т.е. «с одной стороны, была введена обязанность предусмотреть эффективные меры наказания за геноцид (правда, не указывалась обязанность введения такой нормы в уголовное законодательство страны), с другой стороны, делалась ссылка на введение таких норм в соответствии с конституционными процедурами государства (таким образом, были учтены возражения США)» [5, с.34, 35].

Третье предложение, которое, можно сказать, было отвергнуто комитетом, касалось включения в проект конвенции отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за пропаганду геноцида. Принципиальное несогласие с таким положением, которое СССР предлагал закрепить в рамках ст. III конвенции, выразили делегаты США, Франции,

Ливана и Венесуэлы. Так, американский представитель категорично заявил: «Соединенные Штаты считают, что статья III (устанавливающая наказуемость за пропаганду геноцида) должна быть исключена» [15, с.97], так как «согласно англо-американским правовым нормам свобода слова не может быть ограничена, если не имеется ясной и непосредственной опасности, что выраженная мысль может явиться нарушением прав других» [15, с.97]. Одновременно указывалось им на то, что поскольку в проекте конвенции уже «есть норма, «предусматривающая ответственность за подстрекательство к геноциду, нет необходимости вводить пункт о наказуемости пропаганды геноцида.» [15, с.97].

Государства – члены ООН также не смогли прийти к консенсусу в вопросе территориальной сферы действия конвенции, которую предлагалось закрепить в рамках ст. XII. Представитель Украинской ССР внес предложение о необходимости предусмотреть в проекте конвенции статью, налагающей обязательство на государства-метрополии, имеющие еще колонии, распространить ее действия и на эти зависимые территории. Делегат от СССР вынес на рассмотрение комитета свой вариант формулировки данной статьи: «Действие настоящей Конвенции распространяется в равной степени как на территории, в отношении которых данное государство осуществляет функции руководящей и управляющей власти (в том числе и на подопечные и другие самоуправляющиеся территории» [15, с.118]. Иные государства социалистического лагеря аргументировали собственные позиции со ссылкой на ст. 73 главы XI Устава ООН, специально выделенной как «Декларация в отношении несамоуправляющихся территорий». В соответствии с этой статьей «Члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности...» [60, с. 24, 25]. Такой юридический обязательный характер приведенной нормы, однако, всячески пытались игнорировать западные государства. Показательным в этом отношении представляется выступление делегата Великобритании, который заявил, что «его страна не распространит действие Конвенции на территории, которые она представляет во внешнеполитических отношениях, одновременно с подписанием Конвенции, так как это означало бы грубое вмешательство метрополии в деятельность органов местного самоуправления ряда таких территорий» [5, с.35]. Им также «было высказано предложение о распространении Конвенции на зависимые территории только в случае, если об этом специально заявит сама колониальная держава» [5, с.35]. В итоге так и случилось: наибольшую поддержку получила совместно выраженная позиция капиталистических государств, и, как следствие, статья XII конвенции была изложена в следующей редакции: «Любая из договаривающихся сторон может в любое время путем извещения

Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций распространить применение настоящей Конвенции на все или некоторые территории, за ведение внешних отношений которых она ответственна» [67, с.244]. СССР, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия в свою очередь в меньшинстве не согласились с нормой такого содержания и воспользуясь своими правами сделали соответствующие оговорки. В частности, СССР при подписании Конвенции 16 декабря 1949 года официально заявил следующее: «Союз Советских Социалистических Республик заявляет свое несогласие со статьей XII Конвенции и считает, что все положения Конвенции должны распространяться на самоуправляющиеся территории, включая подопечные» [67, с.244], которые, как и это предусмотрено в Уставе ООН, должны находиться под мандатом Секретариата организации.

Таким образом, накануне принятия проекта конвенции о борьбе с геноцидом на одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН, не были приняты членами подготовительного Комитета следующие советские предложения: о признании в качестве отдельной формы национально-культурного геноцида; о инкорпорации положения, предусматривающего непосредственную, причинно-следственную связь геноцида с фашизмом и другими проявлениями расистских теорий; о закреплении требования относительно установления уголовной ответственности за пропаганду геноцида. Но тем не менее при рассмотрении других оставшихся положений советского проекта комитетом были полностью или частично учтены важнейшие из них. А.Н.Трайнин в этой связи отмечал, что, во-первых, «Комитет единогласно принял советское предложение о том, что понятие физического уничтожения должно охватывать не только случаи прямого убийства отдельных групп населения по расовым и национальным (религиозным) мотивам, но и предумышленное установление для этих групп таких условий жизни, которые были бы направлены на уничтожение этой части населения» [6, с. 419]; во-вторых, «единогласно было принято советское предложение о том, чтобы в конвенции были предусмотрены как преступления: а) попытка совершения геноцида; б) такие подготовительные к нему действия, как изучение техники геноцида, производство установок и т.п. для его совершения, инструкции, приказы, поручения, распределение заданий с целью совершения преступлений геноцида» [6, с.419, 420]; и, в-третьих, «было принято также решение о том, что должны быть наказуемы преднамеренное участие в геноциде, публичное подстрекательство к его совершению, а также сообщество или иные формы сговора в целях совершения геноцида» [6, с.420].

Конвенция предусматривала особый порядок ее вступления в юридическую силу: на основании ст. XI она была открыта «для подписания до 31 декабря 1949 года от имени любого члена Организации Объединенных Наций и любого не состоящего членом Организации государства, получившего приглашение Генеральной Ассамблеи подписать Конвенцию» [71, с.100]. Согласно этой же статье, она подлежала ратификации, и начиная с 1 января 1950 года к ней могло присоединиться любой член ООН и любой нечлен этой организации, получившее вышеобозначенное приглашение [71, с.100].

СССР, Белорусская ССР и Украинская ССР подписали Конвенцию 16 декабря 1949 года. Советский Союз окончательно утвердил ее в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 марта 1954 года, текст которого был опубликован в Ведомостях этого высшестоящего коллегиального органа (№12, ст. 244). Ратификационная грамота СССР по этой Конвенции была депонирована Генеральному секретарю ООН 3 мая 1954 года. Конвенция была введена в действие 12 января 1951 года, после того как ее ратифицировали более 20 государств, а для СССР – с 1 августа 1954 года с оговорками, сделанными им при ее подписании. За исключением уже отмеченной оговорки, связанной со ст. XII, СССР сочел первым заявить свою официальную позицию и относительно ст. IX конвенции. Она гласила: «Советский Союз считает для себя необязательными положения статьи IX, предусматривающей, что споры между договаривающимися сторонами по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей конвенции передаются на рассмотрение Международного суда по требованию любой из сторон в споре, и заявляет, что в отношении подсудности Международному суду споров по толкованию, применению или выполнению конвенции Советский Союз будет придерживаться, как он это делал и до сего времени, такой позиции, согласно которой для передачи того или иного спора на разрешение Международного суда необходимо в каждом отдельном случае согласие всех спорящих сторон» [37, с.32]. Как писали советские ученые, опыт работы Международного суда, на решениях которого нередко сказывалось давление стран Запада, делал эту оговорку необходимой [6, с.421]. Впоследствии, спустя тридцать пять лет в связи с началом в СССР политики «перестройки» и «нового политического мышления», Советский Союз снял оговорку о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН. Оно было осуществлено на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1989 года №10125-XI «О снятии сделанных ранее оговорок СССР о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН по спорам о толковании и применении ряда международных договоров» [72, с.79].

Как было предусмотрено в рамках ст. XIV, Конвенция имеет срочный характер: она «действительна в течение десяти лет, начиная со дня вступления в силу» [71, с.101] и «остаётся в силе на последующие пятилетия в отношении тех Договаривающихся сторон, которые не денонсируют ее по меньшей мере за шесть месяцев до истечения соответствующего срока ее действия» [71, с.101]. Согласно ст. XV «если в результате денонсации число участников... Конвенции станет менее шестнадцати, Конвенция прекращает свое действие в день вступления в силу последней денонсации» [71, с.102]. Следует, однако, отметить, что до сих пор ни одно государство – участник не выражало своего намерения выйти из Конвенции.

Важно то, что после вступления Конвенции в силу, ряд государств, участвовавших в ее разработке, а именно США, Великобритания и ЮАР, стали заявлять о своей незаинтересованности в ее необходимости, что выглядело не только странным и непонятным, но и противоречивым и одновременно

неуважительным по отношению к другим государствам – членам подготовительного Комитета. Так, озвучивая нежелание принимать на себя обязательства по Конвенции, «председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уайли в мае 1954 г. заявил, что Соединенные Штаты не собираются ратифицировать Конвенцию ООН о геноциде» [6, с.422], и вслед за ним «помощник государственного секретаря США Мортон отметил, что положения Конвенции о геноциде не связывают Соединенные Штаты» [6, с.422] и «никоим образом не ограничивают и не затрагивают права и свободы американских граждан» [73, с.17].

Одно из очевидно объективных объяснений подобного поведения в международных делах со стороны вышеназванных государств заключалось в том, что ситуация в них «на тот момент во многом объясняла такую политику в отношении Конвенции» [5, с.37]. Если на территории США в больших масштабах существовали ограничения и ущемления в правах чернокожего населения и в связи с которыми, в частности, «в 1951 г. Конгрессом борьбы за гражданские права в ООН была подана петиция, в которой правительство США обвинялась в геноциде» [5, с.37], то «в ЮАР острее стояла проблема дискриминации цветного населения» [5, с.37]. В петиции указанного Конгресса утверждалось, что «негры – граждане Соединенных Штатов, угнетаемые и подвергаемые сегрегации и дискриминации, а также в течение длительного времени являющиеся объектом насилия, страдают от геноцида, как результата последовательной, сознательной и согласованной политики всех органов правительства» [8, с.271]. Подтверждалось это во многом тем, что, например, как писал М.Конвиц, что в 21 штате негры обязаны были селиться отдельно от белых; во многих штатах для негров были отведены особые места в барах, театрах, цирках [74, р.133]. Проводимая официально политика в африканском государстве «привела к тому, что в 1962 г. ООН призвала всех своих членов порвать дипломатические отношения с ЮАР, закрыть порты и аэродромы для южноафриканских судов и самолетов, бойкотировать торговлю и в первую очередь не поставлять оружия в ЮАР, а в 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой обвинила власти ЮАР в политике апартеида» [5, с.38].

Тем не менее даже отказываясь от участия в Конвенции, ни одно государство не смогло бы избежать ответственности за совершение преступления геноцида, поскольку в принятом 28 мая 1951 года Консультативном заключении Международного Суда ООН под названием «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него» указывалось, что принципы Конвенции являются обязательными даже для государств, не присоединившихся к ней» [5, с.38]. «Это означало, во-первых, что принципы, лежащие в основе Конвенции, являются принципами, признанными цивилизованными народами в качестве обязательных для государств, даже без каких-либо договорных обязательств; а во-вторых, это означало универсальный характер как осуждения геноцида, так и сотрудничества в борьбе против этого преступления» [5, с.38]. Отсюда следует,

что «с принятием этого Консультативного заключения началось формирование обязательств *erga omnes*, которые были введены в оборот решением по делу *Barcelona Traction*» [5, с.38]. Международный суд по этому делу указал, что «...должна быть проведена существенная разница между обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами государств, которые возникают в отношении другого государства в рамках дипломатической защиты. По своей природе первые затрагивают все государства. В силу важности вытекающих из них прав все государства могут считаться имеющими юридический интерес в их защите; обязательства, о которых идет речь, представляют собой обязательства *erga omnes*. Эти обязательства вытекают в современном международном праве, например, из запрещения актов агрессии, геноцида...» [75]. В дальнейшем еще раз Международным Судом было обращено внимание мирового сообщества на то, что обязательства по Конвенции 1948 г. действительно являются обязательствами *erga omnes* (лат. «имеющие отношение ко всем, касающиеся всех»)» [76, с.48] и, здесь же как пишет Н.А. Сафаров, было особо подчеркнута, что «обязательство каждого государства по предупреждению и наказанию геноцида не имеет территориального ограничения по Конвенции» [76, с.51]. Иными словами, все государства должны обеспечивать соблюдение запрета на геноцид как «*obligation erga omnes*» и, следовательно, они же обязаны вмешаться и остановить это преступление, где бы оно ни совершалось.

Наверняка принимая во внимание все эти аргументы, изложенные в качестве юридического обоснования в Консультативном заключении Международного Суда ООН, а также анализируя последующую международно-правовую практику в области защиты прав и основных свобод человека и, что немаловажно отметить, чтобы не подорвать свою внешнеполитическую репутацию, США впоследствии изменили позицию в отношении уже действующей Конвенции 1948 года. Свидетельством к сказанному является тот факт, что 5 ноября 1988 года тогдашний Президент США Р.Рейган подписал акт о присоединении своей страны к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Как и следовало ожидать, такое решение имело не только сторонников, но и яростных противников. Последние со всей серьезностью утверждали, что «Конвенция посягает на государственный суверенитет Соединенных Штатов» [13]. В числе одних из главных сторонников участия США в Конвенции «был сенатор от штата Висконсини Уильям Проксмайр, который с 1968 по 1987 годы произнес в Конгрессе более 3000 речей в ее защиту» [13]. Не остались безучастными и Великобритания, и ЮАР, которые тоже присоединились к Конвенции в качестве участников, соблюдающих ее положения.

В целом период после вступления Конвенции в силу, в частности 1950-1990 годы, охватываемые идеологическим и конфронтационным по сути понятием «холодная война», характеризовался серьезными преступлениями против гражданского населения во многих регионах планеты.

В их числе, ссылаясь на многочисленные факты, собранные Ю.Соломатиным и И.Новиковой, можно *без изменений* отметить, к примеру, 1) разразившуюся в 70-х гг. XX века гражданскую войну между Западным Пакистаном (ныне Бангладеш) и Восточным Пакистаном, в результате которой войска последнего только за 9 месяцев 1971 года убили от 1 млн. до 3 млн. мирных жителей; 2) с 1973 года власти Вьетнама проводят репрессии в отношении народности дегар и этот процесс начался после окончания войны во Вьетнаме (победившие коммунисты начали преследовать небольшие племена, которые активно поддерживали Южный Вьетнам и его союзников; ныне считается, что за четверть века численность народа дегар сократилась на две трети); 3) в 1980-е годы, во время гражданской войны в Гватемале, жертвами массовых убийств стали индейцы майя; принято считать, что в результате действий армии и проправительственных «эскадронов смерти» погибло более 75 тыс. индейцев; 4) в 1986-1988 годы иракские войска провели военную операцию против курдов, в результате которой с использованием отравляющего газа зарин были полностью уничтожены 4 тыс. деревень и, кроме того, этнические чистки проводились на юге страны – против местных шиитов; 5) с 1989 года индийская армия проводит репрессии против мусульманских жителей штата Кашмир (спорная с Пакистаном территория), в ходе которых погибло до 15 тыс. человек; в свою очередь вооруженные формирования мусульман убивают мирных жителей-индуистов – в результате примерно 500 тыс. индусов стали беженцами; 6) Индонезия продемонстрировала примеры трех вариаций геноцида: этнического, идеологического и религиозного: начиная с 1965 года и по сей день правительственные войска проводят этнические чистки на западной части острова Новая Гвинея, населенной преимущественно, папуасами-анимистами; в 1965-1966 годы правительство Индонезии уничтожило до 1 млн. членов коммунистической партии страны и сочувствовавших им крестьян (коммунисты были особенно популярны в сельской местности, поэтому армия просто окружала деревни и уничтожала всех обитателей); в 1975 году Индонезия захватила восточную часть острова Тимор, ранее являвшейся колонией Португалии (ныне независимое государство); в последующие десятилетия погибло более 200 тыс. местных жителей (тиморцы были католиками, а индонезийские войска и власти – мусульманами); 7) в 1975-1979 годы от 1,7 до 4 млн. жителей Камбоджи (абсолютно точных данных нет) были уничтожены «красными кхмерами» - организацией маоистского толка, взявшей власть в стране; 8) следующий пример – это Руанда, на территории которой первые случаи массового истребления людей по этническому принципу (так действовали и тутси, и хуту) были отмечены в 1961 году; в 1972 году власти (тогда в Руанде правили тутси) организовали убийства около 200 тыс. хуту; в 1994 году резня вспыхнула с новой силой: на этот раз власть находилась в руках у хуту, которые организовали уничтожение около 940 тыс. тутси и «умеренных» хуту»; 9) 11 сентября 1973 года в Чили произошел поддержанный американским правительством переворот, в результате которого от рук

«эскадронов смерти» погибло, по разным оценкам, от 3 до 10 тысяч человек сторонников президента С.Альенде; 10) на протяжении более чем трех десятилетий XX века правительственные войска Шри-Ланки (в основном комплектуются представителями народа сингалов, составляющими большинство страны и исповедующими буддизм) проводили этнические чистки в отношении тамиллов (индуистов), стремящихся к созданию независимого государства, а в свою очередь наиболее известная организация тамиллов «Тигры Освобождения Тамил Илама» (признана террористической) также проводит этнические чистки в отношении сингалов [14].

Дополнительно к вышеприведенным ужасающим примерам можно добавить и войну в 1992-1995 гг. в Боснии, которая, как пишет в своем труде «Justice and Genocide in Bosnia: An Unbridgeable Gap between Academe and law?» («Правосудие и геноцид в Боснии: непреодолимый пробел между научными кругами и законом?») английский ученый Г.Кент, «была худшей войной на европейском континенте после второй мировой войны» [77, p.140-161]. При этом исследователь отмечает, что существует условная договоренность между наукой и правом о случаях массовых убийств в Сребренице (где по данным Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии сербская армия целенаправленно убила от 7000 до 8000 боснийских мусульман в так называемой предполагаемой зоне безопасности), составляющих геноцид, но более ранний период войны, а именно весна - лето 1992 года в восточной и северной частях Боснии, часто рассматривается аналитиками как ключевой период систематического и массового насилия в отношении мужского населения рассматриваемой балканской страны [77, p.140]. Генеральный секретарь ООН в своем докладе (1999 г.) в этой связи подчеркнул, что «как часть стремления к «Большой Сербии» сербы намеревались оккупировать территории анклавов...Гражданские жители анклавов не были случайными жертвами; их смерть или уничтожение были продуманными... Тактика использования дикого ужаса и, в первую очередь массовые убийства, а также изнасилование и надругательство над мирным населением... была использована в наибольшей степени в Боснии и Герцеговине...» [78]. Дж. Гоу, констатируя, что война в Боснии была третьим (после Словении и Хорватии) конфликтом в контексте югославского распада, заключает: «она превзошла все ожидания жестокости» [79, p.250]. Специалист из самой Боснии и Герцеговины М.Калдор по этому поводу писала, что событие в его родном государстве навсегда остались как чудовищные в европейском и более широком глобальном сознании [80, p.216], а один из историков особо заметил, что боснийский конфликт остается до сих пор «одним из самых недооцененных в современной истории» [81]. Но тот факт, что сербские действия в совокупности составили акт геноцида, разделяют многие специалисты: не только юристы, но и социологи и другие ученые – гуманитарии. Например, ведущий специалист по изучению геноцида М.Шоу в середине 1990-х гг. утверждал, что события, имевшие место в Боснии, можно однозначно квалифицировать как геноцид [82, p.88]. Н.Сигэр, военный эксперт, автор книги *Genocide in Bosnia: The Policy of*

Ethnic Cleansing» (Геноцид в Боснии: политика этнической чистки», 1995г.) подробно рассмотрел специфический характер нападений и идеологию этнической чистки, лежащих в основе действий сербских вооруженных формирований [83, р.264]. Философы, в том числе Дж. Бодриллард, А. Финкелькраут и особенно Б.Х. Леви также считают, что бывший югославский конфликт следует понимать в данном контексте [84, р.52]. С.Местрович, известный американский социолог говорит в своем научном труде о «постэмоциональном («postemotional») геноциде в Боснии [85, р.225]. Вместе с ним эту позицию разделяет и Т.Кушман [86, р.422]. В целом представители различных наук приняли такую точку зрения, в соответствии с которой Сербия и ее доверенные (или уполномоченные от ее имени) лица действительно пытались осуществить завоевательный проект (и, пожалуй, частично преуспели в этом), подкрепляя его методами, направленными на совершение геноцида [87, с.24].

Кроме вышеотмеченных фактов нужно отметить и то, что так или иначе случаи геноцида практически игнорировались и государствами, подписавшими Конвенцию и соответственно принявшими на себя обязательства предотвращать подобные международные преступления и наказывать за них.

Выводы.

1. Обобщая содержание всего вышеизложенного в рамках данного подраздела работы можно прежде всего говорить о том, что в целом весь запланированный процесс разработки, обсуждения, принятия и введения в юридическое действие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него завершился. Международное сообщество в лице как государств-нечленов, так и государств – членов ООН пришло к единодушному мнению в понимании состава геноцида и признании его как серьезного, бесчеловечного преступления, преследуемого международным правом. В частности, в п.200 Доклада Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам от 1 декабря 2004 года «Более безопасный мир: наша общая ответственность» отмечается, что «в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него государства согласились с тем, что геноцид, независимо от того, совершается он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение» [88] и «с тех пор существует понимание, что геноцид, где бы он ни происходил, является угрозой безопасности всех и никогда не должен быть терпим.» [88, с.71] При этом «принцип невмешательства во внутренние дела не может использоваться для прикрытия актов геноцида или других злодеяний, таких, как широкомасштабные нарушения норм международного гуманитарного права или массовые этнические чистки, которые могут обоснованно рассматриваться как угроза международной безопасности и в силу этого считаться основанием для принятия мер Советом Безопасности.» [88, с.75] Таким образом, Конвенция о геноциде 1948 года «по своей природе является незаменимой, так как она (по крайней мере ее дух) играет важную

роль в поддержании цивилизованности в международном праве и прогрессивности общества», - утверждают специалисты [65].

2. Отсутствие твердой политической воли государств – участников Конвенции о геноциде 1948 года выполнить свои международные обязательства по данной Конвенции проявилось только на начальном этапе ее действия, что подтвердилось в указанном нами Консультативном заключении Международного Суда ООН по поводу оговорок ряда государств-участников к ст. IX Конвенции [3, с.5]. Этот факт подтверждается также мнением известного российского ученого-международника проф. С.В. Черниченко, неоднократно высказанным в его философском трактате о том, что «обязательность права не равнозначна его обеспеченности государственным принуждением» [89, с.630]. Тем не менее основные положения Конвенции стали теперь нормами обычного международного права [48]. В подтверждение к сказанному в своем уже неоднократно отмеченном Консультативном заключении Международный Суд ООН определил, что «принципы, лежащие в основе Конвенции, являются принципами, которые признаны цивилизованными странами как связывающие государства даже без любого обычного обязательства» [90, р.33]. Генеральный секретарь ООН также высказал суждение об обычно-правовом статусе принципов международного права, установленных этой конвенцией, которое было затем подтверждено Советом Безопасности [91] и решениями Международных уголовных трибуналов по Югославии [92] и Руанде [93]. Более того, данные нормы сегодня относятся к категории безапелляционных норм *jus cogens* [92, р.23], которые не могут быть отменены ни международным договором, ни тем более национальным законодательством [47, р.98]. Это означает, что «наиболее исключительной и, возможно, самой сильной стороной Конвенции является недопущение отступлений от ее положений и обязанность государств соблюдать закрепленные в ней требования» [65]. По мнению эксперта по Конвенции Ф.Шонфельда, она представляет собой «культовое, основополагающее юридическое соглашение» [94] и стоит выше любой политической риторики» [94]. Без нее по объективной оценке С.Пауэр, не функционировали бы те же Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, а также Международный уголовный суд [95]. Как было до этого подчеркнуто, «обязательства не совершать такого рода действия носят характер и особой категории обязательств перед международным сообществом в целом (между всеми)» [96, с.188]. Отдельные специалисты в этом смысле пишут, что «так как все государства имеют юридический интерес, то они вправе призвать к ответственности государство, нарушившее обязательство *erga omnes*» [96, с.188].

3. «Несмотря на некоторое отличие изначального понятия геноцида, данного отцом-основателем этого термина от окончательного варианта определения, государства оказались едины во мнении о необходимости борьбы с этим бесчеловечным преступлением и защиты населения планеты от подобных деяний» [5, с.40]. Принципиально важным при этом является то, что сам «геноцид» окончательно сформировался как юридическая категория именно

в Конвенции 1948 года, что, следовательно, еще раз подтверждает объективную необходимость борьбы с ним и применения соответствующих уголовно-правовых мер ответственности в контексте формирования и дальнейшего развития универсальной юрисдикционной системы. Не менее важное значение при определении международно-правовой природы геноцида как преступного и наказуемого деяния имеет более того то обстоятельство, что «Конвенция ... 1948 года, так же как и все остальные действующие универсальные международно-правовые акты в области защиты прав и свобод человека, должна рассматриваться не только в качестве источника международного уголовного права, но и в качестве основного договорного источника международного гуманитарного права» [9, с. 20]. В широком же смысле преступление геноцида, борьба или противодействие которому регламентируется Конвенцией, противоречит Уставу ООН, Декларации о принципах международного права, Всеобщей Декларации прав человека, Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенции о правах ребенка, Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством и ряду многих других международно-правовых актов.

Одновременно Конвенция о геноциде 1948 года является и главным источником для определения состава данного преступления. Но об этом речь подробно пойдет в следующем разделе работы.

2 ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ КОНВЕНЦИИ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО 1948 ГОДА В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ

2.1 Состав преступления геноцида согласно Конвенции 1948 года

В предыдущем подразделе настоящей работы (п.1.1) отмечалось, что ни в Уставах, ни в приговорах, вынесенных Нюрнбергским и Токийским международными военными трибуналами, преступления геноцида в прямой постановке не были названы. В конечном итоге юридическое понятие геноцида, а также отдельный перечень форм участия в данном конкретном общественно опасном деянии были окончательно сформулированы в ст. II и ст. III Конвенции 1948 г. Так, в соответствии со ст. II:

«В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» [71, с.99].

Согласно же следующей ст. III Конвенции уголовно наказуемыми является не только собственно «a) геноцид», но и:

- « b) заговор с целью совершения геноцида;
 - c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
 - d) покушение на совершение геноцида;
 - e) соучастие в геноциде» [3, с.20].
- В дальнейшем эти же нормы были воспроизведены в ст. 4 (2,3) Устава Международного трибунала для преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1 января 1991 года, в ст. 2 (2,3) Устава Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года, а также частично (без указания форм участия соучастия) в ст.6 Римского Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года. Тем самым, включая указанные статьи в свои Уставы, разработчики этих учредительных актов гарантировали, что

международные судебные учреждения не только будут руководствоваться определением геноцида, закрепленным в Конвенции 1948 года, но и имеют юрисдикцию по всем уже общепризнанным формам участия в нем, перечисленным в ст. III Конвенции. В частности, сказанное согласно мнения британского проф. У.А.Шабаса подтверждается тем, что геноцид, пожалуй, единственное преступление в пределах уставов (специальных трибуналов ООН), в котором начальные формы (по терминологии казахстанского уголовного права «усеченные составы») преступлений являются наказуемыми вообще [97, р.179].

Одно из первых обвинений в геноциде после вступления Конвенции в юридическую силу касалось преднамеренных действий, направленных против темнокожего населения в США. В этой связи «Конгресс по правам человека (подотчетная ООН организация, упраздненная в 1956 г.) в декабре 1951 г. представил ООН петицию, в которой приводились факты покушений на жизнь афроамериканцев в 1945-1951 гг» [67]. Первым государством, непосредственно обвиненным в нарушении указанной статьи Конвенции, стала Сербия. «В июле 1999 г. иск в Международный суд ООН против этого государства подала Хорватия, обвинявшая Сербию в геноциде во время конфликта на хорватской территории в 1991-1995 гг. В январе 2010 г. Сербия ответила встречным иском, в котором были собраны доказательства геноцида сербского населения хорватскими властями и военными» [67]. Однако «3 февраля 2015 г. Международный суд ООН отказал в удовлетворении взаимных исков» [67].

Впервые нормы Конвенции были применены по отношению к гражданам Руанды и, соответственно первым же судебным делом, в рамках которого использовались юридические формулировки преступления геноцида, а также рассматривались серьезные нарушения ст.3 общей для всех Женевских Конвенций о защите жертв войны 1949 года и Дополнительного протокола II 1977 года к этим конвенциям, специалисты считают дело «Прокурор против Жана-Поля Акаезу». Слушания по нему начались 9 января 1997 года Судебной палатой (камерой) Международного уголовного трибунала по Руанде и закончились вынесением решения 2 сентября 1998 года. Камера детально рассмотрела все обстоятельства конфликта (к делу были приложены 125 документальных свидетельств) в целях поиска однозначного ответа на следующие два вопроса: 1) являлись ли события 1994 г. в Руанде, связанные с конфликтом между вооруженными силами Руанды (ВСР) и Патриотическим фронтом Руанды (ПФР) вооруженным конфликтом немеждународного характера?; 2) являлись ли массовые убийства, совершенные в стране и на территориях соседних государств в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года актами геноцида [93]?

Исследователи, специально посвятившие свои диссертации анализу данных вопросов, в этой связи подчеркивают, что «в процессе квалификации указанных преступных деяний Судебная палата МУТР ориентировалась прежде всего на положения Конвенции о геноциде 1948 г.» [3, с.20]. Принимая во внимание то обстоятельство, что массовые убийства (жертвами которых стали

преимущественно представители народности тутси), Судебная палата пришла к заключению, что в данном случае имели место первые два условия, содержащиеся в определении геноцида, а именно: убийства и причинение серьезных телесных повреждений членам определенной группы [3, с.21]. «Судебной палатой также было зафиксировано следующее условие определения геноцида – намерение уничтожить, полностью или частично, какую-либо группу как таковую, а именно: тутси» [3, с.21]. Вместе с тем «Судебная палата МУТР заключила, что акты геноцида были совершены в то время, когда в Руанде имел место вооруженный конфликт между ВСР и ПФР, и это не могло рассматриваться как смягчающее обстоятельство для наказания лиц, совершивших акт геноцида» [3, с.21].

Еще одно судебное дело, но уже рассмотренное Судебной палатой (камерой) Международного трибунала по бывшей Югославии со ссылкой на Конвенцию 1948 года о геноциде – «Прокурор против Поповича и других» - выявило и доказало вину двух лиц в совершении преступления геноцида – В.Поповича и Л. Биара, используя 315 свидетельских показаний, более 5 тысяч вещественных доказательств, изложенных на 87 тысячи страницах [3, с.21]. Судебная палата рассмотрела две категории так называемой «совместной преступной деятельности»: она в своем решении указала на то, что одно общественно опасное деяние было совершено в целях умышленного уничтожения мужского взрослого населения боснийских мусульман, а другое заключалось в насильственном изгнании населения боснийских мусульман из городов Сребреница и Жепя [3, с.21]. «По главным моментам событий Судебной палатой было квалифицировано, что имели место факты насильственного перемещения гражданского населения и массовые убийства интернированных лиц» [3, с.21]. Однако ключевым является тот факт, что «масштабы и характер операции по уничтожению людей, учитывая число погибших, ту организованную схему, по которой она осуществлялась, а также идентификацию и непрекращающееся преследование жертв и наличие твердого намерения осуществить намеченное, что следовало из свидетельских показаний и вещественных доказательств, а именно: уничтожить каждого взрослого боснийского мусульманина, предоставили реальную возможность Судебной палате заключить, что речь в этом случае однозначно идет о геноциде» [3, с.20].

Между тем приведенные выше в качестве примеров два судебных дела не только ясно указывают на то, что без Конвенции о геноциде 1948 года, «маловероятно, Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде... существовали бы» [98, р.20], но и позволяют прояснить позицию по некоторым важным концептуальным аспектам, связанным в целом с определением преступления геноцида. Дело в следующем: несмотря на то, что рассмотренные в упомянутых международных уголовных трибуналах конкретные дела по обвинению в геноциде сыграли важную роль в развитии и понимании основных элементов состава данного преступления, понятие геноцида, сформулированное в ст. II Конвенции 1948 года, да и другие ее положения до сих пор не являются однозначно устоявшимися и является порой

предметом острых дискуссий и споров как в широких официальных кругах, так и в сфере исследований ученых – гуманитариев: историков, юристов, социологов, политологов, психологов и философов и самих геноцидоведов. В частности, если Т.И. Саинати считает, что «статья II Конвенции ограничивает определение геноцида пяти перечисленными действиями, когда другие действия также могут быть совершены с намерением уничтожить находящуюся под защитой группу» [12, р.178], и таким образом, по ее мнению имеет место узкое договорное определение геноцида, то ряд экспертов наоборот исходят из того, что установлены факты широкого толкования этого преступления путем расширения понятия «преступления против человечности» [99, с.233]. Ю.В.Черновицкая пишет, что определение геноцида, данное в Конвенции, - во-первых, «не включает ни «политицид» - уничтожение политических групп и общественных классов (например, предполагаемых коммунистов при режиме Сухарто в Индонезии), ни так называемый «самогеноцид» - уничтожение элиты или большинства групп, которые разделяют все или большинство определяющих национальных, этнических, расовых и религиозных характеристик господствующих групп (например, убийства в 1975-1979 гг. камбоджийцев Пол Потом и Красными кхмерами)» [100, с.165]; во-вторых, «определение видов групп, данное в Конвенции, выглядит противоречивым» [100, с.165] или «ограничение определения «национальными, этническими, расовыми или религиозными группами» можно назвать произвольным» [100, с.165]. В.М. Вартанян подчеркивает, что «указание на намерение в определении Конвенции было особенно спорным, так как утверждалось, что оно чересчур ограничивает применение международных норм, запрещающих геноцид» [11, с.34]. При этом нужно отметить, что правительства некоторых государств, при попустительстве которых осуществлялись акты геноцида (это не только отмеченные до этого в работе правительства Турции, Хорватии и других государств – союзников фашистской Германии во время второй мировой войны, но и в рамках вышеприведенных двух судебных дел – правительства Руанды и бывшей Югославии), пытались (и пытаются) избежать санкций в виде уголовных наказаний и финансовых компенсаций, прибегая к разным «юридическим» уловкам и отрицая именно намерения уничтожить ту или иную группу как таковую. Однако большинство юристов – комментаторов Конвенции 1948 года сегодня в один голос утверждает, что без строгого условия преднамеренности было бы невозможно отличить геноцид как особое преступление от других форм правительственной поддержки массовых убийств. В этой связи, к слову, Комиссия международного права ООН в свое время отметила, что совершение преступления геноцида не требует достижения конечного результата уничтожения группы: достаточно совершения любого из перечисленных в ст. II Конвенции деяний с явным намерением достижения полного или частичного уничтожения защищаемой группы как таковой [101].

В то же время С.Дмитриевский полагает, что «для многих парадоксально прозвучали бы два следующих утверждения: во-первых, не каждый случай массового уничтожения людей равняется геноциду; во-вторых, не каждый акт

даже незначительного по числу жертв и локального насилия исключает существование геноцида» [48]. Между тем, как замечает этот же автор, «это так: геноцид и массовое убийство вовсе не одно и то же; элемент массового убийства не является обязательным квалифицирующим признаком геноцида, хотя и является важнейшим из индикаторов, сигнализирующих о его возможном совершении» [48]. Такой же позиции придерживается Е.Д. Панкратова, согласно заключению которой «элемент массовости не может признаваться решающим при определении состава преступления геноцида, поскольку окончанным такой состав признается при совершении любого из деяний, предусмотренных в Конвенции 1948 года, при наличии умысла виновного на уничтожение полностью или частично расовой, национальной, религиозной или этнической группы» [5, с.54]. В отличие от указанных авторов иное мнение имеет А.Мейровиц: он утверждает, что «...элемент множественности жертв необходим не более, чем элемент множественности актов» [102, с.134].

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо обратить внимание и на следующее обстоятельство: все чаще государства и международное сообщество в целом сталкиваются с ростом в мире самых разнообразных по типам и видам политических, социальных, экономических и иных практик, «так или иначе причастных к тому, что может быть квалифицировано как геноцид» [100, с.166] (напоминаем, что ими могут быть этнические чистки, гуманитарные трагедии и др.). «Все более опасной чертой современного этапа развития человеческого общества становится тенденция трансформации прямого геноцида в косвенный», - отмечает Ю.В. Черновицкая в своей кандидатской диссертации [103, с.34]. М.Гэфтер считает, что «нет геноцида против кого-то, геноцид всегда против всех» [104, с.274]. В российском энциклопедическом труде под названием «Глобалистика» его авторы подчеркивают, что в последнее время «происходит нарастание масштабов геноцида» [105, с.163]. Исходя из этих факторов можно наверняка сделать вывод о том, что возникает опасная ситуация, в рамках и пределах которой «геноцид может перерасти в войну всех против всех, превратиться в самогеноцид человечества» [100, с.166]. При этом, как особо отметил бывший Президент Армении С.Саргсян, выступая на глобальном общественно-политическом форуме «Против преступления геноцида», состоявшейся 22 апреля 2015 года в Ереване, одной из причин повторения геноцидов и преступлений против человечества является тот факт, что международное сообщество не проявило последовательности, единства и решимости для признания и осуждения совершенных геноцидов, а также исключения возникновения среды, способствующей геноциду и его отрицания в достаточной степени [106].

На основе вышеизложенного становится ясным, что в определенном смысле имеет место понятийный кризис, связанный с термином «геноцид». Так как он, закрепленный в Конвенции еще в 1948 году, постепенно перестает «четко фиксировать реальность происходящего» [100, с.166]. Поэтому,

несмотря на достаточную степень разработанности юридических, а также политических и исторических аспектов проблемы, необходимо, насколько это возможно, *провести в работе прежде всего всестороннее и междисциплинарное осмысление элементов определения геноцида*, и в частности, его вне Конвенции существующих форм, а через него одновременно и последовательно определить структуру состава данного преступления в международном праве.

Для начала нужно подчеркнуть, что совокупность признаков и элементов, характеризующих геноцид как преступление в международном и национальном праве, в целом идентична. «Однако, если в теории национального уголовного права вопросами, относящимися к объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне преступлений занимались давно и основательно, то применительно к преступлениям по международному праву, эти вопросы, несмотря на их актуальность, предметом глубокой разработки до сих пор не стали» [107]. Отсюда следует, что относительно как геноцида, так и других аналогичных международных общественно опасных деяний анализ их состава исследован достаточно слабо. В действующем международном уголовном праве рассматривая преступления чаще всего выделяют из объективных элементов *actus reus* (преступное или запрещенное поведение (деяние), из числа субъективных элементов – *mens rea* (необходимое или требуемое намерение), а также так называемый контекстуальный элемент или по другому *контекстуальные обстоятельства* (применительно к геноциду суть состоит в том, что деяние, как того требуют «Элементы преступлений» Международного уголовного суда, должно иметь «место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против той или иной группы» [108], или должно являться «поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению») [108]. Отмеченное в свою очередь указывает на то, что: а) не всегда и полностью существует возможность механически перенести все признаки и элементы состава наказуемого деяния из системы внутригосударственного уголовного права в сферу функционирования международного права; и б) геноцид как и иные международные преступления является отдельным видом со своим «*уникальным особым составом*». Но тем не менее необходимо отметить, что в геноциде как и в деянии, регламентируемом с точки зрения национального уголовного права, все признаки и элементы состава преступления – объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона присутствуют, они тоже тесно взаимосвязаны между собой и наличие каждого из них служит обязательным условием для признания в действиях лица вины. Такое переплетение, к примеру, можно увидеть в том, что «определение объекта геноцида трудно отделимо от субъективной стороны» [48] и, соответственно, «материальный элемент данного преступления необходимо рассматривать в преломлении *mens rea* субъекта преступления» [48]. Также нужно добавить, что «наличие контекстуального элемента, выраженного в практике совершения аналогичных действий, может, при определенных обстоятельствах, служить косвенным

доказательством преступного намерения» [48]. Поэтому учитывая это общее сходство в квалификации деяния, нам, также как и многим другим специалистам, «представляется правильным рассмотреть состав преступления геноцида в международном уголовном праве с точки зрения классической четырехзвенной структуры» [5, с.41], исключая при этом, однако, контекстуальные обстоятельства. Дело в том, что вынесенные международными трибуналами *ad hoc* судебные решения, в отличие от Римского Статута, «при определении состава преступления геноцида *специально не выделяют* «контекст явной линии аналогичного поведения» в качестве обязательного юридического элемента» [48] (он обязателен согласно ст.9 Римского Статута для Международного уголовного суда в толковании и применении отдельных статей, в том числе ст.6 о геноциде) [109, с.326]. Не требует контекстуального обстоятельства и Конвенция о геноциде и, следовательно, данный элемент как наличие существования «широкомасштабной или систематической практики» важна не с юридической, а только с очевидной точки зрения. Между тем при установлении соответствия геноцида признакам состава преступления *все-таки необходимо учитывать* специфику права международного. В самих уставах международных уголовных трибуналов рассматриваемые так называемые *сущностные признаки* именуется как общие требования [110, р.192]. В этом процессе серьезную и существенную помощь окажет богатый массив прецедентного права двух международных уголовных трибуналов ООН, который сложился к настоящему времени и, в котором, кстати, существование вышеуказанного контекста было установлено фактически полностью.

Согласно Конвенции 1948 г. объектом преступления геноцида являются отношения, направленные на обеспечение безопасных условий жизни четырех видов демографических групп: национальных, этнических, расовых и религиозных. Под безопасностью в обобщенном и широком смысле при этом должно пониматься соответственно состояние защищенности перечисленных групп от любых угроз, вызовов, опасностей и рисков, посягающих на их жизненно важные интересы. Последние не обязательно должны быть связаны только с физическим уничтожением группы людей, выделяемой Конвенцией по своей принадлежности к тому или иному сообществу, но также подразумевают охрану здоровья, собственности, семьи, несовершеннолетних, чести и достоинства личности. Исходя из такого объема объекта геноцид в целом характеризуется как преступление против человечества, и следовательно, он и «есть преступление против множества личностей» [107].

Таким образом, следуя строго ст. II Конвенции, к потерпевшим от геноцида можно отнести только представителей вышеуказанных групп. Данный подход и сегодня поддерживается многими учеными и специалистами. Так, А.А. Сампайо и М. Макивой анализируя практику применения Конвенции приходят к выводу о том, что жертвами геноцида могут быть представители только стабильных групп, принадлежность к которым определяется автоматически, преимущественно от рождения, и является длительной, часто

неизменной [111, p.62]. Их точку зрения разделяют в своих исследованиях и другие эксперты, полагая, что в Конвенции речь не идет о переменных («изменчивых») группах [112, p.105], к которым индивид присоединяется в действительности добровольно: например, это те же самые, часто упоминаемые политические или экономические группы (Дж. Ланкастер [113, p.282], Дж. Коул [114, p.18], Х. Рэдис [115, p.115], А. Ди Джованни [116, p.112]).

Прецедентное право специальных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде (далее МТБЮ и МТР) также изначально формально исходит из того факта, что перечень защищенных групп как непосредственного объекта преступления геноцида, содержащихся в Конвенции 1948 года, является исчерпывающим. Например, Судебная камера МТБЮ в своем решении «по делу Крстича» от 2 августа 2001 года подчеркнула, что Конвенция о геноциде не представляет защиту всем типам человеческих групп, и соответственно ее применение ограничено национальными, этническими, расовыми или религиозными группами» [92]. МТР же в рамках двух рассмотренных уголовных дел («дело Акаезу» и «дело Мусема») указывал, что полагается на *travaux preparatoires* (подготовительные материалы) Конвенции о геноциде, которые объясняют, что «преступление геноцида предположительно воспринималось как уничтожение только «устойчивых» групп, характеризующихся постоянством, и членство в которых определено рождением, с исключением «более мобильных» групп, к которым присоединяются путем индивидуального добровольного решения, типа политических и экономических групп. Поэтому общий критерий для четырех таких групп, защищенных в соответствии с Конвенцией о геноциде, - то, что членство в таких группах, кажется, обычным несомненным для их членов, которые принадлежат к ним автоматически, по факту рождения, непрерывно, и часто без возможности изменить свою принадлежность» [98, p.20]. Аналогичная аргументация содержалась также и в других судебных решениях МТБЮ, в частности в Решении Судебной палаты (камеры) «по делу Елисича» от 14 декабря 1999 года (пар.69).

Вместе с тем нельзя не отметить, что в юридической литературе нередко высказываются суждения о сужении или узком объеме основного непосредственного объекта преступления геноцида. Так, если С.Кочои пишет, что объект геноцида действительно ограничивается в Конвенции до характеристики его лишь как национальной, этнической, расовой или религиозной группы [117, с.96], то Л.Дж. Лебланк отмечает, что слишком емкое определение геноцида, данное в ст. II Конвенции, вырабатывает уязвимость: она выражается в том, что сформулированный узко объект преступления не дает достаточной гибкости в толковании и может не предоставлять большой пользы в преследовании виновных, использующих нетрадиционные методы при его совершении [118, p.90]. Другие авторы уже более радикальны и однозначны в своих оценках: по мнениям Ф.Челка и К.Йонассона разработчики Конвенции скроили текст документа таким образом, чтобы отразить в нем неодобрение преступных событий Холокоста и, соответственно она

применяется узко только в отношении проигравших вторую мировую войну [119, р.461]; исходит из такого подхода и Б.В.Шаак, рассматривая Конвенцию о геноциде в качестве соглашения, «ретроспективно осуждающего лишь нацистское предприятие», хотя оно должно было бы стать механизмом для предотвращения и наказания будущих проявлений геноцида [120, р.2268]. В результате, как отмечается в исследовании «Genocide: It seems like a handy word» (2011), «...Конвенция становится лишенным смысла для применения» [121]. Сказанное по утверждениям многих специалистов, в частности, Н.В.Мошенской, «подтверждает несовершенство Конвенции и необходимость в пересмотре ее в части, формулирующей объект геноцида» [107]. Солидарны с этим ученым и Ф.Шонфельд, который полагает, что, поэтому расширительное толкование определения геноцида, закрепленного в Конвенции, должно приветствоваться [94], а также К. – Т.Енг, считающий Конвенцию о геноциде живым документом, способным к уяснению действительного смысла геноцида в свете постоянно меняющихся отношений и ценностей [122].

Ради объективности нужно отметить, что все вышеприведенные точки зрения по своей сути не лишены оснований. «Несмотря на кажущуюся простоту определения объекта и потерпевших геноцида, применение положений Конвенции на практике вызвало ряд затруднений» [5, с.42]. Например, с этим вопросом при рассмотрении конкретных уголовных дел непосредственно столкнулись те же самые международные уголовные трибуналы. В частности, проблема относится ли народность тутси в качестве объекта преступления геноцида к национальной, этнической, расовой или религиозной группе остро встала перед Судебной палатой (камерой) Международного уголовного трибунала по Руанде уже в первом 1994 году функционирования [123, р.16]. МТБЮ «в деле Елисича» в этой связи отметил: «...попытка сегодня определить национальную, этническую или расовую группу, руководствуясь безукоризненными с научной точки зрения критериями, будет рискованным занятием, результат которого будет не обязательно соответствовать восприятию людей, заинтересованных в такой классификации» [124]. Поэтому, как подчеркивают отдельные эксперты, судьи трибуналов «с самого начала своей деятельности решили, что даже группа, которая не является национальной, этнической, расовой или религиозной, может подпадать под защиту Конвенции о геноциде 1948 г., так как основная цель разработчиков этого документа – обеспечить защиту любой стабильной и постоянной группы, принадлежность к которой определяется по рождению» [125, с.195]. Тем самым было положено начало тенденции по расширительному толкованию объекта преступления геноцида, закрепленного в Конвенции. Судебная камера МТБЮ в этом аспекте в рамках вышеотмеченного «дела Елисича» обосновала свое решение следующим образом: она «...считает, что совместимо с целью Конвенции полагать, что ее условия также защищают группы, определенные исключением, где они стигматизировались преступниками именно таким образом» [124]. В дальнейшем при определении, принадлежит ли конкретная группа к числу защищенных, Судебная камера МТР в вынесенных решениях

«по делу Рутаганда» от 6 декабря 1999 года [126], «по делу Мусема» от 6 декабря 2000 года [127], «по делу Семанза» от 15 мая 2003 года [128] постановила, что необходимо обращаться как к объективным, так и к субъективным критериям и в каждом случае принимать во внимание политический, социальный, исторический и культурный контекст. Большой акцент Камера сделала на субъективном восприятии группы преступниками, особо подчеркнув при этом о необходимости учета должным образом и критерия самоидентификации. Например, «в деле Рутаганда» ею было отмечено: «в целях применения Конвенции о геноциде, членство группы – это в основном субъективное, а не объективное понятие. Жертва воспринимается преступником, совершающим геноцид, как принадлежащая к группе, предназначенной для уничтожения. В некоторых случаях сама жертва может чувствовать свою принадлежность к упомянутой группе» [126].

На основе вышеизложенного можно выявить два основных подхода относительно объекта геноцида: *рестриктивистский*, согласно которому *apriori* нужно придерживаться узкого, строго ограничительного конвенционного определения рассматриваемого преступления и в его рамках в таком качестве потерпевших и *экспансионистский*, который в отличие от предыдущего предполагает, допускает и фиксирует более широкое толкование геноцида и его жертв, нежели они закреплены в международном договоре 1948 года. Первый подход главным образом можно обосновать тем, что не любое направленное вмешательство в существование отдельных групп населения можно квалифицировать как геноцид. Этому в большей мере способствует и, следует данное положение все-таки признать, незавершенность и соответственно двусмысленность ключевого понятия, согласованного разработчиками Конвенции без учета всех возможных фактических обстоятельств. Следовательно, и расширение объекта преступления геноцида путем включения в него любой группы людей, объединенных только одними общими родовыми признаками, нельзя. В этом смысле любая устойчивая группа согласно действующей редакции Конвенции должна быть отнесена либо только к определенной нации или расе, либо только к определенному этносу или религиозному сообществу. Можно предположить, что вряд ли даже прецедентное право двух международных уголовных трибуналов при таком «запрете» будет признан источником права для Международного уголовного суда, поскольку с одной стороны сами трибуналы являются судебными учреждениями *ad hoc* и, кроме того, они выносили решения по тому или иному конкретному делу на основе собственного толкования ст. II Конвенции, но никак в строгом порядке на основе применения нормы, предусмотренной в ней. Второй подход приемлем прежде всего по той причине, что, как уже отмечалось в первом разделе работы, сам автор термина «геноцид» Р. Лемке рассматривал понятие в более широком контексте, включая в его объект и социальную группу, а материалы, использованные судьями и прокурорами Нюрнбергского военного трибунала, в статусе потерпевших выделяли представителей народов и классов; во-вторых, при определении объекта

геноцида неправомерно исходить лишь из буквального, прямого смысла данного термина – «уничтожение рода, племени», так как существует параллельно и иное смысловое значение данного понятия – оно есть преступление, основанное всегда на исключении как такового сообщества и по другим качественным признакам; соответственно, в качестве потерпевших в таком случае должна быть признана не только группа людей, связанная национальной, этнической, расовой или религиозной общностью или объединенная присущими лишь ей такими общими признаками, как цвет кожи, религиозные убеждения, общественное положение и т.д., но и сообщество лиц, обладающее также другими стабильными, т.е. отличающими его от других групп устойчиво специфическими характеристиками, буд-то: политические взгляды, экономический статус, культурные традиции, целостность и т.д. В этом смысле «исключение политических, социальных и иных групп из числа защищенных часто вменяется в вину разработчикам Конвенции о геноциде» [48], и многие специалисты, в том числе Н.В. Мошенская, предлагают поэтому под объектом этого преступления понимать, не исключая этническую, национальную, расовую и религиозную, также «социальную, политическую, культурную, половую и характеризующуюся любой иной принадлежностью человеческую группу» [107]. Неприемлем, однако, данный подход для сторонников узкого определения объекта геноцида. Отдельные представители из их числа высказывают опасения, что расширение понятия «геноцид» в силу его неопределенности в Конвенции, приведет к безнаказанности рассматриваемых деяний [5, с.44].

Сравнивая два разных, противоположных подхода, но отнюдь не противопоставляя их друг другу, со своей стороны делаем вывод о том, что при определении объекта геноцида важно использовать преимущества и того, и другого. Мы в первую очередь согласны в том, что нет принципиальной необходимости в расширительном толковании окончательно установленного определения рассматриваемого преступления, дабы избежать злоупотреблений (например, при возможном вмешательстве в судебный процесс мировых политических лидеров или влиятельных, ведущих держав, преследующих свои собственные стратегические или тактические интересы, широкий, но скрытый политизированный подход к квалификации объекта геноцида, неприемлем). Вместе с тем и в той формулировке, в какой оно закреплено в Конвенции, определение не всегда полностью применимо (так как случаев или действий, слагающих геноцид, как показывает практика последних лет, становится не меньше и каждое из которых имеет своим объектом группу людей, характеризующуюся совершенно иными качественными особенностями). Не зря на это обратили внимание в своей деятельности международные уголовные трибуналы, прецедентное право которых солидарно в подходе, в соответствии с которым главным объектом преступления геноцида является группа как таковая, а не отдельный человек [129], так как конкретная жертва выбирается преступником не из-за ее личных качеств, а из-за ее принадлежности к стигматизируемой группе [92]. Тем самым для определения объекта геноцида

весьма существенное значение приобретает указание признаков группы и с учетом соответствующих политических, социальных, культурных, экономических и других специфических условий того или иного общества и государства. Оно в свою очередь диктует необходимость распространения определения геноцида и на не названные в ст. II Конвенции группы и исходя из целесообразности принимать в расчет все объективные и субъективные критерии при рассмотрении «устойчивых («стабильных») групп», заимствуя, таким образом, первоначальную расширенную концепцию геноцида, предложенную разработчиками документа и одновременно восполняя изначально заложенную недоговоренность относительно объекта преступления. В итоге сказанное обуславливает дополнение ст. II Конвенции в части, раскрывающей объект геноцида, другими защищенными демографическими группами, толкуя их в свете соответствующего контекста. На наш взгляд, такой подход наиболее приемлем, учитывая, что Конвенция, как показывает практика международных уголовных трибуналов, все еще имеет большой потенциал и он не исчерпан до сих пор.

Объективная сторона – следующий второй элемент состава преступления геноцида в международном праве охватывается понятием *actus reus*. По ст. II Конвенции 1948 года, где она, кстати, была сформулирована впервые, к ней относятся пять «альтернативно предусмотренных деяний, совершение любого из которых образует окончанный состав преступления» (п.п. «а – е») [5, с.52]. Отдельные авторы при этом обращают внимание на то, что действия, составляющие геноцид, направлены не только против жизни, т.е. подразумевают физическое уничтожение (п.п. «а», «с»), но и сопряжены с применением вреда здоровью, но не с лишением жизни (п. «b»), а также посягают в целом на интересы семьи (п. «е») [107]. С учетом целесообразности широкого толкования объекта геноцида эти действия, следовательно, должны быть распространены и против других, не перечисленных в статье, «самобытных» групп.

Первое из действий, составляющее объективную сторону геноцида, это – убийство, т.е. умышленное уничтожение членов определенной группы. С позиции международного права материальные элементы для такого убийства «те же, что и для убийства как военного преступления и преступления против человечности» [48]. Судебная камера МТР квалифицируя это действие как геноцид в своем решении «по делу Кайишема и Рузиндана» от 1 мая 1999 года отметила, что данный акт должен пониматься именно как незаконное и умышленное убийство, совершаемое с намерением уничтожить группу в целом или в части [130].

Второе действие в пределах *actus reus* – причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам указанных групп предусматривает и объединяет соответственно два вида вреда. Прецедентное право специальных трибуналов, преимущественно решения, вынесенные Судебной палатой МТР описывают *actus reus* рассматриваемого

действия как намеренный акт или упущение, вызывающее серьезное физическое или психическое страдание [131]. «По делу Семанза» Судебная камера в своем решении от 15 мая 2003 года (пар. 320-322) отметила, что «серьезный вред» не является постоянным и непоправимым вредом, но должен повлечь последствия, которые выходят за пределы временного несчастья, затруднения или оскорбления; это должен быть вред, который вызывает обезображивание или наносит любое серьезное повреждение внешним или внутренним органам, или органам восприятия, и приводит к серьезному и долгосрочному неудобству, выражающемуся в неспособности человека вести нормальную и конструктивную жизнь [128]. Под «серьезным умственным расстройством по решению камеры подразумевается «более чем незначительное или временное ухудшение умственных способностей» [128]. Вред как физический, так и умственный должен быть причинен преднамеренно [128]. Тем самым указанные «действия ведут к искоренению той или иной группы путем лишения качеств, необходимых для жизни» [107]. Иными же словами «результатом причинения ущерба должна быть серьезная и долгосрочная неспособность жертв насилия вести нормальную жизнь» [3, с.12]. И он «не обязательно должен приводить к смерти, но должен быть таким, что потерпевший не сможет быть социально полезным обществу» [5, с.48, 49]. К действиям, квалифицируемым как геноцид, согласно п. «в» ст. II Конвенции дополнительно, но не ограничиваясь только ими, можно отнести также пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, изнасилование и другие подобные деяния против половой неприкосновенности личности. В частности «в 1998 году, Международный трибунал по Руанде, вынося вердикт по делу Жана Поля Акайезу решил, что систематические изнасилования женщин народности тутси в провинции Таба составляют акт геноцида, «причиняющий серьезные физические или психические повреждения членам групп» [132, с.20]. Они «были зарегистрированы за год до крупномасштабных массовых убийств в этой стране в апреле 1994 года» [133] и тогда же один из наблюдателей по правам человека сообщил, что «женщины были изнасилованы в феноменальных масштабах солдатами» [134]. По данным специального докладчика ООН по правам человека более 20000 женщин были изнасилованы на территории бывшей Югославии в период с 1992 по 1994 годы [135]. Учитывая эти ужасающие факты Н.В.Мошенская предлагает в рамках ст. II Конвенции включить в объективную сторону состава геноцида широко толкуемый п. «f» - насильственные действия сексуального характера, совершаемые с членами определенной демографической группы [107].

Третьей составляющей объективной стороны геноцида согласно п. «с» ст. II Конвенции является предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее. «Конечно, в Конвенции 1948 г. невозможно было определить весь перечень действий, связанных с созданием определенных условий жизни для членов определенной группы населения, поэтому для квалификации того или иного деяния в качестве геноцида следует учитывать

умысел и цель виновного, который должен стремиться посредством таких действий уничтожить какую-либо группу полностью или частично» [5, с.49, 50]. Сказанное поэтому означает, что «к этому пункту относится неограниченный перечень деяний, которые не связаны с другими, указанными в Конвенции, но создают угрозу физическому существованию какой-либо группы населения» [5, с.49]. Практика МТР толкует этот способ совершения преступления как методы уничтожения, которыми преступник не убивает членов группы сразу [126]. Кроме того, такие методы включают в себя лишения пищи и воды или ограничения питания ниже минимума, необходимого для выживания человека, систематическое изгнание из домов, нехватку надлежащего жилья, одежды, санитарного и медицинского обслуживания, изнурительный труд [127]. Они должны применяться преступниками в таких масштабах или в течение такого периода времени, чтобы быть способными действительно вызвать уничтожение группы [130]. Этот тип запрещенного деяния близок по сути к преступлению против человечности в виде истребления [97, р.176].

Четвертым действием, указанным в п. «d» ст. II Конвенции, выступают меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде той или иной группы. Е.Н.Трикоз в своей монографии по этому поводу пишет: Комиссия международного права ООН, комментируя проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, отмечала, что в данном пункте термин «меры» использован для обозначения необходимого элемента принуждения [136, с.160]. Они согласно одному из решений Судебной камеры МТР включают в себя «сексуальное насилие, практику стерилизации, вызывающую ограничение рождаемости, разделение полов и запрещение браков. В патриархальных обществах, где членство в группе определяется по отцу, имеют место случаи, когда в ходе изнасилования женщина упомянутой группы преднамеренно оплодотворяется мужчиной из другой группы с намерением дать жизнь ребенку, который, следовательно, не будет принадлежать к группе его матери.» [93] Относительно последнего деяния, квалифицируемого по рассматриваемому пункту, Л.Флетчер обращала внимание на то, что, «например, в бывшей Югославии, насилие сербами приобрело не только характер террора, но и для того, чтобы боснийские мусульманки рожали «сербских» детей» [137]. Женщин «насиловали и задерживали, пока они не имели больше юридической возможности на аборт» [137]. В соответствии с отчетом Комиссии по правам человека ООН «после изнасилования женщинам говорили: «теперь вы будете носить сербского ребенка» [138]. Некоторыми авторами высказывалось мнение и о том, что «меры», указанные в п. «d», охватывают также кастрацию, искусственное прерывание беременности [139, с.36-37], химиотерапевтическое или медикаментозное подавление половой функции [5, с.51]. Кроме того члены группы могут подвергаться угрозам или травмам, чтобы не дать им рожать [127].

Пятым действием, закрепленным в п. «е» ст. II Конвенции, является насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. В данном пункте термин «насильственная» означает, «что передача осуществляется с применением любого насилия, физического или психического (угроза применения физической силы, грубое принуждение, психологическое давление, злоупотребление властью и т.п.)» [5, с.52]. Под самой же «насильственной передачей» понимается отобрание детей у родителей и передача их другим лицам в форме продажи, обмена, передачи в рабство и т.д.» [5, с.52]. Иными словами, «для квалификации деяния по этому пункту необходимо, чтобы виновный осуществил передачу одного или нескольких лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста и принадлежащих к определенной группе, в другую группу населения, причем осуществил такую передачу с целью уничтожить полностью или частично демографическую группу населения» [5, с.52]. Согласно установленной практике МТР цель этого действия заключается «не только в том, чтобы санкционировать прямой акт насильственной физической передачи, но также санкционировать действия угроз или травм, которые привели бы к насильственной передаче детей из одной группы в другую» [130]. Однако, как подчеркивают отдельные специалисты, «практически данное деяние не вменялось ни одному из обвиняемых Международными трибуналами по бывшей Югославии и Руанде» [48].

Рассмотрев все действия, входящие в объективную сторону геноцида согласно ст. II Конвенции, следует отметить, что они не требуют наступления необходимых последствий в виде фактического уничтожения определенной группы. Но вместе с тем надо учитывать, что некоторые из действий все же «сами по себе подразумевают наступление ... последствий» [5, с.52]. К ним, к примеру, относятся причинения смерти, серьезных телесных повреждений, умственного расстройства представителем ... групп» [5, с.52].

Исходя из действий, составляющих содержание второго элемента состава преступления геноцида, ученые и специалисты выделяют его *формы*. Советские юристы в своих научных разработках неоднократно отмечали, что Конвенция 1948 года «содержит положения, способствующие пресечению и наказанию преступлений геноцида, и совершенно справедливо расценивается в целом как прогрессивный документ» [140, с.128], особо акцентировав при этом внимание на трех его формах: *физическом геноциде, геноциде биологическом и национально-культурном геноциде* [6, с.410], несмотря на то, что выделяемые ими такие формы не нашли своего однозначного признания в Конвенции [9, с.25].

А.Н. Трайнин в своей известной работе писал, что наиболее губительной формой геноцида является физический геноцид, то есть это – «непосредственное физическое истребление людей, принадлежащих к определенной расе или нации» [6, с.410], одновременно уточняя, что «душегубки, газовые камеры, расстрелы – средства осуществления этой формы геноцида» [6, с.410]. Другую форму геноцида он определял как такая форма,

которая осуществляется несколько иным путем: она выражается «в борьбе с самим появлением на свет новых членов гонимой нации, расы; биологический геноцид – это борьба с деторождением, стерилизация, запрещение браков, полное разделение полов, принудительные, под страхом смерти, аборт, если зачатие произошло» [6, с.410]; к нему «должно быть отнесено и создание для гонимых расовых и национальных групп таких тяжелых условий труда и жилищных условий, такого отсутствия лечебной помощи, которые направлены на уничтожение этих групп» [6, с.410]. В качестве особой формы геноцида автор называл также национально-культурный геноцид, «направленный на уничтожение национальной культуры преследуемых народов, ее достижений и богатств [6, с.410], правда признав при этом, что в Конвенции 1948 года само понятие национально-культурного геноцида было сужено [6, с.421]. П.С. Ромашкин в этой связи подчеркивал, что причиной имевшего место такого факта стали «противодействия американско-английского блока» [8, с.268] при разработке и принятии Конвенции, подтвердив свое утверждение, в частности, тем, что в ней «предусмотрена ответственность за физический и биологический геноцид, но ничего не говорится о наказании за национально-культурный геноцид» [8, с.268]. Казахстанские ученые – С.М. Рахметов и С.А. Кременцов в своей коллективной работе также замечают, что действительно «данная форма геноцида не нашла своего отражения в диспозиции рассматриваемого преступления» [7, с.60] и объясняют они «это тем, что данная форма геноцида специально не выделяется и в Конвенции» [7, с.60], хотя, кстати говоря, как отмечал тот же А.Н.Трайнин, «пункт III предложений советской делегации по вопросу о геноциде содержал перечень преступных мероприятий, охватываемых понятием национально-культурного геноцида» [6, с.410], в числе которых «также мероприятия и действия, направленные против пользования национальным языком, или мероприятия и действия против национальной культуры (так называемый национально-культурный геноцид), как-то:

а) запрещение или ограничение пользования национальным языком как в общественной, так и в частной жизни; запрещение преподавания в школах на национальных языках;

б) уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках;

с) уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры (или религиозного культа)» [6, с.410].

Из числа современных исследователей юридической природы актов геноцида Т.И.Саинати тоже согласна с тем, что «культурный геноцид» как целенаправленное «нападение на культуру, особенно язык, религиозные и культурные памятники и учреждения» выпал из понятия геноцида в Конвенции [141]. В отличие от нее Т.Г. Дадуани исходит из того факта, что понятие «культурного геноцида» (в его емком модифицированном понимании) нашел хоть и не полную, но «частичную квалификацию в Конвенции...1948 г.» [3, с.12], и тут же уточняет «лишь частичную», а также одновременно добавляет,

что таковым положение остается и сегодня, например, в п. (с) ст.6 Римского статута Международного уголовного суда 1998 года [3, с.12]. В этом отношении он «считает важным заключение Международного трибунала по бывшей Югославии о том, что уничтожение охраняемой Конвенцией группы может быть осуществлено не только путем физического уничтожения, но и при помощи уничтожения идентичности группы, поскольку оно также ведет к прекращению группы как таковой» [3, с.12], призывая в итоге к необходимости дальнейшей проработки серьезных самостоятельных аспектов, связанных с этой формой геноцида [3, с.12].

От себя же отметим, что выделяемые три формы геноцида выводились советскими юристами-международниками, как представляется, не столько путем тщательного анализа всего содержания Конвенции, сколько вследствие расширительного толкования ее текста [142, с. 200]. При этом полагаем, что для целей такого толкования советские ученые и специалисты в одном лице использовали в значительной степени в обоснование предлагаемой классификации кроме самого текста Конвенции ее преамбулу, в которой непосредственно содержится ссылка на Резолюцию 96 (1) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года, объявляющей, что «геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его» [71, с.98, 99]. Между тем ст.31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года гласит, что «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» [60, с.353]. Отсюда вытекает, что специального значения термину «геноцид» во всех его подразумеваемых формах представители всех государств - разработчиков Конвенции не придавали, так как, как уже было выше отмечено, из-за позиций США и Великобритании, они не имели такого явно выраженного и общесогласованного намерения. В то же время для нас вполне очевидно и то обстоятельство, что советские юристы при выделении трех известных форм, вытекающих, как они полагали, из действительного смысла и значения понятия «геноцид», прибегали к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения Конвенции 1948 года, возможность обращения к которым допускается в рамках ст. 32 той же Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 года. Таким образом, подтвердить предложенную советскую классификацию (или различия) геноцида на три совершаемые формы, включая и национально-культурный геноцид (в современной интерпретации – культурный геноцид) в его ограниченном уяснении, можно ссылаясь на ст.32 последнего универсального международного договора. *Поэтому мы не соглашались с мнениями авторов, однозначно и категорично утверждающих, что: «перечень форм геноцида в Конвенции является исчерпывающим» [20, с.59], значит «недопустимо его расширенное толкование» [20, с.59], перечисленные формы «культурной» дискриминации, которые встречаются в*

юридической литературе, «не могут квалифицироваться как геноцид» [20, с.60]; из объективной стороны геноцида выводятся только две его формы: физический геноцид и биологический геноцид [5, с.46], причем первые три деяния, указанные в определении геноцида, составляют его первую разновидность, а последние два – вторую» [5, с.46] и, «таким образом, когда речь идет о геноциде, всегда имеется ввиду физическое уничтожение группы населения как таковой, а не уничтожение ее культурной, религиозной, языковой и т.п. самобытности» [5, с.46].

Наоборот считаем, что при исследовании сущности определения геноцида эти обобщенные советскими юристами формы геноцида или их отдельные действия не только имеют весьма существенное значение, но и помогают действительно обозначить *в качестве самостоятельной формы культурный геноцид* – уничтожение культурных и духовных ценностей определенных демографических групп. Кроме того, в рассматриваемом контексте разделяем точку зрения А.Батыря, предлагающим, что исходя из объективного толкования п. «с» ст. II Конвенции, можно говорить *и о четвертой форме преступления – социально – экономическом геноциде* [28]. Сказанное в свою очередь предполагает, а вернее диктует необходимость учета и других форм геноцида, которые распространились в XIX веке, а также последующую практику применения Конвенции 1948 года, в рамках которой, заметим, в XX-XXI веках появились и появляются совершенно иные, новые «нетрадиционные» формы прямого геноцида, и которые по вполне понятным объективным причинам как в отдельности, так и в совокупности не были юридически закреплены в этой Конвенции.

В этой связи прежде всего следует говорить о таком противоправном явлении, которое имело широкое распространение в период Сталинского режима в СССР в период Великой отечественной войны в отношении корейцев, немцев, балкарцев, поляков, чеченцев и многих других так называемых «неблагонадежных» этносов, как **депортация** (от латинского «*deportatio*» - изгнание, ссылка). В отличие от депортации «внешней», обычно представляющую собой принудительную высылку иностранных граждан и лиц без гражданства в другие государства и нередко, как правило, под конвоем, «внутренняя» депортация в СССР имела целью насильственное изгнание людей различных национальностей из мест их постоянного проживания. Тем самым в пределах единого большого государства осуществлялось преднамеренное принудительное перемещение членов той или иной национальной, этнической, религиозной или расовой группы за пределы определенных регионов и, преимущественно, в Казахстан.

Вместе с тем, по мнению М.К. Самалдыкова, казахстанская доктрина лишения гражданства в данной редакции законодательства содержит существенные пробелы, которые негативно повлияют на эффективность применения данной государственно-правовой санкции в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные соответствующими санкциями Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан, в результате

которых причинен иной тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстана [143, с.65].

Близка к депортации по целям так называемая *«этническая чистка»*, но которая отличается от первой ужасными последствиями: как показывают многие примеры из истории XX века, а также события в XXI веке, она сопровождается неправомерными убийствами, изнасилованиями, нанесением увечий, пытками. Например, как это не цинично звучит, но в свое время на Расселовском трибунале по военным преступлениям Ж.П. Сартр указал, что «французы проиграли войну в Алжире потому, что они не могли ликвидировать алжирское население...» [19, с.15-16]. Недаром в свое время и политика Соединенных Штатов во Вьетнаме зачастую осуждалась (и не только советской пропагандой) как чистой воды ведение геноцида (этнической чистки) против вьетнамского населения [11, с.35]. Приведем еще несколько цитат из речи Ж.П.Сартра: «Стала расхожей фраза «Хороший вьетнамец – это мертвый вьетнамец»... Американские вооруженные силы пытаются и убивают во Вьетнаме мужчин, женщин и детей, потому что они вьетнамцы. И как бы ни лгало и не изворачивалось правительство, дух геноцида проявляет себя в умах солдат. И таким образом они усугубляют ситуацию геноцида, в которую поставило их собственное правительство...» [19, с.17-19]. По мнению же самих вьетнамцев, «США виновны, по собственному своему попусшению, в том, что осознанно вела «примерную» войну, которая сделала геноцид вызовом и угрозой для всех народов» [144, с.54-55].

Азербайджанский юрист Р.М. Караев отмечает, что в результате вооруженных столкновений, имевших место в конце 80-х и середине 90-х годов, «в настоящее время в Нагорном Карабахе в результате проведения там Арменией этнической чистки, нет азербайджанского населения, а регионом управляет сепаратистский марионеточный режим, установленный Арменией. Вооруженными силами Армении был осуществлен геноцид в Нагорном Карабахе в отношении жителей азербайджанского населения города Ходжалы. Сам город был снесен с лица земли. В ночь с 25 на 26 февраля 1992 года армянские вооруженные силы зверски истребили сотни мирных жителей. Из 613 погибших 106 женщин, 83 ребенка и 70 стариков, 8 семей были уничтожены полностью, 25 детей потеряли обеих родителей, 130 детей потеряли одного из родителей, 150 человек, включая 76 детей, получили ранения и увечья и стали инвалидами, более 1275 человек попало в плен (где большая часть из них погибло)» [96, с.70]. В этой связи даже такой рьяный «защитник» сепаратистов Приднестровья, как А.А. Мережко относительно нагорно-карабахского конфликта писал, что «практическая реализация самого права на самоопределение может стать предметом злоупотреблений и сопровождаться массовыми нарушениями прав человека в виде так называемых «этнических чисток» [145]. Другие «свежие» примеры – по заключениям Международных уголовных трибуналов истребление представителей народности тутси в Руанде, где с апреля по июль 1994 года было убито приблизительно от 500 тысяч до одного миллиона человек или более [93],

неоднократно отмеченные убийства в июле 1995 года силами боснийских сербов 7-8 тысяч мужчин и мальчиков из числа мусульман анклава Сребреница не оставляют сомнения в том, что акт геноцида (этнической чистки) действительно имел место [92].

Другая непризнанная форма геноцида – *гуманитарная трагедия*, состав которой определяется чаще всего специалистами и органами международных организаций в непосредственном контексте квалификации «этнических чисток». К примеру, «по данным Комиссии по правам человека ООН нарушения прав человека стали причиной массового исхода более 1 млн. беженцев из Косово к моменту начала здесь операции НАТО» [146]. Так, «только из Приштины и Подуево к границам Албании было согнано более 100 тысяч албанцев-косоваров. В результате этнические чистки сербами были проведены в Митровице и в соседних деревнях. Отсюда к албанским границам было депортировано 70 тысяч косоваров. Изгоняя албанское население, сербские силы безопасности сжигали пустующие дома и целые деревни албанцев» [147, с.14]. По данным миссии ООН в Косово до завершения операции НАТО «Союзная сила» в Косово в результате репрессий Белграда погибло 10 тысяч албанцев и несколько тысяч «пропала без вести» [148, с.37]. Речь, таким образом, фактически шла о гуманитарной трагедии. В резолюции 1244 от 10 июня 1999 года Совет Безопасности ООН ссылается на заявление Генерального секретаря организации от 9 апреля 1999 года, в котором выражалось озабоченность по поводу гуманитарной трагедии в Косово, и в связи с этим ситуация в регионе оценивалась как создающая угрозу международному миру и безопасности [96, с.67]. Приведенные факты и цифры свидетельствуют, что по вине руководства СРЮ была проведена этническая чистка албанского народа Косово и этот народ был поставлен именно в условия, угрожающие его существованию (*гуманитарная трагедия*).

Следует говорить также **об этноциде (этногеноциде)** – совершение которого не преследует цели физического истребления людей, а больше направлено на уничтожение культуры (самобытности, менталитета, религиозных основ) народа, и как следствие, к полному или частичному исчезновению посредством ассимиляции. Российский политолог А.Самеонов имея в виду непризнанные абсолютным большинством государств республики Южного Кавказа - Абхазию и Южную Осетию (как известно, к настоящему времени их признали в полном юридическом объёме кроме самой России, только Никарагуа, Венесуэла и Науру) отмечает, что без реальной поддержки России абхазов и осетин ждало бы этногеноцид в легкой или жесткой форме, если учитывать тот факт, что Грузия намеревалась выстраивать моноэтническое государство [149]. Другими примерами в рассматриваемом контексте можно назвать факты, приведенные в Отчете расследовательской группы ООН в августе 2018 года и данных международной правозащитной организации Human Rights Watch в декабре того же года. Изучив причины и последствия конфликта, имевшего место начиная с конца августа 2017 года на западе Мьянмы, когда полиция и армия этого государства в рамках военной «акции

возмездия» за нападения на полицейских убили несколько сотен представителей этнического меньшинства рохинджа, в основном исповедующих ислам и когда около 700 тысяч человек из числа этой демографической группы бежали в соседний Бангладеш или на необитаемые острова в Бенгальском заливе, где они, кстати, до сих пор живут в лагерях беженцев в антисанитарных условиях, эксперты ООН официально заявили, что у военного командования страны были специальные намерения осуществить геноцид [150]. В отчете всемирной организации особо подчеркивается, что необходимо предъявить обвинения в отношении высокопоставленных военных во главе Мин Аунг Хлаин (Min Aung Hlaing) по самым тяжелым статьям, в том числе в совершении геноцида и привлечь их к ответственности в Международном уголовном суде или в специально созданном для этого трибунале [150]. В специальном же докладе Human Rights Watch, опубликованном 10 сентября 2018 года говорится о том, что тюркоязычное мусульманское население Синьцзянь-Уйгурского автономного района – это почти 13 миллионов человек – подвергается принудительной политической, идеологической обработке, коллективному наказанию, ограничениям на передвижение и коммуникации, усиленным религиозным ограничениям в так называемых на официальном языке властей Китая «центрах политического перевоспитания» [151], а по сути в концентрационных лагерях – местах заключения с бесчеловечными условиями содержания. По этому поводу в Заявлении Всетатарского общественного центра от 23 декабря 2018 года отмечается, что «уйгуры, казахи, кыргызы, дунгане и другие меньшинства подвергаются геноциду», а «Китай объявил открытую войну Исламу и тюркским народам на своей территории» [152]. Незадолго до оглашения заявления 12 декабря того же года Государственный совет КНР обнародовал официальный отчет под названием «Прогресс в области прав человека после 40 лет реформ и открытости в Китае». В нем подчеркивается, что «Китай уважает права человека и выполняет международные обязательства» [153]. Ранее, в связи с ситуацией на западе Китая озабоченность проявили ЕС и ООН. 5 декабря 2018 года Коммисар ООН по правам человека М.Башле заявила, что эксперты организации ищут доступ к СУАР, чтобы проверить «тревожные сообщения» о лагерях перевоспитания. Однако власти Китая до настоящего времени не допускают туда представителей международных организаций, включая гуманитарных и правозащитных.

В своих решениях Судебные палаты МТР и МТБЮ отмечали, что «намерение на геноцид может не простирается на территорию всей страны, но лишь на некую локальную географическую зону [93], которая соответственно, как отмечала отдельно в своем решении Судебная палата МТБЮ по делу Г.Елисича от 14 декабря 1999 года, «может быть ограничена размером области или муниципалитета [92]. Однако, как показывают события, разворачивающиеся на юго-востоке Украины с апреля месяца 2014 года и по сей день, оно может охватывать и значительную часть территории страны (это пространства так называемых «Донецкой и Луганской народных республик),

что позволяет говорить о такой новейшей форме (или способе) геноцида, *как территориальный геноцид*.

Отдельного внимания сегодня также требует различные формы геноцида посредством массовых убийств. Среди них следует выделить *резню* – «повальные убийства без разбора невооруженных (разоруженных) людей (предварительно не подвергавшихся дискриминации), которые намеренно собраны в определенном месте в определенное время»; [100, с.166] *демоцид и политицид*. Западные авторы, в числе которых Ж.Котек и П.Ригуло, объясняют демоцид таким образом, что он охватывает разнообразные способы массовых убийств, осуществляемых правительством и которые обычно направлены против невооруженного гражданского населения [154, с.356]. Видимо, именно в этом смысле демоцидом называл факты санкционированных руководством СССР убийств советскими войсками мирного населения во время военных действий в Афганистане в 1979-1989 годах, Л.Хеккл [155, с.147-149]. По нашему же мнению ярким и бесспорным проявлением демоцида являются военные операции Израиля под названиями «Рубеж обороны» и «Несокрушимая скала», осуществляемые с июня 2014 года против гражданского населения сектора Газа Палестинской автономии. По состоянию только на 3 августа 2014 года ЦАХАЛ еврейского государства уже убил более 1000 палестинцев – арабов, среди которых дети и пожилые люди. Это не столько геноцид в классическом его понимании, *сколько целенаправленное разрушение целостности нации*. Что касается политицида, о котором мы уже упомянули до этого, то он также может совершаться в форме массовых убийств, но направлено не на какую-либо этническую или национальную группу, а на конкретные политические силы внутри государства.

Таким образом, в науке и практике современных международных отношений, и в частности, международного права как их неотъемлемой части и регулятора, юридическое *понимание геноцида как преступления существенно расширяется* и в этой связи многие эксперты и другие специалисты вводят в оборот совершенно новые термины, применяемые к различным, ранее неизвестным случаям [156, с.24]. Все вышеобозначенные формы геноцида, во-первых, также имеют фундаментальный признак состава рассматриваемого преступления - обязательно выраженную особую цель: намерение на полное или частичное уничтожение (в отдельности – исчезновение, которое в итоге и не может привести к как таковому физическому истреблению, но имеет конечным следствием уничтожение исторически сложившейся культуры) *не только* в указанной в ст.II Конвенции 1948 года национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Отсутствие указанной цели лишает возможности квалифицировать содеянное как геноцид» [157, с.70]. Так, в решении «по делу Елисича» Судебная камера МТБЮ отметила, что несмотря на всю чудовищность, содеянное не может считаться геноцидом без наличия у виновного цели уничтожить группу как таковую (to destroy the group in question) [92]. В этом смысле показателен и Отчет Международной следственной комиссии по Дарфуру (2004г.), согласно которому этот орган так

и не смог констатировать факты совершения геноцида на территории Судана: комиссия заключила, что геноцид не был целью атак военных из группировки «Джанджавид» по арабским кочевым племенам; наоборот их целью было убить всех и изгнать население с не засушливой территории Дарфура в специальные лагеря, где условия были плохие, но все-таки пригодные для жизни; тем самым комиссия признала действия членов группировки преступлениями против человечности [158]. Во-вторых, названная цель как и при других известных формах геноцида может проявляться двояко: «с одной стороны – в стремлении уничтожить как можно большее количество членов демографической группы; с другой стороны – в стремлении уничтожить избранных ее представителей (политическую, религиозную, интеллектуальную элиты)» [157, с.70]. В-третьих, именно наличие этой обязательной цели указывает на то, что *все новые формы геноцида также могут быть совершены не по неосторожности, а только с прямым умыслом. И, в-четвертых, все без исключения эти формы, как и «классический» геноцид, при совершении формально не предполагают «применения индивидуального подхода», а «приговаривают» все группы населения, всю нацию, весь народ, весь этнос, что позволяет отличить их от преступлений против человечности и военных преступлений.*

Возникает вопрос: как, и самое главное, как правильно квалифицировать демоцид, этноцид (этногеноцид), политцид, гуманитарную трагедию, этнические чистки и другие вышеобозначенные новые формы геноцида, если они не подпадают в качестве наказуемых деяний под регулятивное воздействие Конвенции 1948 года? Несомненно, эту функцию в настоящее время могут выполнять в пределах своей компетенции *только международные судебные органы и учреждения.* В этой связи, например, важно отметить существенный вклад Международного Суда ООН в деле уголовно-правовой оценки «этнической чистки» как преступного деяния. Устанавливая соответствие этнической чистки признакам состава геноцида, предусмотренного Конвенцией 1948 года, Суд отметил, что «этническая чистка» *может квалифицироваться в качестве одной из форм преступления геноцида, согласно понятиям, зафиксированным в Конвенции 1948 года в том случае, если она относится к одной из категорий наказуемых деяний, запрещенных согласно ст. II Конвенции,* а именно: насильственное выселение с территории какой-либо охраняемой Конвенцией этнической группы должно совершаться при наличии «преступного намерения» физически уничтожить данную группу» [3, с.10]. Под данное заключение главного судебного органа ООН в рассматриваемом контексте вполне подпадают, на наш взгляд, случаи убийств азербайджанского населения в Нагорном Карабахе, вооруженные столкновения вокруг которого, кстати говоря, вновь были продолжены с 1 по 3 августа 2014 года и в последнее время в марте-апреле 2016 года. При этом условия перемирия между сторонами были нарушены более 100 раз. Что же касается других форм геноцида, например, депортации, то ее также следовало бы включить в ст. II Конвенции: либо в рамки действия, предусмотренного п. «с», либо в качестве отдельного

самостоятельного пункта «f». Под культурный геноцид путем объективного толкования и, соответственно признания, можно подвести этноцид (этногеноцид). Эта форма геноцида тогда будет обозначена в ст. II Конвенции дополнительным п. «д», поскольку как и любой другой акт преступления ставит под вопрос само существование определенной демографической группы. Резня, демоцид и политцид охватываются в целом п. «а» ст. II Конвенции по тем причинам, что их совершение не представляет собой единичных случаев, здесь также видны масштабы репрессий как систематических действий и, главное, присутствует ярко выраженная специфическая цель, преследуемой виновным – уничтожение представителей мирного населения полностью или частично. Есть, однако, одна существенная оговорка – политцид в отличие от названных форм массовых убийств включает в себя физическое насилие над членами человеческой группы в силу их политических убеждений и, следовательно, тоже может быть рассмотрена как самостоятельная форма геноцида в пределах юридического действия ст. II Конвенции.

Следующим элементом состава преступления геноцида является его *субъект*, который будет проанализирован нами в данном подразделе работы наравне с другими элементами в отрыве от понятия уголовной ответственности (*этот вопрос перенесен на п.2.2 работы*). Согласно ст. IV Конвенции: «Лица совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами» [61, с.781] (напоминаем, что имеемые в виду ст. III деяния как формы участия в геноциде были перечислены в начале этого подраздела). Из содержания приведенной статьи видно, что Конвенция не дает какого-либо четкого описания признаков рассматриваемого элемента. Она говорит о лицах, подлежащих наказанию в случаях совершения геноцида и его усеченных составов, при этом подразумевая под ними несомненно, исключительно физических лиц, с выделением их общих специальных характеристик в силу занимаемого в обществе или государстве положения. В этой связи следует говорить о субъекте – индивиде, который совершает преступление геноцида самостоятельно, по своей собственной воле или принимает непосредственное участие в его совершении независимо от социального статуса. С.Кифер на примере анализа актов геноцида, совершенных в Руанде пишет о том, что сам по себе это преступление “практически совершается коллективно” [159, p.45], а его участники обычно “не ассоциируют самих себя и как лично ответственных за его совершение [159, p.45]. Он обосновывает и доказывает в этой связи позицию, согласно которой каждый из участников актов геноцида должен нести индивидуальную ответственность за данное общественно опасное деяние, “совершенное коллективно” (т.е. государством или юридическим лицом, или группой лиц), вне зависимости от его фактической роли в его совершении [159, p.45]. Вместе с тем как основной, так и не непосредственный субъект геноцида в международном уголовном праве, как и в национальном, должен обладать не менее двумя обязательными признаками, это – достижение

установленного возраста и вменяемость. В Конвенции (впрочем, как и в других международно-правовых актах) отсутствует указание на нижний возрастной предел субъекта преступления. Исключением, из числа известных многосторонних договоров, пожалуй, является только Римский статут МУС. Статья 26 этого документа содержит норму, в соответствии с которой «Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления» [109, с.334]. Учитывая, что геноцид как отдельный вид международного преступления подпадает под юрисдикцию МУС (как уже до этого отмечалось, он предусмотрен таковым в рамках ст.6 Статута), можно говорить об установлении в международном праве минимального возраста субъекта этого деяния. «Однако следует отметить, что если в национальном законодательстве государства предусмотрен более ранний возраст уголовной ответственности за рассматриваемое деяние, это не вступает в противоречие со Статутом и не означает, что такие лица не должны быть наказаны за свою преступную деятельность» [5, с.59], следовательно, «положение о 18-летнем возрасте субъекта геноцида относится лишь к компетенции Международного уголовного суда; лица, не достигшие этого возраста и совершившие рассматриваемое преступление, должны быть осуждены национальным судом государства, если достигли возраста уголовной ответственности, установленного в национальном законодательстве» [5, с.59].

Второй обязательный признак субъекта преступления – вменяемость – также не содержится в тексте Конвенции. Обычно под нею понимается нормальное состояние психически здорового человека, которое выражается в способности отдавать отчет в своих действиях (бездействиях) и управлять ими. Применительно к геноциду вменяемость также является необходимым условием вины и уголовной ответственности. В случае, если лицо не смог отдавать себе отчет, т.е. не осознавал фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими, то виновное намерение отсутствует и он избегает ответственности. По этому поводу А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко замечают, что в международном уголовном праве действует презумпция вменяемости, т.е. любой человек считается понимающим характер своих действий (бездействий) и руководящим ими, пока не доказано обратное [160, с.48]. Римский Статут МУС в пределах п.1. ст. 31 в качестве оснований невменяемости лица называет, к примеру, его психическое заболевание или расстройство (подпункт «а»), состояние интоксикации (подпункт «b»), разумную защиту себя или другого лица (подпункт «с»), вынужденную ответную реакцию на угрозу неминуемой смерти (подпункт «d») [109, с.336]. Нужно подчеркнуть, что кроме указанных оснований своеобразную трактовку в международном уголовном праве имеют относительно невменяемости его субъектов и такие понятия, как «военная необходимость», «крайняя необходимость», «преступное бездействие начальника» и т.п [161, с.184].

Наконец, другая не менее важная составляющая преступления геноцида – это *mens rea*. В своем решении «по делу Елисича» от 14 декабря 1999 года Судебная камера МТБЮ отметила, что суть ее заключается в намерении обвиняемого уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую расовую или религиозную группу как таковую [92]. При этом должно присутствовать как намерение на нападение, направленное против группы, так и намерение обвиняемого осуществлять это нападение или участвовать в нем [92]. Отсюда следует, что «Конвенция к субъективной стороне геноцида относит вину в форме умысла (намерения)» [107] или же «характеризует этот субъективный элемент (*mens rea*) как намерение, то есть определенный «геноцидальный умысел» [5, с.54]. Вина данного преступления подразумевает, что преступник намеренно добивался осуществления инкриминируемых ему деяний [93]. «Таким образом, как и в преступлении преследования, должно быть доказано как намерение на совершение основного преступления (т.е. одного или нескольких непосредственных преступных деяний, перечисленных в статье II Конвенции о геноциде и включающих в себя убийства, причинения серьезных телесных повреждений и т.д.), так и специального намерения на совершение геноцида, т.е. на полное или частичное уничтожение группы как таковой» [48]. Иными словами, «преступник не просто должен допускать, что такое уничтожение станет возможным последствием его деяний, но и стремиться к наступлению этих последствий» [48]. Тем самым, как заключает в своем анализе Конвенции Дж.Кайгли, «намерение выступает в качестве необходимого условия для привлечения виновного лица к ответственности» [162, р.56] и, оно, кроме того, является огромным плюсом, стимулирующим причину установления геноцида на ранней стадии, что, в свою очередь делает возможным сокращение его ужасных последствий [162, р.56].

В современном международном праве – как в практике, так и в его науке – однако, до сих пор нету однозначно сформулированного ответа на вопрос: с какого именно времени должно возникнуть намерение на совершение преступления? Решения Судебных камер МТР и МТБЮ по этому поводу содержат отличающиеся друг от друга суждения. Так, в рамках «дела Кайишема и Рузиндана» Судебная камера МТР установила, что «определенное намерение – это то, что отличает преступление геноцида от обычного убийства», поэтому «вина должна быть сформирована до совершения направленных на геноцид действий» [130]. В то же время Судебная камера МТБЮ «в деле Крстича» высказалась в том смысле, что намерение на уничтожение группы, даже если оно и не было первоначальной целью операции, может возникнуть в ее ходе [92]. Соответственно не требуется, «чтобы направленные на геноцид действия были обдуманы за длительный период» [92]. По мнению Н.В. Мошенской, «поскольку действия, охватываемые составом преступления геноцида, не могут совершаться без умысла, то наличие намерения должно презюмироваться с момента начала деяний, обладающих определенными признаками» [107].

Намерение следует отличить от другого элемента субъективной стороны геноцида - мотива, т.е. непосредственной внутренней побудительной причины преступного деяния (корысти, ревности или мести). Апелляционная камера МТБЮ «по делу Елисича» от 5 июля 2001 года (пар.49) указала на «неопределенность» мотивов в уголовном праве и выдвинула на первый план «потребность различения специального намерения и мотива» [92]. В решении Камера отметила, что личный мотив лица, совершающего преступление геноцида, может, например, состоять в получении личного экономического эффекта, политической значимости или некоторой формы власти [92]. Однако, существование личного мотива не устраняет у преступника определенного намерения совершить геноцид [92]. Судебная камера МТР «по делу Мувунийи» от 12 сентября 2006 года (пар.479) также пришла к выводу, что обвиняемый может быть признан виновным в совершении преступления геноцида, «даже если его личная мотивация выходила за пределы намерения совершить геноцид» [163]. В итоге, в конкретном смысле «намерение в составе преступления заключается в сознательном стремлении исполнителя к достижению поставленной цели противоправными действиями» [107], а «мотив же отвечает на вопрос: чем, какими соображениями руководствовался тот, кто совершил действия, предусмотренные составом преступления» [107]. Вместе с тем исходя из решений МТБЮ и МТР нужно иметь в виду, что в отдельных случаях мотив преступления может признаваться квалифицирующим признаком геноцида, а в других случаях – как отягчающее или смягчающее обстоятельство.

Другой элемент субъективной стороны геноцида, это, уже особо отмечанная нами в рамках анализа объективной стороны преступления ключевой признак, - цель. Наличие цели наряду с прямым умыслом означает, что лицо должно осознавать общественную опасность и уголовную противоправность действий, охватываемых ст. II Конвенции, а также должно желать или сознательно допускать наступление общественно опасных последствий.

Важное значение для квалификации геноцида как международного преступления и при установлении цели имеет определение направленности намерения – уничтожение той или иной демографической группы «полностью или частично» (в англ. версии – «in whole or in part»). Исходя из характера формулировки, Конвенция ясно указывает на то, что нету принципиальной необходимости устанавливать намерение на уничтожение всей группы целиком. Уставы МТР и МТБЮ, а также их прецедентное право также придерживаются аналогичной позиции. В частности, в Решении «по делу Рутаганда» от 6 декабря 1999 года Судебная камера МТР отметила, что достаточно установить намерение на уничтожение группы «частично» [126]. В другом Решении «по делу Симба» от 13 декабря 2005 года та же Судебная камера МТР подчеркнула, что для установления преступления геноцида не существует какого-либо верхнего или нижнего уровня для числа жертв из состава защищенной группы [164]. Вместе с тем судьи трибуналов отчетливо понимали, что несмотря на

подобные толкования, остается необходимость доказывания намерения на уничтожение «существенной» или «значительной» части группы индивидов. Данный подход нашел отражение, в частности, в Решении Судебной камеры МТР «по делу Багилишема» от 7 июня 2001 года (пар.64) и в Решении Судебной камеры МТБЮ «по делу Крстича» от 2 августа 2001 года (пар.634). При этом «уничтожение» толкуется Трибуналами достаточно широко для того, чтобы иметь возможность рассмотреть не только те случаи, которые фактически привели к смерти жертв, но и те, которые не повлекли смерть. Об этом говорится, в частности, в Решении Судебной камеры МТР «по делу Мувунийи» от 12 сентября 2006 года (пар.482) [163].

Уяснение же действительного смысла терминов «существенная часть» или «значительная часть» группы с выделением критериев их определения давалось преимущественно в иных решениях Судебных камер МТР и МТБЮ. Так, например, если в Решении «по делу Кайишема и Рузиндана» под «существенностью» или «значительностью» подразумевается, что существует намерение на уничтожение очень большого количества членов группы [130], то в Решении «по делу Сикирицы» суть рассматриваемых терминов раскрывается в контексте намерения на уничтожение «выборочно» определенного, возможно, не очень большого числа людей, исчезновение которых, однако, будет иметь последствия для выживания всей группы [165]. К таким людям могут относиться лица, обладающие качествами «лидерства в пределах группы в целом» [165]. Сравнивая выводы, сделанные обоими Трибуналами, можно в то же время заметить, что существует некоторое различие в определении количества индивидов, которых должно стремиться уничтожить виновное лицо. Следует полагать, что эта сторона вопроса не являлась для этих учреждений столь уж принципиальной, так как в любом случае «существенная» или «значительная» часть в процессе квалификации преступления предполагала *достаточно необходимое количество лиц* по отношению к группе в целом (хотя было бы все-таки необходимо определить требование относительно определенного, вернее точного порога количества жертв, для того чтобы квалифицировать деяние в качестве геноцида). В этом смысле положение согласуется и с толкованием самого Р.Лемкина, согласно которому: «уничтожение части должно быть значительным [...] с тем, чтобы затронуть всю группу» [18, с.272]. При этом, на наш взгляд, особенно важно, чтобы уничтожаемая группа была объединена не только по национальным, этническим, расовым или религиозным признакам. Важно, чтобы намерение виновного лица было направлено на полное или частичное уничтожение и любой характеризующейся иной принадлежностью человеческой группы (социальной, культурной, политической и т.д.).

В заключении данного подраздела исследования хочется отметить, что геноцид действительно является преступлением специального намерения. Это выделяет его из круга других международных преступлений. Хотя некоторые эксперты (в частности, С. Дмитриевский) полагают, что между геноцидом и преступлениями против человечности в виде преследования и преступлениями

террористического характера отличий нет, в то же время признают, что конкретные виды специального намерения в них не совпадают [48]. Т.Г. Дадуани также выделяет признаки, отличающие геноцид от преступлений против человечности. Он пишет: «а) чтобы доказать факт совершения преступления геноцида не требуется доказывать связь данного преступления с военными действиями, что является условием при совершении преступления против человечности; б) геноцид отличает от других преступлений против человечности то, что совершение данного преступления имеет целью уничтожение группы как таковой, что не является обязательным условием при квалификации случаев, относящихся к бесчеловечным преступным деяниям» [3, с.10]. В определенной степени, как мы уже подчеркивали в пределах п.1.1. работы, геноцид «близок» и к военным преступлениям, но отличается от них также субъективной стороной (цель – уничтожение полностью или частично каких-либо национальных, этнических, расовых и религиозных групп населения) [10]. Но при этом надо иметь в виду, что геноцид, как уже было выяснено, может быть совершен и в мирное время. Учитывая это обстоятельство, учредительные акты международных трибуналов по бывшей Югославии, Руанде, а также МУС определили, что геноцид в отличие от военных преступлений и преступлений против человечности имеет самостоятельный состав. По замечанию С.В. Готовой, геноцид наряду с преступлениями против человечности, военными преступлениями и преступлениями агрессии относится к разновидности тяжких международных преступлений [166, с.37]. Римский статут, однако, не ограничился только этим фактом. В этой связи С.Н. Кемалов отмечает, что за исключением состава преступления геноцида и военных преступлений, юридические определения других преступлений против мира и безопасности человечества, зафиксированные в Статуте МУС, не могут считаться полностью завершенными и точными [34, с.23].

2.2 Сфера применения Конвенции 1948 года в контексте обязательств государств-участников

Статья I Конвенции гласит: «Договаривающиеся стороны подтверждают, что геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение» [67]. Следует отметить, что эти обязательства не только отличаются от иных обязательств, закрепленных в последующих статьях (ст. ст. III, IV, V, VI, VII, VIII) Конвенции, в которых речь идет в целом о наказаниях за совершение данного международного преступления, но и являются первичными и основополагающими по отношению к ним. Т.Г. Дадуани между тем небезосновательно подчеркивает, что «анализ положений Конвенции не позволяет выявить истинный характер обязательств государств-участников по предупреждению преступления геноцида» [3, с.12]. В связи с

этим автором предлагается следующая градация обязательств государств по Конвенции: обязательство по предотвращению преступления геноцида; обязательство ввести в действие национальные законы по преступлению геноцида; обязательство применять наказание за геноцид; обязательство взаимодействовать при выдаче преступников, виновных в совершении актов геноцида [3, с.12]. Кроме того, автор присоединяется к мнению Международного Суда ООН, считая, что обязательства государств по предупреждению преступления геноцида имеют собственную автономную сферу применения, являющейся нормативной и имеющей обязательную силу [3, с.12], а также полагает, что все эти обязательства по Конвенции наряду с обязательствами по Статуту Международного уголовного суда нужно квалифицировать в качестве обязательств *erga omnes* [3, с.12].

Рассмотрим содержание вышеуказанных обязательств государств-участников в последовательном порядке. Но прежде всего в контексте уже известных и отмеченных обязательств акцентируем внимание на изъяне, имеющем место в действующем тексте Конвенции. Конкретнее можно говорить о пробеле относительно «не учтенных», в отличие от прямого геноцида – непосредственного объекта регулирования Конвенции, форм и способов *косвенного геноцида* (нередко их называют и как мутантные проявления геноцида), борьба с которыми также должна осуществляться в целях предупреждения и наказания в пределах действия универсального договора ООН.

В настоящее время проявления названного вида геноцида стали исследоваться многими учеными, среди которых они наиболее выделяют такие его формы, как: направленное экономическое вмешательство, направленное изменение культурно-исторической среды, биологическое вмешательство, в том числе и на генетическом уровне, направленное изменение природных условий. Они по замечанию В.Н. Морозова характеризуются намеренными изменениями, приводящими к необратимым для человеческих сообществ отрицательным последствиям [167, с.182].

Направленное экономическое вмешательство с точки зрения В.А. Лисичкина и Л.А. Шелепина может быть рассмотрена как форма косвенного геноцида по той причине, что «сегодня усиливаются тенденции к размежеванию мирового сообщества на два полюса – экономически развитые страны с 17% населения и развивающиеся страны с довольно низким уровнем развития экономики» [168, с.29]. При этом «растет социальное неравенство, причем на макроэкономическом уровне, и в условиях установок на материальные ценности всем не сумевшим победить в условиях рыночного отбора внушается их несостоятельность, создаются условия, невозможные для выживания» [100, с.167]. Согласно позициям предыдущих авторов, «современное состояние 358 наиболее богатых «глобальных миллиардеров» равно общему богатству 2,3 миллиарда бедняков, составляющих 45% населения планеты. Это означает, что вместо заботы о благополучии сотен миллионов и миллиардов людей, новой, неолиберальной экономике, чтобы успешно

существовать, достаточно удовлетворять запросы стран «золотого миллиарда» [168, с.30]. Фактически «человечество имеет дело», по мнению А.С. Панарина, «с системой экономического геноцида» [169, с.364]. В итоге происходит сужение социально-экономического пространства любой группы населения до размеров, в которых она становится не способной обеспечить свое собственное воспроизводство [100, с.167]. В этом отношении, как нам кажется, явным примерами могут послужить действия некоторых государств-членов ЕС, и в особенности Германии, подкрепляемые условиями в лице Европейского Центрального банка и Международного валютного фонда, примененные в условиях экономического кризиса и финансовой рецессии против интересов населения таких стран, как Греция и Кипр в 2012-2013 годах. Сегодня эти государства имеют статус «государств-банкротов», а качество жизни их населения значительно ухудшилось. Здесь же можно говорить о преднамеренном плане властей США, направленного, как уже выяснилось, 1-2 августа 2014 года на то, чтобы Аргентина объявила дефолт, т.е. о своей неспособности производить своевременные выплаты по долговым обязательствам. Правительство и Центральный банк южноамериканского государства, однако, официально подтвердили, что они имеют достаточные финансовые ресурсы по выполнению платежных обязательств перед кредиторами. Действия же США как главного донора МВФ изначально заключались в том, что в целях «подчинения» Аргентины своим собственным интересам напугать финансовые рынки непредсказуемостью, «обрушить» национальную валюту и вызвать панику среди населения. «Вынужденные экономические методы могут иногда «опереться» и на применение силы, в особенности в районах межэтнических конфликтов. Пример тому: экономическая блокада, сопровождаемая нередко применением вооруженного (военного) насилия со стороны Израиля в отношении жителей сектора Газа Палестинской автономии. В последнее время, как замечает Э.Г. Кочетов, прослеживается тенденция к ведению геэкономических войн, которые могут быть определены как нанесение ущерба любой национальной экономике, осуществляемые и невоенными методами, но заранее спланированной стратегии оперирования в геэкономическом пространстве с использованием высоких геэкономических технологий [170, с.206]. Среди реально просматриваемых, по мнению Э.Г. Кочетова, можно назвать тщательно завуалированный механизм перелива национального и мирового дохода, методы разрушения экономических инфраструктур, стиль оперирования на мирохозяйственной арене, завершающим итогом которого является «кредитный удар», деформация социально-экономической системы, продвижение ее к необратимой трансформации [170, с.206]. Все эти действия в конечном результате могут быть квалифицированы как способы крупномасштабного геноцида, осуществляемого с применением экономических механизмов.

Направленное изменение культурно-исторической среды также в ряде случаев может быть отнесено к косвенному геноциду, хотя и является близким к этноциду. Если в этноциде, как уже было отмечено до этого, действия

ограничиваются уничтожением культуры народа, а его физическое уничтожение не является самоцелью, а скрытой предпосылкой, то способы и последствия рассматриваемой формы косвенного геноцида до сих пор чаще всего умалчиваются. Считается, что классический пример этноцида колонизация американского, австралийского и других континентов [171, с.219]. В особенности уничтожение коренного населения Америк предстает как самый массовый и длительный (вплоть до сегодняшнего дня) геноцид в мировой истории [172, р.97]. Браун Ди пишет: для осуществления этой формы косвенного геноцида необходимо провести так называемую стадию идеологической подготовки – объяснить тем, кто будет уничтожать, «вину» тех, кого следует уничтожать [173]. По его мнению колонизаторами, прежде всего официальными властями американских штатов, был намеренно создан миф о воинственном и кровожадном характере американских индейцев, хотя отсутствие у коренных жителей регулярных военных объединений, а также укрепленных жилищ и поселений указывает на то, что они издавна вели преимущественно мирный образ жизни [173]. Другой ученый – Д.Станард также прослеживает идеологическую связь между испанским и англосаксонским геноцидом народов Америки и нацистским геноцидом евреев, цыган и славян [174, р.416]. По его утверждению европейские колонизаторы, белые поселенцы и нацисты имели одни и те же «идейные корни» [174, р.416]. И на этой идеологии, по мнению Д.Станарда, были основаны интервенции США в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке [174, р.416]. Ученый полагает, что к сегодняшнему дню лишь некоторые из существовавших когда-то народов обеих Америк сохранили не более 5% своей прежней численности [174, р.416]. При этом автор особенно подчеркивает именно утаивание научным сообществом действительной численности населения американского континента в доколумбовую эпоху [174, р.416]. По мнению же А.С. Панарина, «проводящаяся на протяжении многих десятков лет политика насильственной ассимиляции индейцев в Америке означает культурную, духовную, психическую форму геноцида» [175, с.70]. С позицией данного автора солидарны и многие другие ученые к примеру, такие американские исследователи, как Р. Торнтон [176, р.57], Х.Кёнинг [177], Ян Р. Кэрью [178].

Последствия такого «косвенного» по своей сути «геноцида» особенно опасны для мирового сообщества, поскольку «без многообразия, без наличия культурных альтернатив культура теряет запас информационной «изменчивости» на будущее, способность к адаптации и к эволюции в новых, еще не сформировавшихся условиях», - подчеркивает И.П.Меркулов [179, с.314].

Это, по оценке Ю.В. Черновицкой означает, что направленное изменение культурной среды как форма косвенного геноцида не только способствует формированию так называемого «массового общества», объединяющего воедино большие массы людей, особенно в крупных городах, но создается почва для стандартизации, появляются стандарты в одежде, питании, образе жизни, в подражании общей моде, кумирам, сменяющим друг друга, возникают

предпосылки для унификации людей с образованием поведенческих стереотипов [100, с.169].

Кроме того, этот же ученый полагает, что одним из важнейших способов социально-культурного косвенного геноцида является пропагандистская, информационная война [100, с.169]. Объясняет она это тем, что происходит манипулирование сознанием, управление мыслями, потребностями, поведением; власть над людьми, над их сознанием приобретает тотальный характер, она больше, чем при физическом воздействии [100, с.169]. При этом пропагандистская война с неадаптированным большинством мировой и национальной периферии, по мнению А.С.Панарина, скорее всего является подготовкой к физическому насилию и геноциду [175, с.70].

Биологическое вмешательство. По утверждению Е.В. Брызгалиной, предпосылками к проявлениям косвенного геноцида на биологическом уровне служит нарушение равновесия между техническим прогрессом и биофизическими способностями человека [180, с.450]. Она подчеркивает, что в концепцию биологической безопасности входит анализ динамики заболеваний и здоровья населения, обусловленных нарушениями экосистем, изменением структуры питания [180, с.450]. В настоящее время известно, что неудовлетворительное состояние дел с качеством и безопасностью питания является одной из причин снижения естественного прироста населения [180, с.450]. По мнениям авторов исследования «Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности» (2005 г.), современный период развития биологии характерен нарастанием прямых связей биологии с реальностью, когда биология становится средством не только изучения, но и влияния на мир живого [181, с.4], в том числе и направленного влияния в чьих-либо интересах. В этом смысле начинают появляться такие новые направления, как генная инженерия, клеточная инженерия, конструирование естественных и искусственно созданных био и агроценозов, что превращает биолога в «конструктора» новых организмов, который имеет дело с миром живого, где открываются возможности для косвенного геноцида [100, с.169]. Обладая невиданными ранее средствами воздействия на глубинные структуры живого, современный ученый имеет дело не с вирусами как таковыми, молекулами или химическими процессами, а с самой человеческой жизнью [100, с.169]. Новые технологии, основывающиеся на генной и клеточной инженерии, предоставляют возможность преодоления эволюционных барьеров, произвольного конструирования и перемещения генов между организмами, не имеющими природных возможностей для вступления в генетические контакты [100, с.169]. Это может дать человечеству значительные выгоды, но может привести и к роковым ошибкам, а может и предоставить возможности для манипулирования, - заключает Ю.В. Черновицкая [100, с.169].

В связи с развитием методов ДНК-диагностики появляется возможность генетического скрининга всего населения и изучения генотипов его членов. Несомненно, по мнениям А.Т.Шаталова и Г.И. Мяндиной, обществу придется сразу же столкнуться с проблемами нового вида неравенства – генетического, а

вместе с этим может и расширяться понятие геноцида, например, в число групп можно будет включить группу, отличающуюся определенными генетическими признаками [181, с.234]. «Самая существенная угроза при этом, - пишет Б.Г. Юдин со ссылкой на Фукуяму, исходящая от современной биотехнологии – это возможность того, что она изменит природу человека и, таким образом, приведет нас в «постчеловеческую» стадию истории [182, с.468].

Направленное изменение природных условий, как уже понятно из-за смысловой нагрузки, затрагивает экологию, в том числе и экологию человека. Под экологией человека можно понимать науку о взаимодействии, коэволюции человека и природной среды его обитания [183, с.29]. Часто можно сталкиваться проявлениями «экоцида», которого Н.Ф.Реймерс определяет как «преднамеренное истребление всего живого, приводящее к биоциду», т.е. истреблению всего живого на больших территориях или как сознательная, целенаправленная деятельность человека по уничтожению природной среды [184, с.144]. По мнениям других авторов, «экоцид – это преднамеренное действие одного государства, использующего свои ресурсы для посягательства на население, культуру, производство биологического продукта другой страны, на ее природную среду» [185, с.16]; «это сознательное уничтожение природного окружения, к тому же экоцид имеет место во всех случаях преднамеренного нападения.» [100, с.170] Экологическая война как и геноцид - война против будущих поколений, хотя, например, в войне против Вьетнама США утверждали, что дозы гербицидов, сбрасываемых на мирное население, для него безопасны, однако человек получал их и с водой, и с пищей, будущие поколения ощутили тяжесть экологической войны» [100, с.174]. Направленное «воздействие на природный наследственный фактор в этом случае неоспоримо» [103, с.34] и «в этом проявление косвенного геноцида со стороны США по отношению к вьетнамскому населению» [103, с.34].

Подытоживая содержание всех выше рассмотренных форм и их способов, можно заключить, что «косвенный геноцид – это направленное воздействие (умышленное бездействие) на какие-либо группы путем изменения природных условий, культурно-исторической среды, биологических и экономических факторов и т.п., приводящее к созданию для определенной группы таких жизненных условий, которые могут привести (и это был бы желаемый результат) к полному или частичному физическому уничтожению ее,» [103, с.34] т.е. *это действия, предшествующие совершению прямого геноцида.* Один из основных вопросов при этом сводится к тому, как четко разграничить косвенный геноцид от иных форм массовых убийств. Поэтому большинство исследователей полагают, что для выявления косвенных форм геноцида одного критерия преднамеренности недостаточно. Ясным к настоящему времени остается только одно обстоятельство – в рамках ООН нужен комплексный анализ всех факторов, ведущих (или могущих привести) к необратимым последствиям в жизнедеятельности устойчивой общности людей (различных групп, и не только национальной, этнической, расовой и религиозной) и после этого, на основе полученных выводов и

сформулированных рекомендаций, адаптировать формы совершения косвенного геноцида к действующим нормам Конвенции 1948 года. Представляется, что в рамках всемирной организации эти функции должны быть возложены на специальную группу признанных авторитетных специалистов из государств-членов ООН при тесном взаимодействии с Генеральным секретарем и Верховным комиссаром по правам человека, привлекая к этому процессу представителей Шестого (Юридического) комитета и Комиссии международного права [186, с.384]. Иными словами, практическая реализация подобной инициативы, т.е. образование группы, должна быть возложена на должностные лица этих органов. И наверняка, ожидаемо, что в подготовленном обобщенном документе экспертов будет нередко высказываемая рекомендация о том, *что следует толковать Конвенцию 1948 года также не столько в рамках уголовно-правовой оценки косвенных форм косвенного геноцида, сколько в общем контексте обязательств государств-участников*. Со стороны последних в этой связи может быть предложено требование о пересмотре Конвенции путем внесения изменений дополнений или поправок, что допускается ст. XVI договора. Она гласит, что подобное действие может иметь место «в любое время любой из договаривающихся сторон путем письменного сообщения на имя Генерального секретаря» [67, с.784]. Окончательное решение вопроса о том, «какие меры необходимо принять в отношении такого требования», принимает Генеральная Ассамблея [67, с.784], где представлены все государства-члены ООН. Один из главных (в данном случае совещательных) органов всемирной организации при этом оставляет за собой право признать либо не признать необходимость принятия каких-либо мер в отношении вынесенного на голосование требования [67, с.784]. В случае отрицательного результата хорошую перспективу, на наш взгляд, имеет принятие дополнительного протокола в виде приложения к Конвенции 1948 года, который исходя из международной договорной практики и с согласия государств-участников может обладать силой положений основной части договора.

В работе (начало п.2.1) отмечалось, что Конвенция 1948 года в рамках ст. III содержит отдельный перечень наказуемых форм участия в совершении геноцида. Также одновременно указывалось, что эти формы (собственно геноцид, заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида и соучастие в геноциде) были имплементированы в Уставы МТР, МТБЮ и МУС. Отсюда следует, что нормы Конвенции и положения учредительных актов трибуналов в этой части пересекаются.

Геноцид (п. а) ст. III) как наказуемое деяние подробно было проанализировано в предыдущем подразделе.

Заговор с целью совершения геноцида (п. б) ст. III) во многих судебных решениях МТР, в частности в Решении Судебной камеры трибунала «по делу Нахимана и др.» от 3 декабря 2003 года определяется как «соглашение между двумя и более людьми, чтобы совершить преступление геноцида» [187].

Следовательно, он есть определяющий элемент данного вида участия в преступлении [187]. Согласно Решению Судебной камеры «по делу Мусема» от 27 января 2000 года вина рассматриваемого деяния «опирается на согласованное намерение совершить геноцид» [127]. Соглашение не должно иметь характер некоего формального или специального договора и может быть выведено судом из скоординированных действий людей, которые имеют общую цель и действуют в пределах объединенной структуры, - отмечается в том же Решении Судебной камеры МТР «по делу Нахимана и др.» [187]. В нем же сделан акцент на том, что коалиция, даже неофициальная, может составить такую структуру, пока действующие в ее пределах лица знают о существовании такой коалиции, об их участии в ней и о ее роли в содействии достижения общей цели [187]. При этом заговор – длящееся преступление, имеющее соответственно продолжающийся характер и достигающееся кульминации в совершении предусмотренных им действий [187]. В рамках Решения Судебной камеры МТР «по делу Нийитечека» от 16 мая 2003 года подчеркивается, что заговор с целью совершить геноцид сам по себе является окончанным преступлением с момента составления такого заговора и наказуем даже в том случае, если само преступление геноцида не было фактически совершено [188].

Прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида (п.»с») ст. III Конвенции) один из современных исследователей юридической природы преступления У.А. Шабас называет как форму «наказуемого соучастия, определяемого как «соучастие» в том случае, когда другой человек совершает преступление непосредственно» [97, р.182]. Далее он пишет: «более нестандартным является криминализация подстрекательства даже в отсутствии непосредственного совершения преступления» [97, р.182], и «чтобы сосредоточиться на профилактическом значении запрещения геноцида, разработчики Конвенции о геноциде 1948 г. решили объявить наказуемым начальное», т.е. усеченное «преступление «прямого и публичного подстрекательства» [97, р.182]. Оно есть «международное преступление даже в отсутствии доказательства, что геноцид был фактически совершен в результате подстрекательства» [97, р.182]. В судебной деятельности МТБЮ данное наказуемое деяние практически не рассматривалось в отличие от МТР. По этому поводу тот же У.А. Шабас отмечал: «поскольку геноцид был фактически совершен в Руанде, судебное преследование за «прямое и публичное подстрекательство» может казаться не соответствующим» [97, р.182] и «те, кто произносил речи или иначе убеждал других совершать геноцид, публично или конфиденциально, являются виновными в соучастии, которое охвачено статьями 2 (3) (е) и 6 (1) Устава МТР» [97, р.182]. Исходя из вышеизложенного «многие из решений судебных камер, казалось, путали начальную форму подстрекательства с подстрекательством как формой соучастия, и решения обвиняют исполнителей «прямого и публичного подстрекательства» после заключения, что геноцид был фактически совершен» [97, р.182]. Однако несмотря на такую оценку судьи МТР в ряде вынесенных решений (в частности, это: Решение Судебной камеры «по делу Акаезу» от 2 сентября 1998

г., пар.562; Решение Судебной камеры «по делу Руггиу» от 1 июня 2000 г., пар. 16; Решение Судебной камеры «по делу Нийитегека» от 16 мая 2003 г., пар.431) делали оговорки, согласно которым прямое и публичное подстрекательство к геноциду не должно быть успешным и для установления вины не требуется устанавливать причинной связи между подстрекательством к геноциду и актом геноцида. Более детально об этом говорится в Решении Судебной камеры «по делу Нахимана и др.» от 3 декабря 2003 года [187], в рамках которого также высокопоставленные сотрудники руандийских средств массовой информации, как Фердинанд Нахиман, Жана-Боско Бараягвизы и Хассан Нгеца, вовлеченные в пропаганду геноцида, обвинялись в совершении данного деяния. В ходе судебного разбирательства было установлено, что у названных лиц было «желание... создать своими действиями в умах людей элемент настроения, необходимый для побуждения к совершению такого преступления» [187] и, следовательно, подстрекая к совершению геноцида, они непосредственно имели специальное намерение осуществить его, «а именно уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [187].

Что касается следующей наказуемой формы участия – *покушения на совершение геноцида* (n.d) ст. III Конвенции), то она не рассматривалась в практике ни МТБЮ, ни МТР.

Соучастие в геноциде, ссылка на которого содержится (в п.е) ст. III Конвенции, накладывается на п.1 ст.7 Устава МТБЮ и п.1 ст.6 Устава МТР. В соответствии с нормой, закрепленной в первом документе, «лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало к планированию, подготовке или совершению преступления, указанного в статьях 2-5 (*напоминаем, что ст.4 Устава посвящена геноциду*) настоящего Устава, несет личную ответственность за это преступление» [189, с.301]. Таким образом, это деяние охватывая достаточно большой перечень запрещенных действий, «относится к различным формам «вторичного» участия в преступлении» [97, р.183], «не включающих прямое совершение исполнителем преступного акта» [48].

В деятельности как МТР, так и МТБЮ соучастие в геноциде приравнивается к пособничеству и подстрекательству. В этом можно убедиться, ознакомившись, к примеру, с Решением Судебной камеры МТР «по делу Семанза» от 15 мая 2003 года (пар.394) и Постановлением Судебной камеры МТБЮ «по делу Милошевича относительно движения решения об оправдании» от 16 июня 2004 года (пар.297). Позже такая позиция трибуналов была отражена в Решении Апелляционной камеры МТР «по делу Нтакирутимана» от 13 декабря 2004 года (пар.500). По существу критерии пособничества и подстрекательства (в англ. версии – *aiding and abetting*) были определены, кроме предыдущего, и в нескольких иных решениях. Так, в Решении «по делу Семанза» от 15 мая 2003 года Судебная камера МТР подчеркнула, что оба деяния практически всегда рассматриваются вместе и имеют широкую трактовку, указывая на любую форму содействия и поощрения другого лица к совершению преступления [128]. Тем самым они подразумевают

прямой и значительный вклад в совершение преступления [128]. В том же Решении судьи отметили, что подобный вклад может быть выражен в физических действиях, устных заявлениях или даже в присутствии [128]. Присутствие лица, наделенного властными полномочиями, на месте совершения преступления или рядом с ним, может рассматриваться как знак одобрения преступлений, что равнозначно «пособничеству и подстрекательству» [128]. Ранее аналогичный подход был закреплен в Решении Апелляционной камеры МТР «по делу Кайишема и Рузиндана» от 1 июня 2001 года (пар.201-202), позднее в Решении Апелляционной камеры этого же трибунала в рамках упомянутого «дела Нтакирутимана» (пар.788-789). Касаясь обязательного субъективного элемента оба трибунала ООН твердо установили, что лицо, обвиненное в пособничестве и подстрекательстве, может не иметь изначального намерения на совершение геноцида, но должно, по меньшей мере, знать об общем и конкретном намерении исполнителя преступления на осуществление геноцида. В частности, об этом говорится в Решении Судебной камеры МТР «по делу Семанза» (пар.338), а также в большинстве решений Апелляционной камеры МТБЮ (к примеру, в Решении «по делу Крстича» от 19 апреля 2004 года, пар.140; в Решении «по делу Крнелаца» от 17 сентября 2004 года, пар.51; в Решении «по делу Алексовского» от 24 марта 2000 года, пар.162; в Решении «по делу Васильевича» от 25 февраля 2004 года, пар.102). «По делу Мухимана» Судебная камера МТР установила, что обвиняемый «позволил» одному из боевиков (на языке хуту – «interahamwe») увести женщину, которую тот собирался изнасиловать [190]. Судьи постановили, что данный эпизод говорит о поощрении к совершению преступления со стороны Мухиманы [191].

Рассмотренные наказуемые формы участия в геноциде еще раз указывают на то, что, как и ранее, так и в настоящее время актуальным остается призыв бывшего Верховного Комиссара ООН по правам человека к государствам – участникам выполнять обязательства по Конвенции 1948 года [192, с.2-3]. При этом отдельными авторами в соответствии с новым подходом Международного Суда ООН выявляется, в частности, дифференциация между теми требованиями, за выполнение которых государство-участник должно нести ответственность в связи с невыполнением обязательств по принятию мер, направленных на предупреждение геноцида (ст. I Конвенции) и требованиями за выполнение которых государство-участник должно нести ответственность за «соучастие в геноциде» (ст. IV (e) Конвенции) [3, с.9]. На основе подобного подхода суда в науке международного права концептуально обосновывается тезис о том, что ответственность по Конвенции о геноциде 1948 года является ответственностью «за совершение геноцида», а не ответственностью «за неспособность» государств принимать меры по предупреждению геноцида или о наказании за его совершение [3, с.10]. Данный тезис согласно мнениям ученых полностью соответствует принципу комплементарности МУС в отношении национальных средств борьбы с актами геноцида [3, с.10].

Одними из пробелов в тексте действующей Конвенции, которые должны включаться в обязательства государств-участников, являются нерешенность

вопроса о запрещении пропаганды геноцида, о роспуске организаций, преследующих цель разжигания расовой, национальной и религиозной (межконфессиональной) вражды или же в широком контексте исключение положения об органической связи преступления геноцида и его форм с активно проявляющимися в последнее время с националистическими, ультраправыми и расистскими теориями. Все отмеченные меры предлагались в свое время (в основном в период разработки текста Конвенции) советскими специалистами и учеными. Они тогда ясно понимали, что эти меры также существенно необходимы, так как служат противодействием предусловиям совершения геноцида.

В Конвенции также отсутствует требование об установлении ответственности юридических лиц за совершение данного преступления или соучастие в нём. Как уже известно, статья IV в этой связи говорит лишь о физических лицах, совершающих геноцид или какие-либо другие из перечисленных в ст. III деяний и которые подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами [67, с.781]. То есть исходя из содержания нормы основным субъектом преступления геноцида являются физические, вменяемые лица, достигшие установленного возраста (об этом неоднократно говорилось до этого в решениях международных уголовных трибуналов). Однако Конвенция, характеризуя в пределах ст. IV субъекта уголовной ответственности, различает два его вида: «субъекта – индивида, который совершил преступление самостоятельно, по своей воле» [20, с.30] и «субъекта, связанного с преступлениями государства» [20, с.30]. Последних определяют как «агент государства», «представитель государства», «действующий от имени государства» или в качестве фактического агента без законных полномочий [20, с.30]. Государства, таким образом, как участники Конвенции через собственные уполномоченные лица могут быть привлечены к международной уголовной ответственности. Но к ним как к юридическим лицам в лице созданных и зарегистрированных ими в соответствии с национальным законодательством транснациональных корпораций, коммерческих банков, отдельных государственных и местных органов, хозяйствующих субъектов (предприятий) и иных функционирующих учреждений наряду с международными организациями положения об ответственности до сих пор непосредственно неприменимы. Следует, пожалуй, в этой связи сделать только одну оговорку, согласно которой к государству как к субъекту международного права за совершение геноцида и других преступлений против человечества применимы различные меры санкционного характера в пределах международной политической и международной материальной ответственности. Некоторые аналитики, ссылаясь на иск Боснии и Герцеговины против Сербии и Черногории утверждают, что на самом деле Конвенция 1948 года «имеет дело с ответственностью государства» [162, р.222] как таковой. Она обозначена в ст. IX, которая гласит, что «споры между договаривающимися сторонами по вопросу толкования, применения или выполнения настоящей Конвенции,

включая споры относительно ответственности того или иного государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний, передаются на рассмотрение Международного Суда по требованию любой из сторон в споре» [67, с.782]. Это означает, что «Конвенция обязывает государства быть ответственными перед Судом ООН за совершение преступления и не отказывается наказать их» [162, p.222]. Вместе с тем, если Конвенция действительно предусматривает ответственность государства в пределах ст. IX, то она должна быть сформулирована однозначно ясно или, по мнению Дж.Кайгли «должна быть сформулирована таким образом, чтобы установить его гражданско-правовую ответственность» [162, p.223], поскольку «положения договора о наказаниях не могут быть направлены против государства по причине его природы» [162, p.223]. Только Великобритании после многих лет усилий удалось получить от ООН понятную формулировку, осуждающую совершенный государством геноцид [162, p.224]. Однако и она была привязана к условию, содержащемуся в ст. IX Конвенции [162, p.224]. Из всего вышеизложенного в итоге следует, что «многое оставляет желать лучшего в рассматриваемой области в соответствии с нормами Конвенции» [65].

Другой вопрос – вопрос об ответственности непосредственно юридических лиц без формального участия государства. Оснований для включения их в состав субъектов преступлений вообще и, в частности за совершение актов геноцида, пожалуй, предостаточно. Приведем лишь несколько примеров. Американский юрист М.Дж. Келли (Michael J. Kelly) в своей обширной аналитической статье под названием «Never Again?» German Chemical Corporation Complicity in the Kurdish Genocide» (2013) («Никогда больше?») Соучастие немецкой химической корпорации в курдском геноциде) приводит следующие факты: 15 апреля 1987 года иракский самолет, поддерживаемый режимом Саддама Хусейна сбросил с воздуха химическое оружие с содержанием ядовитого газа на Курдистанскую демократическую партию, главный офис которой находится в Зева Шкан, близко к турецкой границе в провинции Дохук, а также на Патриотический союз Курдистана с расположением офиса около деревни Шерголу и Берголу в провинции Сулеймания [193, p.12]; горчичный газ, VX, Зарин и Табун в совокупности образовали летальный коктейль, который уничтожил 5000 курдского населения в городе Халабадже за один только день [193, p.2]. Позже было установлено соучастие в совершении геноцида нескольких немецких химических корпораций. Этот же автор в другой своей работе, также посвященной тематике ответственности юридических лиц за совершение геноцида, но уже применительно к населению Дарфура (Судан) доказывает причастность к преступлению Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC) [194, p.320]. Другой исследователь – Роберт Дж.Маккартни (Robert J. McCartney) пишет, что США определили такие немецкие компании, как Preussag AG из Ганновера, Pilot Plant GmbH из Драйяха, Pen Tsao Materia Medica Center Ltd. из Гамбурга и Ihsan Barbouti International из Франкфурта как ключевых

корпоративных игроков, помогающих режиму Каддафи в Ливии в строительстве фабрики ядовитого газа в Рабта, к югу от Триполи [195] для заранее преднамеренно запланированных действий.

Во всех отмеченных случаях корпорации (компании) не понесли (или не были привлечены) к ни какому виду ответственности. Наоборот права и привилегии, предоставленные им в условиях возрастания темпов глобализации и расширения свободной торговли, были огромны. Особенно немецкие юридические лица были в центре деятельности усиления этих преимуществ для получения крупной прибыли. ***Поэтому учитывая, что ст. IV Конвенции все еще продолжает употреблять термин «наказание» как элемент уголовной ответственности применительно только к физическим лицам, необходимо признать субъектом преступления геноцида и непосредственно юридических лиц.*** Приведенные в контексте примеров даже общие факты доказывают, что налицо совершение актов геноцида в пределах ст. III Конвенции. Следовательно, наличие состава преступления (и субъекта как одного из его элементов) является фактическим основанием для введения уголовной ответственности юридических лиц. Данный вопрос должен стать предметом детального обсуждения в повестке для Комиссии международного права ООН. Вспомогательный орган всемирной организации согласно Положению от 21 ноября 1947 года (Рез.ГА 174 (II)) обладает полномочиями делать обзор всей области международного права с целью точного формулирования и систематизации его норм в тех областях, в которых уже имеются практика, прецеденты и доктрины и предоставлять свои рекомендации Генеральной Ассамблее. Существуют объективные основания подключить к решению рассматриваемого вопроса и специализированные неправительственные организации, занимающиеся кодификацией международного права на неофициальном уровне. Среди них особо следует выделить Ассоциацию международного права. Целью этого учреждения является изучение, разъяснение и развитие международного права и разработка соответствующих предложений. И, наверняка, при подготовке предложений эксперты названных структур обязательно будут принимать во внимание собственные стандарты и нормы ООН, аргументирующие привлечение юридических лиц к ответственности. Среди них следует отметить прежде всего принятые в 1985 году Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка. В этом документе есть раздел, касающийся и ответственности юридических лиц. Там записано: «Государства – члены должны рассматривать вопрос о предусмотрении уголовной ответственности не только для лиц, действовавших от имени какого-либо учреждения, корпорации или предприятия или выполняющих руководящие или исполнительные функции, но и для самого учреждения, корпорации или предприятия путем выработки соответствующих мер предупреждения их возможных преступных действий и наказания за них» [196, с.34].

Исходя из содержания приведенной нормы документа можно сделать вывод не столько о возможности допущения уголовной ответственности для юридических лиц в международном праве посредством закрепления соответствующих положений во внутригосударственном законодательстве, сколько также в пределах самой универсальной системы. В этом смысле для Конвенции о геноциде 1948 года примерами могут послужить две действующие современные международные договоры: Международная Конвенция по борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года. Первый документ, в частности, гласит, что: «Каждое государство – участник обеспечивает..., чтобы к юридическим лицам, несущим ответственность согласно пункту 1, применялись эффективные, соразмерные и действенные уголовные, гражданско-правовые или административные санкции. Такие санкции могут включать финансовые санкции [197]. Согласно второму документу, принятому согласно Резолюции 55/25 ГА ООН на ее 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии при условии соблюдения правовых принципов государства – участника и в соответствии со ст.ст. 5,6,8 и 23 ответственность юридических лиц также должны быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Уголовные и неуголовные санкции, включая денежные, при этом должны оказывать сдерживающее воздействие на юридических лиц [198].

Как заметно, в отличие от Руководящих принципов, последние международные договоры не ограничиваются только введением уголовной ответственности для юридических лиц. В них предусмотрены, к примеру, и санкции, которые должны носить материальный характер (в виде возмещение причиненного ущерба, штрафов, конфискации имущества, компенсаций, процентов и т.п.). Однако в рамках предмета нашего исследования актуальное значение имеет прежде всего целесообразность назначения уголовного наказания в отношении преступного действия или бездействия юридических лиц с тем, чтобы оно было, во-первых, отражено в тексте Конвенции 1948 года и, во-вторых, предоставляло в будущем возможность осуществления подобной юридической процедуры в пределах деятельности международных уголовных трибуналов. Такое официальное признание по мнению А.Г. Кибальника позволит последовательно и эффективно реализовать задачи не только международного уголовного права [199, с.40]. *В дальнейшем установление двойной ответственности за геноцид может быть закреплено и в рамках национальной юрисдикции.*

Следующий вопрос, который мы хотели бы рассмотреть в рамках данного подраздела работы, это значение Конвенции 1948 года для дальнейшего совершенствования международной договорной базы и международной уголовной юрисдикции применительно к преступлению геноцида. Этот аспект также можно рассматривать в широком контексте обязательств государств-участников и, в частности, в рамках обязательств по предотвращению и применению наказания за совершения геноцида, вытекающих из Конвенции. В

этой связи прежде всего следует обратить внимание на документ, который последовательно разрабатывался в трех редакциях – в 1954, 1991 и 1996 годах Комиссией международного права ООН после принятия Конвенции 1948 года. Это – Кодекс преступлений против мира и безопасности человечества. В изначальной, первой редакции 1954 года Кодекс повторял определение геноцида, закрепленное в Конвенции, за исключением указания на субъект преступления: здесь данное общественно опасное деяние понималось как «действия властей какого-либо государства». По этому поводу А.Н. Трайнин в своем известном труде писал следующее: «Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, разработанный в системе ООН, идет иным, противоположным путем: ряд пунктов ст. 2 проекта, предусматривающий преступления против мира и безопасности человечества (п. 1-3, 5-9), в качестве субъектов называет лишь «представителей власти» (угроза «властей», подготовка «властями» и т.д.), и, таким образом, отмечает в этих случаях не любое лицо, виновное в совершении преступления против человечества, а лишь представителя власти» [6, с.309]. Новый подход к противоправности геноцида Комиссия международного права ООН попыталась обеспечить и при разработке последующих двух редакций Кодекса. В частности, если в ст. 19 проекта за 1996 год давалось то же определение геноцида, что и в Конвенции, состоявшее из двух элементов: *mens rea* – субъективного намерения (геноцидальный умысел) и *actus reus* – запрещенного действия (объективная сторона), то в последующих статьях уже были удалены некоторые наказуемые действия геноцида, содержащиеся в III Конвенции: положения о заговоре в целях совершения геноцида и о прямом и публичном подстрекательстве к совершению геноцида [101, с.226]. Согласно нормам Кодекса, данные действия не могут быть совершены в том случае, если само преступление геноцида не имеет места [110, с.320].

Следует заметить, что с точки зрения современной действительности Кодекс в части, относящейся к геноциду, уже не отражает общепринятого подхода к этому международному преступлению, так как уже отмечалось после редакции 1996 года уже были приняты Уставы многих уголовных, гибридных (смешанных) трибуналов, а также Статут МУС, которые не рассматривают геноцид в общем контексте преступлений против мира и безопасности человечества, а выделяют его в качестве отдельной категории международного преступления. К примеру, как мы уже отмечали, в Статуте МУС геноцид в отличие от преступлений против человечности, военных преступлений и преступления агрессии, обозначен как самостоятельное преступление, в отношении которого МУС также обладает своей юрисдикцией (ст.5). На основе ст.15 Статута МУС Прокурор может возбудить расследование *proprio motu* на основе информации о преступлении геноцида [110, с.328]. В этой связи С.Б. Ахметова считает дополнительно необходимым как в Кодексе, так и Статуте МУС «предусмотреть отдельную статью, устанавливающую принцип презумпции невиновности, согласно которому лицо считается невиновным в совершении преступления, предусмотренного Кодексом и

Статутом, пока его виновность не будет доказана в судебном порядке и признана в приговоре Суда» [33, с.21].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Комиссия международного права должна привести положения Кодекса относительно геноцида в соответствие с учетом действующей юридической реальности и высказываемых предложений [200, с.400].

Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 года установила, что ее положения применяются к представителям государственных властей, допускающим их совершение (ст. II) [71, с.659-660]. Здесь, как можно заметить, как и в Кодексе 1996 года речь не идет об ответственности государства. Государства – участники Конвенции обязались принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы в соответствии с международным правом создать условия для выдачи таких лиц (ст. III) [71, с.660]. В ст. I указанной Конвенции закреплено неприменение сроков давности к преступлению геноцида, «даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены» [71, с.659]. Статья IV Конвенции обязала государства – участники принять в соответствии с их конституционной процедурой любые законодательные или иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем, не применялся к судебному преследованию и наказанию за преступления, указанные в ст. ст. I и II Конвенции, и чтобы там, где такой срок применяется к этим преступлениям, он был отменен [71, с.659-660]. Таким образом, данной Конвенцией 1968 года еще раз был подчеркнут универсальный характер Конвенции 1948 года и всех принципов, положенных в юридическую основу борьбы с преступлением геноцида.

Статья VI Конвенции о геноциде в аспекте определения юрисдикции по делам о геноциде гласит: «лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье III деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда» [67, с.782], подтверждая тем самым в очередной раз уже компромиссный характер договора. С одной стороны он признает полномочия судов государств-участников, а с другой – возможность передачи и рассмотрения дел, связанных с преступлениями геноцида, в компетенцию специального международного судебного органа за исключением Международного Суда ООН, который согласно уже упомянутой ст. IX обладает правом разрешать споры об ответственности того или иного государства. ***В результате анализа нормы ст. VI Конвенции можно сделать, таким образом, следующие выводы.*** Лица, виновные в совершении геноцида, могут быть: а) осуждены по законодательству государства-участника, на территории которого преступление имело место; б) осуждены по национальным нормативным правовым актам, но

в духе принципов международного права; в) переданы постоянно действующему органу международной юстиции, который располагает юрисдикцией в отношении государств-участников, согласившихся с таковой. За пределами действия указанной статьи Конвенции, однако, остаются возможности рассмотрения дел о геноциде в рамках компетенции суда любого государства – участника, выступающего против подобного преступления, где бы оно ни совершалось (*универсальная юрисдикция*) и передачи международному уголовному трибуналу *ad hoc* путем принудительного изъятия из территориального суверенитета государства – делинквента персонально виновных в этом общественно опасном деянии (*специальная юрисдикция*). Тем не менее то, что Конвенция о геноциде 1948 года является главным источником для определения состава данного преступления и дает его квалификацию в плане необходимого намерения и запрещенных действий, а также играет значительную роль в его международно-правовом понимании как противоправного деяния, подтвердили в дальнейшем как раз деятельность международных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии, Руанде, а также работа так называемых специальных (гибридных) и интернационализированных судов по Сьерра-Леоне, Камбодже, Восточному Тимору, Ираку, ну и конечно постоянно действующего МУС и т.д. В частности, в работе мы уже неоднократно ссылались на практику двух первых трибуналов, в рамках юрисдикций которых рассматривались конкретные уголовные дела по обвинению в совершении геноцида. Это в целом показывает и доказывает, что более чем пятидесятилетняя история разработки, принятия и вступления в силу Конвенции 1948 года в плане юридического определения геноцида завершилась успешно, но все еще требует корректировки в связи с новыми обстоятельствами, в частности ростом в XX-XXI веках числа деяний, квалифицированных в качестве преступлений геноцида. Оно также указывает на то, что при формулировании правовой базы международной уголовной юстиции традиционно до сих пор доминирует *территориальная (и временная)* подсудность. В этом можно еще раз убедиться, обратившись, например, на нормы вышеназванных специальных трибуналов (это та же ст.4 трибунала по бывшей Югославии, те же ст. ст. 2,3 МТР, те же ст.ст. 6,25 Римского статута МУС).

МТБЮ подсудны преступления геноцида, если они были совершены на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии, включая ее сухопутную территорию, воздушное пространство и территориальные воды, с 1 января 1991 года (ст.8 МТЮ) [201, с.148-151]. Хотя Устав МТБЮ определяет, что международный трибунал и национальные суды имеют *параллельную юрисдикцию* в отношении судебного преследования лиц, совершивших преступления геноцида, юрисдикция Международного трибунала согласно п.2 ст.9 обладает приоритетом по отношению к юрисдикции национальных судов, т.е. на любом этапе судебного разбирательства Международный трибунал может официально просить национальные суды передать производство по делу Международному трибуналу в соответствии с

Уставом МТБЮ и правилами процедуры и доказывания [201, с.148-151]. Аналогичное положение определения подсудности содержится и в ст. 8 Устава Международного Трибунала по Руанде.

В работе подчеркивалось, что территориальная и временная подсудность дел о преступлениях геноцида последнего характеризуется следующим: Международный трибунал по Руанде полномочен рассматривать дела о преступлениях геноцида, если они были совершены на территории Руанды, включая ее сухопутную территорию и воздушное пространство, а также на территории соседних государств, если они совершены гражданами Руанды. При этом преступления геноцида должны были быть совершены в период с 1 января по 31 декабря 1994 года [202, с.22].

Устав Специального Суда по Сьерра-Леоне (ССС), учрежденного на основании Соглашения между ООН и Правительством Сьерра-Леоне в соответствии с резолюцией 1315 (2000) от 14 августа 2000 года, (Док. ООН S/2002/246, 8 марта 2002 г.) установил, что Специальному Суду подсудны любые преследования по политическим, расовым, этническим или религиозным мотивам, когда они совершались на территории этого государства начиная с 30 ноября 1996 года в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любое гражданское население (ст.2 Устава СССР) [203, с.47]. Суд также согласно ст.8 обладает параллельной юрисдикцией. При этом важно заметить, что преступления геноцида, в отличие от военных преступлений, преступлений против человечности и других серьезных нарушений международного гуманитарного права, не отнесены к подсудности этого Специального Суда [203, с.47] или же «в отличие от МТБЮ и МТР, в Уставе Специального Суда по Сьерра-Леоне прямо не указано, что он полномочен осуществлять судебное преследование лиц, совершивших геноцид» [50, с.228].

Трибунал для красных кхмеров стал предметом долгих и довольно сложных переговоров между камбоджийскими властями и ООН. В состав Трибунала входят камбоджийские и международные судьи (и обвинители), объединенные в две чрезвычайные палаты для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии и действующие в рамках национальной судебной системы. Поэтому его часто называют условно «интернационализированным судом». Подсудность Трибунала определяется *предметной юрисдикцией* в отношении серьезных нарушений камбоджийского законодательства и международного права, совершенных членами высшего руководства и другими лицами в период существования Демократической Кампучии с 17 апреля 1975 года по 6 января 1979гг.) [204] Здесь, однако, также следует отметить, что Трибунал в Пномпене, наряду с Конвенцией о геноциде, дополнительно ссылался на национальный декрет-закон №1 от 15 июля 1979 года, где конкретизировано определение актов геноцида, содержащихся в Конвенции [203, с.48].

Интернационализированный внутренний трибунал, учрежденный Временной администрацией ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ) с января

2001 года занимается рассмотрением дел лиц, подозреваемых в совершении преступлений на этой бывшей зависимой территории Индонезии в период с 1 января по 25 октября 1999 года. Он действует на основании Распоряжения ВАООНВТ №2000/11 от 6 марта 2000 года «Об организации судов в Восточном Тиморе», с изменениями и дополнениями, внесенными Распоряжением №2000/14 от 10 мая 2000 года, Распоряжением 2001/18 от 21 июля 2001 года и Распоряжением №2001/25 от 14 сентября 2001 года, а также Распоряжения ВАООНВТ №2000/15 от 6 июня 2000 года «Об учреждении Коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений» и Распоряжения ВАООНВТ №2000/30 от 25 сентября 2000 года «О временных правилах уголовного процесса». В соответствии с указанными документами в Окружном суде г. Дили были созданы судебные коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений, в том числе и геноцида.

Иракскому Специальному Трибуналу в соответствии с положениями ст. 1 Статута от 10 декабря 2003 года подсудны «граждане Ирака, а также граждане других государств, которые в период с 17 июля 1968 года по 1 мая 2003 года включительно, на территории Республики Ирак или в другом месте совершили преступления, предусмотренные ст.ст.11-14 настоящего Статута, а именно: преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления», а также некоторые нарушения национального законодательства Ирака [53]. Принцип индивидуальной уголовной ответственности, существующий в международном уголовном праве, нашел свое отражение в части 3 ст. 1 Статута, предусматривающей, что Трибунал осуществляет свою юрисдикцию в отношении физических лиц, совершивших вышеуказанные преступления [53]. Так среди обвинений, предъявленных С.Хусейну лично, присутствует и обвинение в совершении геноцида (в массовых убийствах в процессе подавления восстаний шиитов в 1992 году, курдов в 1991 году; в систематическом преследовании с целью тотального уничтожения так называемых «болотных арабов» общины, с древних времен проживающей на юге страны) [203, с.48].

Общеизвестно, что с принятием Римского статута завершились многолетние усилия по учреждению постоянного действующего Международного уголовного суда (МУС). При этом справедливым и логичным представляется установление, что Международный Уголовный Суд «дополняет национальные органы уголовной юстиции». Так, оно и есть: согласно ст. 1. Устава МУС предусматривает, что «Суд дополняет национальные системы уголовного правосудия» [110]. Следовательно, не «посягая» на право национальных судов государств осуществлять судопроизводство по делам о преступлениях геноцида в соответствии с их внутригосударственным законодательством, Устав МУС разрешает проблемы разграничения подсудности данной категории уголовных дел следующим образом.

Во-первых, дела о преступлениях геноцида, подсудны национальным судам государств, если такие общественно опасные деяния имели место на

территории этого государства, либо если в совершении геноцида обвиняется гражданин такого государства.

Во-вторых, Международному Уголовному Суду подсудны только те преступления геноцида, которые были совершены после вступления в силу Устава МУС. Так, в соответствии со ст.11 Статута МУС («Юрисдикция *ratione temporis*»), Суд не обладает юрисдикцией в отношении преступлений, совершенных до вступления Статута в силу [110]. При этом если какое-либо государство становится участником Римского Статута после его вступления в силу, Суд может осуществлять свою юрисдикцию только в отношении таких преступлений, совершенных после вступления в силу Статута для этого государства.

В-третьих, Суду подсудны дела о преступлениях геноцида, если они подпадают под юрисдикцию МУС в соответствии с положениями ст. 12-14 Устава [60, с.327-328].

В-четвертых, дела о преступлениях геноцида, рассмотренные национальными судами, могут быть рассмотрены повторно Международным Уголовным Судом в случаях, если судебное разбирательство в национальном суде предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за такие преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС, или по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанные международным правом, и проводилось таким образом, что в существующих обстоятельствах не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию (п.3 ст.20 Устава МУС) [60, с.332].

В-пятых, следует отметить, что Статут Международного уголовного суда распространил неприменимость сроков давности на все преступления, подпадающие под его юрисдикцию (т.е. не только на геноцид, но и на преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии). Иными словами, что касается преступлений, совершенных после 1 июля 2002 года (официальная дата вступления в силу Статута в соответствии со ст.126) [60, с.384] и подпадающих под юрисдикцию Суда, то согласно ст.29 применительно к ним не устанавливается никакой срок давности [60, с.335].

В заключении настоящего раздела работы следует отметить, что в новых геополитических и геоэкономических условиях по-новому ставится задача по противодействию актам геноцида и других, связанных с ним, наказуемых действий. В этой связи в уже отмеченном Докладе Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовами переменам от 1 декабря 2004 года «Более безопасный мир: наша общая ответственность» отмечается, что необходимо поддерживать «формирующуюся норму, предусматривающую, что существует коллективная международная ответственность за защиту, реализуемая Советом Безопасности, санкционирующим военное вмешательство в качестве крайнего средства в случае, когда речь идет о геноциде и других массовых убийствах, этнической чистке или серьезных нарушениях международного гуманитарного права, которые суверенные правительства не

смогли или не пожелали предотвратить.» [88, с.72]. В этом контексте свою позицию выражал в 2005 году и Генеральный секретарь организации, подчеркнув, что государствам следует придерживаться принципа ответственности за защиту в качестве основы для коллективных действий по борьбе с геноцидом, этническими чистками и преступлениями против человечности... признавая, что эта ответственность лежит прежде всего на каждом отдельном государстве, обязанностью которого является защита населения, исходя при этом из того, что если национальные власти не могут или не желают защищать своих граждан, тогда ответственность переходит к международному сообществу, которое должно использовать дипломатические, гуманитарные и иные меры содействия защите гражданского населения, и что если такие меры представляются недостаточными, СБ ООН может, исходя из необходимости, постановить принять меры, согласно Уставу, включая принудительные меры, если это потребуется» [205]. В 2004 и 2008 гг. им были учреждены две должности – Специального советника по геноциду и Специального советника по ответственности за защиту, которые призваны выполнять функции механизма раннего предупреждения массовых и грубых нарушений прав человека. Международный Суд ООН в своем решении «О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (*Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории*, 2007 г.) также уделяет внимание вопросам ответственности и говорит о том, что «поведение любого органа государства должно рассматриваться как действие самого государства по международному праву и, следовательно, ведет к ответственности государства, если деяние представляет собой нарушение международного обязательства данного государства» [206].

В сентябре 2015 года Генеральная Ассамблея ООН, по инициативе Армении, своей резолюцией (A/RES/69/323) постановила провозгласить 9 декабря Международным днём памяти жертв преступления геноцида, чествования их достоинства и предупреждения этого преступления. Резолюция была принята на 103-м пленарном заседании 69-й сессии главного совещательного на основе консенсуса, её одобрили 80 государств – членов ООН. Дата принятия резолюции была выбрана в связи с тем, что именно в этот день в 1948 году ГА приняла Конвенцию о геноциде. 11 декабря того же года она была открыта для подписания.

Первым государством, сдавшим документ о присоединении на хранение Генеральному секретарю ООН 1 июля 1949 года стала Эфиопия. 12 января 2015 года исполнилось 65 лет с момента вступления в юридическую силу Конвенции. В настоящее время участниками договора являются 147 государств. Последней страной, присоединившейся к Конвенции, является Таджикистан (3 ноября 2015 года). Однако ее обязаны применять и соблюдать и те государства, которые ее окончательно не утвердили. Напоминаем еще раз: так можно говорить потому, что 28 мая 1951 года Международный Суд вынес консультативное заключение (соблюдать которое обязаны все государства) о том, что эта конвенция является правовым обычаем. Генеральный Секретарь

ООН в докладе о создании Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии также напомнил о том, что этот документ является частью обычного международного права (доклад S/25704 от 3 мая 1993 г.). Совет Безопасности в дальнейшем утвердил этот доклад в своей резолюции 827 от 25 мая 1993 года. То, что нормы Конвенции 1948 года стали обычно-правовыми нормами, подтверждаются и в отдельных решениях, вынесенных Международным Судом всемирной организации (в частности, в рамках того же дела, что было отмечено выше: Боснии и Герцеговина против Сербии и Черногории), а также специальными трибуналами. В последнем случае можно говорить о решении Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Prosecutor v. Furundzija» (1998 г.).

3 МЕХАНИЗМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ КОНВЕНЦИИ О ГЕНОЦИДЕ 1948 ГОДА В НАЦИОНАЛЬНЫХ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ

3.1 Способы внедрения и осуществления норм Конвенции 1948 года в рамках уголовных законодательств государств-участников

Статья V Конвенции о геноциде 1948 года гласит: «Для введения в силу положений настоящей Конвенции договаривающиеся стороны обязуются провести необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида или других упомянутых в статье III преступлений» [67, с.781]. Из смысла и содержания приведенной нормы следует, что принимая на себя такое международное обязательство, государство – участник Конвенции должно обеспечить его фактическое выполнение (реализацию) на всей своей территории не только всеми находящимися в его распоряжении властными действиями в соответствии с конституционными и иными, не противоречащими им, предписаниями. Эта система мер носит в международном праве название *имплементации* или в широком смысле – *механизма согласования или увязки международного и национального права посредством признанных юридических форм (способов)*. Таким образом, сообразуясь с нормами, закрепленными в Конвенции, государство-участник предпринимает и осуществляет действия, направленные не столько на избежание коллизий, сколько на создание такого национального законодательства, которое не находилось бы в «конфликте» с установлениями рассматриваемого международного договора. Отдельные авторы и, в частности, в их числе Н.А. Шулепов, определяют имплементацию как процесс, придающий нормам международного уголовного права жизнеспособности [207], в результате которого «уже существующая уголовно-правовая норма или вводимая норма национального уголовного права адаптируется внутренним законодателем к условиям международного договора» [207]. В науке международного права разными учеными перечисляются разные способы имплементации, позволяющие, как они считают, повысить эффективность норм международного договора в юридической системе государства-участника. С.В.Черниченко говорит, например, о пяти следующих способах, заменяя при этом «имплементацию международного договора» понятием «трансформация»: автоматической инкорпорации, отсылке, индивидуальной инкорпорации, адаптации, легитимации [208, с.155-170]. А.С. Гавердовский высказывается в пользу квалификации рассматриваемого процесса в качестве рецепции [209, с.72-80]. Однако, следует отметить, что все эти термины и соответствующие средства, обозначенные авторами, являются *условными и не исчерпывающими*. Это означает, что санкционирование действия международного договора внутри государства и его всестороннее обеспечение с помощью тех или иных средств осуществляется каждым государством по своему усмотрению согласно его законодательству. «Тем не менее отдельные тонкости, сопровождающие

процесс реализации международно-правовых норм, сложный правовой механизм введения норм международного права в сферу национальной юрисдикции государства требуют особого к себе отношения» [210, с.171].

Применительно к геноциду практически все государства-участники включили или включают необходимые предписания Конвенции 1948 года в свои национальные уголовные законодательства, но сделали или делают это соответственно по-разному, различными способами. Ян Вутерс и С.Верховен в совместном исследовании под названием «Внутреннее судебное преследование геноцида» (The Domestic Prosecution of Genocide», 2010) дали достаточно большой перечень таких стран. Ими, к примеру, являются: **«Албания** (Article 73 Criminal Code); **Армения** (Статья 393 Уголовного кодекса); **Австралия** (268. 3-7 Criminal Code Act 1995); **Азербайджан** (Статья 103 Уголовного кодекса); **Бельгия** (Article 136 *bis* Code penal); **Бразилия** (Article 1 Loi N 2889, 1 October 1956); **Босния и Герцоговина** (Article 171 Criminal Code); **Болгария** (Article 416 Criminal Code); **Бурунди** (Article 2 Loi №1/004, 8 may 2003); **Камбоджа** (Article 4 Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers); **Куба** (Article 116 Código penal); **Дания** (§1 Act №132 of 29 April 1955); **Фиджи** (Part 12, Division 2 Crimes Decree 2009); **Македония** (Article 403 Criminal Code); **Грузия** (Статья 407 Уголовного кодекса); **Гонг Конг** (Section 9A Offenses Against Person Ordinance, Cap.212); **Венгрия** (Section 155 Criminal Code); **Ирак** (Article 11 Statute Iraqi Special Tribunal); **Израиль** (§1 The Crime of Genocide)(Prevention and Punishment Law); **Италия** (Article 1 Legge 962/1967 Prevenzione e repressione del delitto di genocidio); **Кыргызстан** (Статья 373 Уголовного кодекса); **Люксембург** (Article 1 Loi de 8 août 1985 portant répression du génocide); **Макао** (Article 230 Código penal); **Мали** (Article 30 Code penal); **Мальта** (Article 54B Criminal Code); **Мексика** (Article 149 *bis* Código penal federal); **Молдова** (Статья 135 Уголовного кодекса); **Черногория** (Article 426 Criminal Code); **Нидерланды** (Article 3 Wet Internationale Misdrijven of 19 June 2003); **Норвегия** (Article 101, Criminal Code); **Португалия** (Article 8 Lei penal relativa as violações do direito internacional humanitário); **Румыния** (Article 172 Criminal Code); **Россия** (Статья 357 Федерального уголовного кодекса); **Руанда** (Article 2 Loi N33 *bis*/2003 du 06/09/2003 reprimant le crime de genocide, les crimes contre l'humanité et les crimes de guerre); **Сербия** (Article 373 Criminal Code); **Испания** (Article 607 Código penal); **Швеция** (Section 1 Act relating to the punishment of genocide); **Швейцария** (Article 264 Code pénal); **Таджикистан** (Статья 398 Уголовного кодекса); **Украина** (Статья 442 Уголовного кодекса); **США** (Section 1091 US Code Title 18, Chapter 50A)» [211, p.6].

К указанному перечню также можно добавить, в частности, **Латвию** (Статья 71 Уголовного кодекса в действующей редакции от 1998 года), **Литву** (Статья 99 Уголовного кодекса в действующей редакции от 2000 года), **Беларусь** (Статья 127 Уголовного кодекса в действующей редакции от 1999 года), **Польшу** (Статьи 118,119 Уголовного кодекса в действующей редакции от 1998 года), **Францию** (Статьи 211-1 Уголовного кодекса в действующей редакции от 1992 года), **Казахстан** (Статья 168 Нового Уголовного кодекса в

редакции от 2014 года), **Австрию** (§321 раздела XXV Уголовного кодекса в действующей редакции (с изменениями и дополнениями) от 2003 года).

Американский ученый М.С. Берлин в работе под названием «Криминализация геноцида во всем мире в национальные правовые системы» (The Worldwide Criminalization of Genocide in Domestic Legal Systems», 2013) отмечает, что решение того или иного государства криминализировать геноцид (т.е. признать его уголовно преследуемым общественно опасным деянием) не всегда и не обязательно совпадает с его волей ратифицировать Конвенцию 1948 года [212, р.3]. Дело в том, что, если некоторые государства-участники Конвенции приняли требуемые положения о геноциде довольно быстро, другие – после многих лет, а третьи – бездействуют, - считает он [212, р.3]. Между тем по его утверждению отдельная группа государств разработали и ввели в действие уголовные законодательства задолго до ратификации Конвенции, в то время как другие криминализировали геноцид несмотря на тот факт, что никогда ее участниками не были [212, р.3].

Среди государств, которые, в частности ратифицировали Конвенцию и при этом вовсе не являются ее фактическими участниками, и, следовательно, не имплементировали ее нормы в свои национальные законодательства, следует особо отметить Турцию и КНР. Пожалуй, одной из главных причин игнорирования требований Конвенции Турцией является отрицание ею прежде всего геноцида армян, а также понтийских греков и курдов (хотя это государство будучи членом ООН окончательно утвердило текст международного договора еще 31 июля 1950 года). Тем не менее нормы Конвенции ООН до сих пор не внедрены в действующую редакцию Уголовного кодекса страны, принятого Великим национальным собранием-парламентом 1 марта 1926 года. Отдельные эксперты отмечают, что с формальной точки зрения являясь участником Конвенции Турция косвенно признала геноцид армянского населения, поставив этот факт в основу данного международно-правового акта [213]. Что же касается Китая, который так же не включил нормы Конвенции в собственные законы, являясь при этом постоянным членом Совета безопасности ООН, то для него в целом характерно признание в качестве приоритетных государственных интересов, нежели жизненно важных потребностей личности и общества. Как отмечают многие специалисты, в некоторых случаях грань между нарушением прав человека и геноцидом в этой стране очень тонка. Новый УК КНР, принятый на 5 сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 года и вступивший в юридическую силу с 1 октября того же года лишь в рамках ст.ст. 7 и 9 расширяет действия рассматриваемого закона: в отношении преступлений, совершенных гражданами государства за границей и подтверждая универсальную юрисдикцию в отношении преступлений, предусмотренных международными соглашениями [214, с.59-60], но только тех, в которых он участвует.

Причины последних и указанных выше других обстоятельств по замечаниям западных специалистов кроются в следующем.

Во-первых, принимаемые соответствующие решения могут быть, как выразился О.Хэтэуэй, следствием «сопутствующих затрат» [215], так как «правительства, которые, более вероятно, сильно подавляют граждан, могут отказаться криминализировать геноцид из-за страха того, чтобы быть преследуемыми и по суду в будущем, в то время как правительства, которые уже поддерживают высокие стандарты прав человека, менее подвержены такому риску» [215], (в частности, пример тому: предлагаемое активно армянскими политиками, учеными и юристами задействие развивающегося международного реституционного правосудия (*restorative justice*) как альтернатива и дополнение к традиционному международному уголовному правосудию, обеспечивающего защиту прав жертв преступления) [213].

Во-вторых, государства могут использовать имплементацию международных норм о геноциде для того, чтобы сигнализировать об искренней приверженности так называемому «плану действий» [216]. Б.Симмонс и Э.Деннер в этой связи подчеркивают, что все еще недемократические государства с историями гражданских вооруженных конфликтов очень вероятно присоединятся к Римскому Статуту Международного уголовного суда [217, р.56].

В-третьих, решения криминализировать геноцид вполне могут быть мотивированы желанием в условиях перехода от репрессивных режимов с тем, чтобы «захватить хорошую практику в области прав человека» или же намерениями сделать символический перерыв (или разрыв) с прошлым, - пишет Э.Моравчик [218, р.52]. В последнем случае речь также идет о прекращении внутренних столкновений, которое позволяет как часть более широких усилий направить государство на новый путь развития [219, р.30]. В этом смысле у государств, которые больше интегрированы в международные и неправительственные организации или тесно взаимодействуют с ними, существуют перспективы удачно провести реформы уголовных кодексов. Дж.Делайсл отмечает, что, например, после окончания «холодной войны» правовые эксперты от таких учреждений, как Американская ассоциация адвокатов и Информационное агентство США активно помогали бывшим советским республикам пересмотреть и усовершенствовать их соответствующие национальные правовые системы [220].

В итоге все вышеизложенные факторы способствуют тому, что новые и преобразованные национальные юридические традиции формируют взаимодействие государств-участников Конвенции с международным правом, - заключают С.М. Митчелл и Е.Дж. Пауэл [221].

Продолжая тему отметим, что «Конвенция оставляет внутреннему законодателю» и своеобразное «пространство для маневра» [11, с.46], обязывая его не только «предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида» [11, с.46]. Следовательно, как было до этого отмечено, каждое государство – участник может обращаться к тем мерам, обусловленными его властным усмотрением (принуждением) в зависимости от тех или иных фактических обстоятельств. Но в основе таких действий –

признания и разработки юридических форм имплементации, а также их согласования – в каждом конкретном случае лежит политическая воля государства – участника [222, р.42].

В контексте сказанного рассмотрим самые известные способы имплементации норм Конвенции 1948 года.

Как показывает международная практика, более универсальным механизмом реализации указанного акта государством-участником является восприятие его предписаний нормами уголовного закона [223, с.139]. Оно, по мнению А.Г. Кибальника, И.Г. Соломоненко и О.Н. Шибкова, может быть проведено по существу несколькими путями [224, с.20]:

«1) путем текстуального включения нормы международного права в уголовное законодательство во исполнение международного договора;

2) путем включения нормы международного права в уголовное законодательство, причем предписание международного договора не устанавливает жесткой формы восприятия его предписания во внутригосударственное право;

3) путем изменения уже существующих норм уголовного законодательства во исполнение международного договора» [224, с.21-22].

В первом случае, обозначенного авторами, речь, наверняка, идет об *инкорпорации* – способе, с помощью которого формулировки уголовного закона в целом совпадают по тексту с положениями Конвенции. Такой способ часто используют прежде всего «страны, где УК признается, как и в России, единственным источником уголовного права (Азербайджан, Армения, Болгария, Грузия, Казахстан и др.)» [207]. В этой связи, например, п.1. ст.1 Уголовного Кодекса той же РФ от 13 июня 1996 года гласит: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс» [225]. Аналогичная норма была закреплена и в новом Уголовном Кодексе Казахстана от 3 июля 2014 года: «Уголовное законодательство Республики Казахстан состоит из настоящего Уголовного Кодекса Республики Казахстан. Иные законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат применению только после их включения в настоящий Кодекс» (п.1 ст.1) [226, с.3].

В рассматриваемом контексте уголовные кодексы названных и многих иных не названных государств – участников почти точно или почти без изменений воспроизводят ст. II Конвенции и, что примечательно, чаще всего в пределах одной статьи. В этом можно убедиться, обратившись, в частности, к уже выше отмеченным ст. 135 Уголовного кодекса Молдовы от 18 апреля 2002 года, ст. 393 Уголовного кодекса Армении от 18 апреля 2003 года, ст. 103 Уголовного кодекса Азербайджана от 30 декабря 1999 года, ст. 357 Уголовного кодекса России от 13 июля 1996 года и ст. 168 Уголовного кодекса Казахстана от 3 июля 2014 года. В действительности эти статьи практически буквально, в рамках одной статьи «повторяют» определение, данное в Конвенции. Так, упомянутая ст.135 Уголовного кодекса Молдовы также называет геноцидом:

«совершение с намерением уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу одного из следующих деяний:

- a) убийство членов такой группы;
- b) нанесение телесных повреждений членам такой группы или причинение вреда их здоровью;
- c) создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые могут вызвать ее полное или частичное физическое уничтожение;
- d) принятие мер, направленных на предотвращение деторождения в такой группе;
- e) насильственная передача детей из одной такой группы в другую» [227].

Отсюда, следовательно, следует, что все преступные деяния, перечисленные в ст. II Конвенции и в совокупности образующие геноцид, почти полностью охватываются диспозициями указанных статей уголовных законов вышеназванных государств и по усмотрениям разработчиков последних не требуют дополнительной квалификации.

Во втором случае (и, это кстати, тоже очень распространенный способ имплементации Конвенции о геноциде) можно говорить о включении соответствующего состава преступления в (разрабатываемые вновь или действующие) уголовные кодексы государств-участников без какой-либо твердо установленной формы и не только в рамках одной статьи.

Данное действие дает основание говорить о таком способе *имплементации*, как *рецепция*. Она предусматривает такой механизм, согласно которому уголовный кодекс (иногда с незначительными, иногда с заметными, но принципиально не отличающимися текстуальными расхождениями) отражает содержание и формулировки Конвенции 1948 года. В этом смысле можно говорить, в частности, об Уголовном кодексе Австрии от 29 января 1974 года, двадцать пятый раздел которого содержит § 321 о геноциде и ст. 264 Уголовного кодекса Швейцарии от 21 декабря 1937 года (с последующими изменениями и дополнениями по состоянию на 1 января 2014 года). Первый внутригосударственный нормативный правовой акт определяет геноцид прежде всего как преступное деяние, согласно которому: всякий, кто с намерением полностью или частично уничтожает определенную группу людей как таковую в связи с ее принадлежностью к определенной церкви или религиозному обществу, к определенной расе, народу, народности или к определенному государству, убивает представителей этой группы, причиняет им тяжкие телесные повреждения (здесь же уголовный закон дополнительно отсылает к § 84, абзацу 1 первого раздела) или вред душевному состоянию, подвергает данную группу таким жизненным условиям, которые могут привести к смерти всех представителей этой группы или части ее, предпринимает меры, которые направлены на уменьшение рождаемости внутри данной группы, или переправляет детей данной группы, применяя силу или посредством угрозы применения силы в другую группу [228, с.347].

В соответствии с абзацем 2 того же §321 в качестве геноцида может квалифицироваться также деяние, когда то или иное лицо договаривается с другим лицом совместно совершить одно из преступных деяний, указанных в абзаце 1 [228, с.347]. Швейцарский уголовный кодекс тоже придерживается подобных близких формулировок, но без детализации тех или иных защищаемых групп. Так, уже не раз упомянутая ст. 264 считает геноцидом деяния, «когда лицо с намерением частично или полностью уничтожает группу населения, характеризующуюся принадлежностью к определенной государственности, расе, религии или к этнической общности:

a. убивает членов этой группы или тяжким образом наносит вред их физической или душевной неприкосновенности;

b. поставляет членов этой группы в такие жизненные условия, которые могут привести к уничтожению этой группы полностью или частично;

c. назначает или проводит мероприятия, направленные на предотвращение рождаемости в данной группе;

d. насильно вывозит детей из данной группы в другую или допускает это [229].

Наказуемым является также и тот, кто совершил данное преступное деяние за границей, но был задержан в Швейцарии и не может быть выдан» [229].

В третьем случае можно говорить, пожалуй, о такой имплементации положений Конвенции 1948 года, когда уголовные законодательства государств-участников не столько формально воспринимают ее прямые предписания, сколько расширяют их функциональное содержание путем закрепления не одного, а нескольких составов геноцида. Например, в Федеральном уголовном кодексе Австралии 1995 года геноцид как преступление предусмотрено в ст.ст. 268.3-268.7 и соответственно «в каждой из названных статей содержатся самостоятельные составы: геноцида, связанного с убийством (ст. 268.3); геноцида, связанного причинением серьезных телесных повреждений или умственного расстройства (ст.268.4); геноцида, связанного с умышленным созданием жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение ее (ст. 268.5); геноцида в виде мер, рассчитанных на предотвращение деторождения (ст. 268.6); геноцида, связанного с насильственной передачей детей (ст. 268.7)» [207].

Далее важно заметить, что в уголовных кодексах статьи о геноциде и других международных преступлениях обычно располагаются в главах, либо открывающих их. Особенную часть (Азербайджан, Албания, Беларусь, Молдова, Эстония и др.), либо в заключительных разделах (Австрия и др.). При этом эти же статьи о геноциде и иных составах международных преступных деяний часто размещаются в главы или разделы, именуемые как: «О преступлениях против человечества» (глава I книги второй Уголовного кодекса Франции); «Преступления против мира и безопасности человечества» (глава 4 Уголовного кодекса Казахстана, глава 33 Уголовного кодекса Армении, глава 17 Уголовного кодекса Беларуси); «Преступления против мира и безопасности

человечества, военные преступления» (глава 1 Уголовного кодекса Молдовы); «Преступления против международного права» (раздел I Уголовного кодекса Испании); «Преступные деяния против интересов мирового сообщества» (двенадцатый раздел *bis* Уголовного кодекса Швейцарии). Существуют, однако, и другие примеры, когда: геноцид или выделяется из составов всех предусмотренных уголовными кодексами международных преступлений (в этом смысле показательна, в частности, глава IX Уголовного кодекса Латвии, которая называется как «Преступления против человечества, мира, военные преступления, геноцид»); или размещается в главах (разделах) с узко определенным специальным обозначением и, объединяется с одним другим преступлением (например, это раздел III Уголовного кодекса Болгарии под названием «Уничтожение групп населения (геноцид) и апартеид»); или вовсе располагается в отдельном разделе без какого-либо наименования в качестве одного состава преступления (в частности, это уже упомянутый до этого двадцать пятый раздел Уголовного кодекса Австрии); или содержится в разделе, только посвященном ему (к примеру, это «раздел 50А – Геноцид» Федерального Уголовного кодекса США).

В предыдущем разделе настоящей работы отмечалось, что Конвенция 1948 года признает преступными и наказуемыми не только собственно геноцид, но и иные деяния, напрямую «вытекающие» из него: заговор с целью совершения геноцида; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на совершение геноцида; соучастие в геноциде. Перечисленные начальные формы участия в геноциде (или, как уже подчеркивалось, так называемые «усеченные составы»), однако, не всегда включаются в специальные нормы уголовных законодательств государств-участников. В этой связи следует говорить и об иных формах неоконченного геноцида, не предусмотренных Конвенцией, например, о сговоре на его совершение. Такое положение характерно, к примеру, для большинства постсоветских стран (России, Казахстана, Латвии, Молдовы, Беларуси, Армении и др.). Вместе с тем отдельные участники Конвенции, в числе которых Азербайджан, Австрия, Болгария, Испания, Македония, Польша и США, сочли необходимым либо частично учесть данное договорное обязательство, либо расширить юридические последствия за его нарушение. В этой связи Уголовный кодекс Азербайджана от 30 декабря 1999 года в ст. 104 содержит как сговор, так и непосредственное и явное подстрекательство к совершению геноцида [230, с.132]. В абзац 2 §321 Австрийского уголовного кодекса также включен такой состав преступления, как сговор на совершение геноцида (он определяется как деяние, когда то или иное лицо (всякий) договаривается с другим лицом совместно совершить одно из преступных деяний, указанных в абзаце1) [228, с.347]. В п.п. 2 и 3 ст.416 Уголовного кодекса Болгарии от 15 марта 1968 года криминализированы как приготовление, так и явное и непосредственное подстрекательство к совершению геноцида [231, с.284]. Кроме того, по ст. 419 Уголовного кодекса этого же балканского государства подлежит наказанию то должностное лицо,

которое сообразно с различиями, предусмотренных в предыдущих статьях (416, 418) сознательно допускает такую ситуацию, что его подчиненные совершают указанные в разделе III преступления [231, с.285] (напоминаем, что данная часть болгарского уголовного кодекса озаглавлена как «Уничтожение групп населения (геноцид) и апартеид»).

Уголовные кодексы Испании, Австралии, Македонии, Польши и США также дополнительно выделяют отдельные признаки или расширяют границы ответственности дополнительными признаками состава преступления геноцида. Так, Уголовный кодекс Испании от 23 ноября 1995 года, предусматривающий в рамках раздела II «Преступления геноцида» только одну статью 607, в качестве еще других признаков указывает сексуальное нападение на членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы, распространения «любым способом идей и положений, которые отрицают или оправдывают» геноцид либо «имеют своей целью восстановить режим и институты, которые защищают приемы геноцида» [232, с.110]. §3 ст. 118 Уголовного кодекса Польши от 6 июня 1997 года как и в случае с законодателем Болгарии, но частично содержит состав приготовления к геноциду [233, с.128]. Уголовный кодекс Македонии от 23 июля 1997 года в ст.408 квалифицирующим признаком рассматривает создание организованной группы с целью совершения геноцида [234]. Отмеченная до этого ст. 268.4 УК Австралии к объективным признакам геноцида относит также пытки, изнасилования, жестокое или унижительное обращение [235, р.268]. И, наконец, Федеральный уголовный кодекс США от 4 мая 1962 года в пределах §1091 (ч.1 раздел18) оговаривает, что преступление геноцида может быть совершено как в мирное, так и в военное время [236], а также предусматривает специальный §1093 «Определение терминов» («Definitions»), где раскрываются содержание понятий «дети», «этническая группа», «национальная группа», «расовая группа», «религиозная группа», «члены» и т.д [236].

Различия в имплементации норм Конвенции 1948 года можно обнаружить и в подходах государств-участников в определении объема объекта преступления геноцида. В настоящем исследовании нами уже отмечалось, что сам действующий международно-правовой акт сужает его до характеристики как национальной, этнической, расовой или религиозной группы, тогда как прецедентное право международных уголовных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии заложили основу для его расширения с учетом новых обстоятельств. В этом же контексте мы *однозначно* сформулировали свою позицию, согласно которой геноцид должен квалифицироваться как преступление, направленное на уничтожение не только группы людей, объединенной национальной, этнической, расовой и религиозной общностью.

В последнее время «очевидна тенденция к расширительному толкованию объекта геноцида» [1, с.32] в национальных уголовных законах, «что может вызвано различными причинами в различных государствах» [1, с.32]. Отдельные исследователи причисляют такие государства к числу тех, «которые пошли по пути модификации определения преступления геноцида» [237, с.65]

или же ссылаясь на исторические факты и руководствуясь сущностью этого преступления поддерживают позицию о необходимости модернизации соответствующих норм путем расширения круга охраняемых человеческих групп [238, с.515]. К примеру, по такому пути пошли законодатели таких государств, как Латвия, Беларусь, Франция, Польша, Литва, - пишет Р.С. Кларк в своей работе под названием «Together Again? Customary Law and Control over the Crime» (2015) [239, p.487]. В этот перечень также можно добавить Эстонию, Данию, Буркина-Фасо, Эфиопию, Канаду, Коста-Рику, Перу, Панаму, Бангладеш, Финляндию, Грузию и ряд многих других государств. Так, ст.71 Уголовного кодекса Латвии от 8 июля 1998 года к объекту геноцида относит не только «национальную, этническую, расовую или религиозную группы», но и «социальную группу, группу людей определенных общих убеждений» [240, с.313]. Согласно §1 ст. 118 Уголовного кодекса Польши жертвами геноцида признаются еще две новые категории: «политические группы и группы с определенным мировоззрением» [233, с.128]. Уголовный кодекс Литвы от 26 сентября 2000 года (ст.99) увеличивает круг потерпевших от геноцида путем добавления «социальных и политических групп» [241, с.97]. Также за счет политических групп расширена норма о геноциде в ст.269 УК Эфиопии от 9 мая 2005 года [242]. Статья 211-1 Уголовного кодекса Франции, вступившего в силу с 1 марта 1994 года (с последующими изменениями и дополнениями) [243, с.165], ст. 127 Уголовного кодекса Беларуси от 9 июля 1999 года [244], ст. 313 УК Буркина-Фасо от 13 ноября 1996 года [245] и ст.407 УК Грузии от 22 июля 1999 года [246] к объекту геноцида за исключением названных в ст. II Конвенции 1948 года группы людей, причисляют также «группы, определенные на основе любого другого произвольного критерия». Секция 1 гл.11 УК Финляндии к национальной, этнической, расовой и религиозной добавила «любую другую сопоставимую группу» [247]. Уголовный же кодекс Эстонии принятый 6 июня 2001 года по мнениям отдельных специалистов содержит более «уникальную по сравнению с законодательством других государств формулировку потерпевших от геноцида» [5, с.78] – «оказывающая сопротивление оккупационному режиму или иная социальная группа» [248, с.262]. Указание именно на такую группу закреплено и в ст. 90 аналогичного кодифицированного Уголовного закона Дании от 26 июня 2001 года (вступил в силу с 1 мая 2015 года) [249, с.95-96]. Статья 318 УК Канады под геноцидом понимает уничтожение «определенной группы», которое также охватывается дополнительной группой: это не только любая часть населения, отличающаяся цветом кожи, расой, религией, этническим происхождением, но и сексуальной ориентацией [250]. Следует также отметить, что Уголовный кодекс ФРГ в старой редакции (§220 а раздела 16 Особенной части «Преступные деяния против жизни») до принятия 26 июня 2002 года нового кодифицированного Уголовного кодекса о преступлениях международного характера закреплял объект геноцида как «отличающаяся своими особенностями определенная группа» (в другой схожей версии – как «отличающаяся своими традициями» группа (общность) [251, с.192].

Анализируя международную практику рассмотрения уголовных дел по фактам геноцида и содержание большинства вышеуказанных понятий В.Сьюпол утверждает, что членов всех этих групп, объединенных соответствующей спецификой или однородностью, включать в число потерпевших неправильно [252, р.37]. Его всецело поддерживает Д.Линдебаум [253, р.9]. С ними солидарен и Ив. Тернон, по пояснению которого слишком широкое употребление слова «геноцид» таит в себе угрозу и, оно станет обыденным [69]. По мнению Д.Э. Видуса, государства, включившие расширенные определения геноцида в свои уголовные кодексы, начали «искажать» Конвенцию 1948 года [254, с.17], а у исследователей, поддерживающих данный подход, точки зрения имеют чисто доктринальный, теоретический характер и лишены практического обоснования [254, с.18]. Комментаторы ст.135 о геноциде Уголовного кодекса Молдовы в этом контексте также считают, что акты этого преступления могут быть направлены только против перечисленных в Конвенции групп, а именно опознаваемых национальных, этнических, расовых и религиозных групп [255, с.345], «следовательно, намерение уничтожить какую-либо иную группу, например, политическую или социальную группу, не подпадает под понятие геноцида» [255, с.345].

В.М. Вартамян проведя, в частности, сравнительный анализ норм о геноциде Римского статута МУС и ст. 211-1 Уголовного кодекса Франции приходит к выводу о том, что «последняя не в полной мере соответствует предписаниям международного права» [11, с.61]. Дело в том, что Римский статут говорит о совершении указанных в Конвенции 1948 года действий только в отношении «национальной, этнической, расовой или религиозной группы» [11, с.61], тогда как «понимание геноцида в УК Франции носит расширительный характер» [11, с.62]. С.М. Кочои пишет следующее: «... если сегодня какое-либо государство устанавливает ответственность за убийства и т.п. действия других, не названных в Конвенции 1948 г. групп людей, то это следует лишь приветствовать; однако и называть такие действия геноцидом, в смысле Конвенции, сомнительно» [118, с.95-97].

Мы же соглашаясь с ранее высказанной позицией Н.В. Мошенской еще раз полагаем, что геноцид всегда означает преднамеренное преступление, нацеленное на истребление устойчивой группы людей [1, с.32]. Кроме того, считаем, что новыми понятиями, расширяющими объем объекта геноцида, охватываются противоправные действия, перечисленные в других нормах действующего международного права и, в частности, в том же Римском статуте. Исходя из этих обстоятельств также поддерживаем мнения А.Н.Тарбагаева и Г.Л.Москалева о том, что в современных условиях «можно говорить об оправданности введения в перечень групп, в отношении которых совершается геноцид, и любых других социальных общностей» [238, с.515]. В этом смысле, надо заметить, уже не совсем абсолютно категоричны в своих оценках и некоторые вышеназванные авторы. Например, В.М. Вартамян устанавливая в целом действительный смысл понятия геноцида согласно не раз

отмеченной ст. 211-1 Уголовного кодекса Франции, который расширяет объем объекта преступления и за счет включения «... группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия», тем не менее признается, что бесспорно, здравый смысл в таком подходе все-таки существует [11, с.62]. В обоснование своего вывода он пишет: допустим, «некая общность женщин начинает совершение действий, направленных на уничтожение мужского населения» [11, с.62]. «С позиции международного права такие действия нельзя назвать геноцидом мужского населения, хотя они таковыми объективно являются» [11, с.62] и «УК Франции в данном случае охватывает такие действия составом геноцида» [11, с.62]. Другой вышеназванный автор – С.М. Кочои в данном случае тоже отмечает, что «действительно, исключение из Конвенции упоминания о других группах людей сужает сферу ее применения» применительно к национальным законодательствам [118, с.95]. Однако, при этом параллельно отчетливо поясняем, что не являемся сторонниками максимального расширения количества групп, в отношении которых может быть совершен геноцид: в объем объекта геноцида не могут быть включены любые социальные общности, за исключением тех, которые обладают отличительными экономическими, политическими, идеологическими и культурными признаками сообщества.

Далее нужно подчеркнуть, что международной практике **известен и такой отдельный способ имплементации** Конвенции 1948 года, как разработка, принятие и утверждение на высшем законодательном уровне самостоятельного нормативного правового акта. Здесь, безусловно ярким примером служит уже до этого упомянутый Уголовный Кодекс ФРГ о преступлениях международного характера от 26 июня 2002 года (другое часто встречающееся наименование документа – Международный уголовный кодекс; по-немецки – *Völkerstrafgesetzbuch (VStGB)*). Данный закон, введенный в действие Бундестагом ФРГ, «обогастил» прежде всего систему источников немецкого уголовного права и укрепив тем самым так называемое «дополнительное уголовное право» (*Nebenstrafrecht*) страны и, во-вторых, в §6 сформулировал состав преступления геноцида, который отныне совпадает с определением, предусмотренным в ст. II Конвенции 1948 года, а также в ст. 6 Римского статута МУС. Соответственно в связи с принятием нового Уголовного кодекса §220a в старой редакции полностью был исключен из уголовного законодательства ФРГ, который был введен в его систему Законом от 9 августа 1954 года и вступил в силу 22 февраля 1955 года. Также необходимо заметить, что §6, посвященный геноциду (*Völkermord*) наряду с §7 (преступления против человечности (*Verbrechen gegen die Menschlichkeit*)) впервые расположился в новом самостоятельном разделе особенной части Международного уголовного кодекса государства. До его принятия как таковой отдельной части «в УК Германии не было» [256, с.33], что свидетельствует о совершенно ином качестве имплементации норм Конвенции ООН 1948 года во внутреннем законодательстве страны [256, с.33].

Нельзя не отметить в рассматриваемом контексте и §1 МУК, определяющий сферу его применения. Он гласит: «Настоящий Закон применяется ко всем указанным в нем уголовно-наказуемым деяниям против международного права, к указанным в нем преступлениям также тогда, когда деяние было совершено за границей и не имеет отношения к территории страны» [257]. Отсюда, как пишет Н.А. Шулепов, следует: «МУК, ввиду особой направленности геноцида и других преступлений против международного права, совершенных за границей, распространяет свое действие на иностранных граждан, что, по мнению немецкого законодателя, не является недопустимым вмешательством в суверенитет других государств» [207]. И более того, эта «новелла, закрепленная в §1 МУК, имеет для уголовного права ФРГ историческое значение» [207]. Тем самым, продолжает автор, «немецкое государство распространило свою юрисдикцию в сфере уголовно-правового преследования геноцида, преступлений против человечности и международных военных преступлений на весь мир» [207] и «оно готово преследовать международных преступников независимо от места совершения таких преступлений, независимо от гражданства лиц, их совершивших, и независимо от государственной принадлежности их жертв» [207].

Аналогичные уголовные законы, в рамках которых государства будучи участниками Конвенции 1948 года также имплементировали свои обязательства и признали геноцид преступлением как в пределах национальных юрисдикций, так и за их пределами были приняты также в Бельгии (одновременно в этом западноевропейском государстве действует Уголовный кодекс от 8 июня 1867 года с многочисленными изменениями и дополнениями, отражающими позицию законодателя XX века и начала XXI века), Израиле, Италии, Дании, Канаде, ЮАР, Австралии, Южной Кореи и т.д. В частности, 24 июня 2000 года в североамериканском государстве был утвержден и введен в действие Акт об объединении положений о преступлениях против человечности и военных преступлениях (Crimes Against Humanity and War Crimes Act); в Южной Африке – Акт 27 от 2002 года об имплементации Римского статута МУС (Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act 27 of 2002); в Австралии – Акт 27 о поправках в УК страны с учетом положений Конвенции 1948 года и Римского статута, вступивший в силу с 1 июля 2002 года (Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act 27 of 1 July 2002); в Южной Кореи – 21 декабря 2007 года Акт о наказании за преступления под юрисдикцией Международного уголовного суда (Act on the Punishment of Crimes under the Jurisdiction of the international Criminal Court, Desember 21, 2007), в рамках которого геноцид как международные уголовное преступление охватывается ст.8.

Н.В. Мошенская отмечает, что «ответственность за геноцид не ограничивается только уголовной» [1, с.32]. Но вместе с тем ст.IV Конвенции 1948 года «употребляет термин «наказание», что, видимо, и трактуется международниками как элемент исключительно уголовной ответственности» [1, с.32]. По замечанию же Д.А. Дам-де Джонга после принятия Конвенции

«государства пошли разными путями в решении вопроса наказания за преступление геноцида» [258, р.237].

Оно соответственно назначается и реализуется в форме разнообразных санкций национальными судами. Например, в уголовных кодексах Австрии (абзац 1 §321), Франции (ст.211-1) и Германии (§6 МУК) основной состав геноцида содержит абсолютно определенную меру принуждения, влекущую за собой неблагоприятные последствия для преступника – пожизненное лишение свободы (в французской версии – пожизненное уголовное заключение). Большинство же государств – участников Конвенции использует альтернативную санкцию, т.е. помимо пожизненного заключения предусматривает наказания в виде лишения свободы. При этом сроки лишения свободы, предусмотренные в национальных уголовных кодексах, различно: от 8 до 15 лет (ст. 61 УК Эстонии; не менее 10 лет (ст.264 УК Швейцарии); от 10 до 15 лет (ст. ст. 103, 104 УК Азербайджана); от 12 до 15 лет (ст.393 УК Армении); от 10 до 20 лет (ст.ст. 416, 417 УК Болгарии); от 3 до 20 лет (ст. 71 УК Латвии); от 15 до 20 лет (ст. 607 УК Испании; от 12 до 25 лет (ст. 118 УК Польши); от 16 до 25 лет (ст. 135 УК Молдовы). В некоторых странах за совершение геноцида санкция предусматривает возможность применения смертной казни (ст. 127 УК Беларуси). В Казахстане данная высшая мера наказания назначается в случае совершения геноцида в военное время (ст.168 УК). В §6 МУК ФРГ есть абзац 2, норма которой «не содержит квалифицированный вид геноцида, а устанавливает уголовную ответственность за менее тяжкий случай геноцида, т.е. является нормой, содержащей правила определения размера наказания (Strafzumessungsregeln)» [256, с.34-35]. Сам абзац 2 гласит: «В менее тяжких случаях, предусмотренных подпунктами 2-5 пункта 1, наказанием является лишение свободы на срок не менее пяти лет» [257]. На взгляд А.В. Серебренниковой, «на практике эта норма должна применяться прежде всего в отношении геноцида, не повлекшего за собой смерти людей» [256, с.35].

В контексте рассматриваемой темы особо следует обратить внимание и на отсутствие до сих пор как таковой санкции за геноцид, а значит и самостоятельной статьи о составе этого преступления в уголовных кодексах отдельных стран. К их числу, к примеру, Х.А. Хасан относит УК Ирака. За исключением указанной в начале данного подраздела работы ст.11 Статута Специального трибунала по Ираку, современное ближневосточное государство нуждается в принятии собственного нового кодифицированного уголовного закона или, по меньшей мере, в новой редакции действующего УК [237, с.74]. Исследователь подчеркивает, что «при любом варианте УК РИ должен содержать статью о преступлении геноцида» [237, с.74]. Он также полагает, «что ею должна начинаться Особенная часть, как это имеет место в уголовных кодексах многих государствах (Литвы, Франции и др.)» [237, с.74] и далее заключает, что «данная статья, в частности, по примеру УК РФ (ст.357) должна текстуально воспроизводить определение преступления геноцида, содержащееся в Конвенции 1948 г.» [237, с.74].

Анализируя современные уголовные законодательства государств (преимущественно или в целом из Европы и постсоветского пространства) можно сделать *следующие выводы*.

Во-первых, нужно отметить, что «в способах имплементации норм международного права о геноциде нашли отражение характерные черты национальных систем права, обусловленные их принадлежностью к той или иной правовой семье, национальными правовыми традициями, уровнем общественного правосознания, особенностями законотворческого процесса» [207]. В этой связи, в частности, Л.Казиритски акцентирует внимание на том, что основой правовых систем большинства вышеуказанных государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье, является римское право [259, р.18]. Оно в свою очередь основным источником права признает нормативно-правовой акт [259, р.18]. При этом, однако, никак не стоит умалять достоинств и англо-саксонской системы, которой придерживаются, в частности США, Канада и Австралия. В уголовных законодательствах этих государств геноцид признается преступлением и наказуемым деянием не только согласно обычному или договорному международному праву, но и в соответствии с нормами главного национального источника - общего права. Вместе с тем, пожалуй, не имеет значения тот факт, как это сделано или имплементировано: в уголовном кодексе, в отдельном (дополнительном) акте или «путем ссылки на соответствующие статьи Конвенции о геноциде 1948 г.» [237, с.65], а также Римского Статута МУС. Важно то, «что эти государства исходят из буквы указанной Конвенции» [237, с.65] и воспроизводящего ее положения Римского Статута.

Во-вторых, Дж. Купер обращает внимание на то, что национальные суды отдельных государств (в частности, Израиля, Германии, Бельгии и Швейцарии) рассматривая дела о геноциде принимали решения на основании универсальной юрисдикции, восполняя, таким образом, пробел в Конвенции о геноциде [260, р.214]. Дж. Кириакакис в аспекте исследования и выявления признаков объективной стороны геноцида замечает, что в зарубежном законодательстве есть тенденция к дифференциации ответственности за геноцид в зависимости от способа совершения этого преступления [261, р.384]. Такой подход, по мнению некоторых ученых, представляется необходимым и заслуживающей поддержки, в особенности, когда речь идет о разделении ответственности за преступление геноцида, заключающегося в убийстве, и за преступление геноцида, не связанного непосредственно с убийством [237, с.80]. Например, отмеченная ст. 607 УК Испании наиболее строгое наказание предусматривает за убийство члена национальной, этнической, расовой или религиозной группы, менее строгое – за остальные действия, составляющие объективную сторону преступления [232]. Учитывая же военно-политические и криминальные реалии Ирака, а также утвердившуюся с лета 2014 года человеко - ненавистническую власть так называемого «халифата» - «Исламского государства и Леванте» (ИГИЛ) Х.А.Хасан считает правильной позицию о том, что в УК РФ смертная казнь безальтернативно должна быть предусмотрена только за преступление

геноцида (а также за террористические преступления) в форме убийства [237, с.75]; в остальных случаях преступление геноцида должно наказываться альтернативными наказаниями, в частности такой санкцией, как пожизненное лишение свободы [237, с.75], придерживаясь, таким образом, одновременно (как и в других отдельных государствах) линии назначения максимально строгого и абсолютно определенного наказания за совершение геноцида. В заключении данной части выводов нужно подчеркнуть, что юридически закрепленные виды наказания должны быть эффективно применены национальными судами с тем, чтобы накопить необходимый международный опыт. Пока же у множества государств-участников Конвенции и Римского статута отсутствует подобная практика и вследствие этого обстоятельства их суды, в частности, как пишет Дж. Тригс, австралийские суды «не в состоянии развивать основное содержание геноцида на индивидуальной основе» [262, р.523]. Тем не менее фактические примеры рассмотрения уголовных дел национальными судами, связанных с совершением данного преступления имеются, а в некоторых из них они имеют место быть впервые. В последнем случае можно говорить о Дезире Мюниянеза, руандийском иммигранте, проживавшем в Торонто, который 19 октября 2005 года стал первым человеком, арестованным и обвиненным в совершении геноцида согласно канадскому Акту об объединении положений о преступлениях против человечности и военных преступлениях 2000 года. 22 мая 2009 канадский суд рассмотрев все обстоятельства возбужденного уголовного дела приговорил его к пожизненному заключению без права досрочного условного освобождения в течение 25 лет.

В-третьих, все выше приведенные примеры свидетельствуют о том, что процесс внедрения государствами эффективных механизмов привлечения к ответственности за геноцид, среди которых в первую очередь можно назвать национальные суды, продолжается [263, р.1270]. Но существуют до сих пор, по мнениям отдельных экспертов, и некоторые нерешенные проблемы. Так, представители в лице Платформы для европейской памяти и совести (The Platform of European Memory and Conscience) ЕС отмечают, что «в течение двадцати лет после падения коммунизма в Европе национальные суды оказались несостоятельными осудить военные преступления, геноцид, преступления против человечества и пытки, совершенные в условиях режима тираннии» [58, р.43]. Исходя из такой оценки юристы, а также другие специалисты и члены Европейского парламента ЕС из около двадцати стран - членов 5 июня 2012 года в Брюсселе решили, что «международными усилиями необходимо добиться правосудия за преступления коммунизма, чтобы защитить универсальные ценности наряду с правами человека» [58, р.43]. Мы в этой связи особо поддерживаем позицию российского ученого Н.А. Шулепова, согласно которому более важно изучение опыта имплементации норм о геноциде различными государствами, который представляет не только научный, но и практический интерес: так как именно он может быть использован национальным законодателем при совершенствовании уголовного

кодекса в части криминализации международных преступлений [207], и в частности, геноцида. Сказанное в полной мере относится и к соответствующему закону Казахстана, анализу которого посвящен следующий подраздел работы.

В-четвертых, в аспекте анализа уголовной ответственности физических лиц за совершенный геноцид нельзя не говорить и о необходимости введения в национальные законодательства государств-участников Конвенции 1948 года как такового института юридических лиц, т.е. возможности установления двойной ответственности за это преступление. «Это представляется одновременно и желательным, и возможным, поскольку совершать преступления против мира и безопасности человечества могут не только государство или правительство, а также какая-нибудь группа лиц, общественная организация, партия или общественное движение; такие организации могут быть, а зачастую бывают, юридическими лицами» [264, с.106]. В рамках п. 2.1 настоящей работы мы уже затрагивали эту проблему и, к примеру, ссылались на Руководящие принципы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия... 1985 года, отдельная норма которых требует предусмотреть ответственность юридического лица только в пределах национального закона. Уголовные кодексы практически всех государств – участников Конвенции закрепляют принципы личной и виновной ответственности и исходя из этих позиций связывают наступление ответственности со способностью физического лица, совершившего преступление, отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Между тем ученые, признающие введение в законодательство института уголовной ответственности юридических лиц, подчеркивают, что вред, причиняемый деятельностью юридического лица, значительно превышает вред, который может быть нанесен отдельным физическим лицом [265, с.6-9]. Однако, данный подход к настоящему времени закреплен только в уголовных кодексах небольшого количества государств: например, в ст.90 (Геноцид) УК Дании. Часть 2 указанной статьи гласит, что те же деяния (убийство члена национальной, этнической, расовой либо религиозной группы или группы, оказывающей сопротивление оккупационному режиму, либо иной социальной группы, его истязание, причинение вреда его здоровью, принятие принудительных мер, препятствующих деторождению в данной группе, либо насильственный отъем из группы детей с целью полного или частичного уничтожения группы, а также помещение членов группы в условия жизни, вызывающие опасность частичной или полной гибели группы), совершенные юридическим лицом, наказываются денежным взысканием [249, с.96].

В-пятых, как и в случае с ответственностью юридических лиц, большинство уголовных законодательств государств-участников Конвенции является закрытым в плане признания жертв (групп) геноцида, причисляя к ним национальные, этнические, расовые и религиозные группы. В итоге, как отмечалось в предыдущем разделе, государства, сузив круг преследуемых групп, резко ограничили применимость Конвенции на практике [266, с.3].

Исследователи отмечают, что необходимо считать «подобную ситуацию неприемлемой, поскольку она может привести к безнаказанности лиц, виновных в совершении геноцида» [267, с.410]. Если принимать во внимание события, предшествовавшие как разработке и принятию Конвенции, в том числе в период насильственной коллективизации в СССР в 1920-1930 гг., так и события, имевшие место в периоды после вступления ее в силу (например, в Камбодже и Гватемале) то становится очевидным, что в их рамках происходило уничтожение сообществ, объединенных и по другим критериям. Мы в работе писали, что безопасность таких групп до сих пор не охраняется ни самой Конвенцией, ни уголовными законами многих государств-участников. В бывшем СССР в вышеотмеченной период следствием «ликвидации кулачества как класса» стали репрессии от 5 до 15 млн. крестьян путем лишения их всех средств производства, земли, гражданских прав, а также выселения в отдельные районы и лишения свободы [268, с.36]. Трагические события, произошедшие в Камбодже в 1975-1979 гг., в ходе которых «красными кхмерами» истреблению подвергались наряду с национальными меньшинствами и религиозными общинами и представители интеллигенции, чиновники, офицеры, люди других идеологических взглядов, тоже не имели аналогов в истории человечества. Поэтому эти действия по нормам Указа от 15 июня 1979 года Народно-революционного совета (трибунала) Камбоджи были квалифицированы как геноцид [269, с.34]. События 1982-1983 гг. в Гватемале в период диктаторского режима доказывают, что уничтожались члены профсоюзов, политическая оппозиция, группы лиц, оказывавших поддержку мятежникам [270]. На основе только этих приведенных фактов, согласно которым истреблялись социальные, политические и экономические группы можно говорить о необходимости совершенствования норм о геноциде в уголовных кодексах государств-участников. При этом надо иметь в виду, что варианты, избираемые для модернизации диспозитивных и санкционных норм о геноциде, в разных государствах (как это показывает практика) будут различаться. В конечном итоге предлагаемая мера нужна для того, чтобы конвенционный механизм противодействия геноциду действовал и в отношении других уязвимых, незащищенных групп.

В-шестых, учитывая то обстоятельство, что в Конвенции 1948 года геноцид как с точки зрения объекта, так и с объективной стороны складывается как преступление из системы действий, т.е., как писал А.Н. Трайнин, требует согласованной работы значительного числа лиц, а именно предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности на стадии приготовления (заговора) или покушения, за прямые и публичные призывы (подстрекательства) и соучастие, назрела также необходимость в уголовных кодексах тех государств-участников, в которых они не закреплены, отдельно или дополнительно предусмотреть их в качестве самостоятельных признаков. Эти усеченные составы, а также выделяемые законодательствами некоторых государств иные их модификации по мнениям экспертов, в частности, НД Ван дер Мерве, помогут преодолевать правовые препятствия для эффективного

преследования преступников внутри страны [271, р.356]. В этой связи автор анализируя до этого отмеченный Закон ЮАР 27 от 2002 года (Закон ИСС), принятый во исполнение Римского Статута МУС (ст.25 (3) (е) этого документа включает в себя преступления прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида), пишет о том, что нужно внести соответствующую поправку и в текст национального нормативно-правового акта [271, р.331, 356]. Х.А. Хасан в предлагаемую редакцию статьи о геноциде в УК Ирака считает необходимым включить все противоправные действия: заговор с целью совершения преступления геноцида; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на его совершение и соучастие в нем [237, с.79]. Признавая значимость объекта, на который посягает геноцид, а также высокую степень общественной опасности данного преступления Ж.Г. Калишева еще при обсуждении проекта ныне действующего Уголовного кодекса Казахстана обращала внимание на то, что в нем в рамках самостоятельной статьи не предусматривается ответственность за подстрекательство (прямые и публичные призывы) к совершению геноцида, соучастие и покушение в нем, как это имеет место в УК ряда стран [272, с.49]. Однако, при этом следует отметить, что так как геноцид отнесен УК РК к категории особо тяжких преступлений, то в общем контексте их квалификации, установления меры ответственности и назначения наказания за их совершение, порядка его исполнения и погашения судимости, отечественным законодателем в ст. 24 и ст. 31 раздела 1 УК предусмотрены: приготовление к преступлению, покушение на совершение преступления и совершение преступления группой [226, с.16, 18].

3.2 Состояние обеспечения выполнения предписаний Конвенции 1948 года на примере уголовных кодексов Казахстана

В отличие от некоторых государств-участников СНГ Казахстан присоединился к Конвенции ООН 1948 года намного позже. Для сравнения: если СССР, Беларусь и Украина будучи членами ООН сдали соответствующие ратификационные грамоты депозитарию организации 3 мая, 11 августа и 15 ноября 1954 года соответственно, то Республика стала полноправным участником рассматриваемого специального международного договора 29 июня 1998 года. Об этом юридическом факте свидетельствует Закон РК о присоединении, подписанный Президентом страны (№244 – 1 ЗРК) [273]. Чуть раньше Казахстана, после прекращения существования СССР, свое участие в Конвенции подтвердили Молдова (26 января 1993 года), Грузия (11 октября 1993 года), Азербайджан (16 августа 1996 года), а после него Узбекистан (9 сентября 1999 года) и ряд других постсоветских государств.

Тем самым, став участником Конвенции, Казахстан не только принял на себя вытекающие из-за совершения данной конституционной процедуры договорные обязательства, но и проявил готовность имплементировать эти обязательства в свое национальное уголовное законодательство. Однако, при

этом необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство, связанное с тем, что Республика включила состав преступления геноцида во внутреннее право «досрочно», т.е. еще до присоединения к Конвенции, приняв 16 июля 1997 года первый в условиях независимости Уголовный кодекс. Это говорит о том, что формирование официальной позиции о признании Конвенции (как впрочем и иных международных документов) в качестве источника уголовного права суверенного государства начиналось заранее, а именно с 1997 года, с момента принятия и вступления в силу данного кодифицирующего закона [274, с.102].

В последующем подход государства по вопросам внедрения и реализации общепризнанных международных стандартов в сфере международного уголовного права и тесно обусловленного с ним международного уголовного процесса приобрел последовательный характер. Примерами в этом отношении могут послужить Нормативные постановления Верховного Суда РК: №1 «О применении норм международных договоров Республики Казахстан» от 10 июля 2008 года и №7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство обращениям или наказаниям» от 28 декабря 2009 года. Названные акты в совокупности в достаточной степени отражают не только общепринятые международно-правовые нормы, инкорпорированные в казахстанское право, но и обобщают судебную практику, - отмечают исследователи [275, с.806]. Здесь же имеет смысл перечислить следующие акты Конституционного Совета Республики: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 28 октября 1996 года №6/2 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4 и пункта 2 статьи 12 Конституции Республики Казахстан»; Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 года №3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан»; Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 №6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов», которые разъясняют порядок и условия приоритетности международных договоров над внутригосударственными законами, закрепленными в общей редакции в основном законе государства от 30 августа 1995 года. В самом Уголовном кодексе Республики основы применения норм международного права были «сведены воедино в ст. 1..., при этом формулировка правоприменительных требований по отношению к нормам международного права не изменилась», - замечает Д.А. Айдын [275, с.805].

Но поскольку, как уже до этого подчеркивалось в предыдущем подразделе, уголовное законодательство состоит из уголовного кодекса, а иные законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат

применению только после их включения именно в этот нормативный правовой акт, акцентируем всецело внимание на анализе содержания предусмотренного в нем состава геноцида. В этой связи, однако, нельзя не сделать два важных вывода, вытекающие из вышеобозначенного положения. Суть первого сводится к тому, что Уголовный кодекс Казахстана является и остается единственным формальным источником уголовного права Республики. Следовательно, какие-либо специальные законы, подтверждающие преступный и уголовно-наказуемый характер геноцида (или в этой связи) имеющееся место предложение или вернее его реализация относительно того, что Казахстану как участнику Конвенции ООН 1948 года «необходимо принять отдельный закон, определяющий преступный и наказуемый характер геноцида как преступления против мира и безопасности человечества» [9, с.24], должны быть «внутренне согласованы» с нормами Уголовного кодекса.

Второй вывод соответственно можно сформулировать так, что «нормы международного права не могут оказывать непосредственное регулирующее воздействие на возникновение прав и обязанностей у граждан Республики Казахстан в сфере отношений, охраняемых уголовным законодательством» [275, с.805]. Отсюда и заключение становится очевидным: следовательно, «национальный суд не может привлечь к уголовной ответственности человека за совершение преступного деяния, которое было определено в международном договоре и не было инкорпорировано в уголовный закон» [275, с.805].

Первый Уголовный кодекс Казахстана вступил в силу с 1 января 1998 года и соответственно с этого времени было прекращено действие Уголовного кодекса Казахской ССР, принятого Верховным Советом бывшей советской республики 22 июля 1959 года. Один из известных отечественных ученых и специалистов, комментировавших данный закон – И.И. Рогов в 1997 году писал, что «при разработке нового УК были использованы богатейший опыт тридцатисемилетнего применения прежнего уголовного законодательства, достижения отечественной и зарубежной науки уголовного права» [276, с.3], но вместе с тем указывал, что «УК Республики Казахстан – принципиально новый закон, отличающийся от прежнего и концептуально, и структурно, и по содержанию конкретных уголовно-правовых норм» [276, с.3]. Если до принятия Уголовного кодекса 1997 года «признание конституционных норм источниками уголовного права в отечественной уголовно-правовой науке носило чисто формальный характер» [276, с.4], то с связи с его введением в действие впервые законодатель «признает в качестве материального источника уголовного права Конституцию страны и общепризнанные принципы и нормы международного права уже не только путем объявления прямого действия Конституции и отнесения к действующему праву международных договорных и иных обязательств Республики (статья 4 Конституции Республики Казахстан), но и прямым указанием на это в самом Уголовном кодексе» [276, с.4]: а именно в части 2 ст.1. Материальный характер, т.е. применимость общепризнанных принципов и норм международного права при этом проявляется не только в силу их включения в Уголовный кодекс или тогда, когда «государство,

присоединяясь к той или иной конвенции, вносит соответствующие изменения в свое национальное законодательство» [276, с.7], но и в тех случаях, когда «некоторые уголовно-правовые нормы прямо отсылают к нормам международного права» [276, с.7].

Следующей отличительной чертой нового Уголовного кодекса явилась его деидеологизация [276, с.8]. Часть 1 ст.2 кодекса его задачами называет прежде всего «защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина» [276, с.3], и только затем защиту «собственности, прав и законных интересов организаций, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя и территориальной целостности Республики Казахстан, охраняемых законом интересов и общества, и государства от преступных посягательств» [276, с.3].

С учетом новой, характерной для нетоталитарного общества системы ценностей объектов уголовно-правовой защиты была построена и структура Особенной части УК Республики Казахстан [276, с.8]. Так, в связи с изменившимися реалиями в новом Уголовном кодексе были «выделены в качестве обособленных родовых объектов преступлений новые группы общественных отношений, ранее поглощавшиеся другими объектами (это – интересы семьи и несовершеннолетних (глава 2), мир и безопасность человечества (глава 4), интересы службы в коммерческих и иных организациях (глава 8), окружающая среда (глава 11) [276, с.8] и соответственно абсолютно новые главы (ими являются главы 2 – «Преступления против семьи и несовершеннолетних», 4 – «Преступления против мира и безопасности человечества», 8 – «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», 11 – «Экологические преступления») [276, с.13].

Принципиальными особенностями первого Уголовного кодекса РК являются также закрепление в новом юридическом содержании принципов виновной ответственности за совершение преступного деяния (ст.19), личной ответственности только физического лица (ст.14), справедливости (ст. 52), гуманизма (ст. 38), экономии уголовных репрессий (действие данного принципа проявляется, в частности, в структуре санкций Особенной части УК [276, с.11]) и неотвратимости уголовной ответственности и наказания.

Применительно к предмету настоящего исследования непосредственный интерес представляет глава 4 Уголовного кодекса под названием «Преступления против мира и безопасности человечества». В нее были включены 10 составов преступлений, из них шесть являлись новыми для национального законодательства: это планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст.156), производство или распространение оружия массового поражения (ст.158), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст.159), геноцид (ст.160), экоцид (ст.161) и нападение на лиц или организации, пользующиеся международной защитой (ст.163). «Нет сомнений, что появление данной главы явилось результатом влияния норм МУП на национальное уголовное законодательство республики», – подчеркивает Б.Нурмуханов [277].

С.М. Рахметов и С.А. Кременцов отмечают, что в основу выделения этой новой главы был положен общий родовой объект посягательства предусмотренных в ней преступлений - мир и безопасность человечества, т.е. общественные отношения, складывающиеся в результате соблюдения норм международного права и обеспечивающие основы существования государств и народов, а также основные принципы обеспечения международного мира и безопасности (принцип мирного сосуществования, неприменения силы, нерушимости границ, территориальной целостности, самоопределения народов и невмешательство во внутренние дела государств, уважение прав человека и добросовестного выполнения международных обязательств), которые в целом обеспечивают мирное урегулирование споров и разрешение конфликтов между народами и государствами, а также охраняют безопасные условия существования человека [7, с.14]. С.М. Апенев пишет: «с уверенностью можно говорить, что преступления, предусмотренные в главе 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Преступления против мира и безопасности человечества», явились «по своей общественной опасности тяжкими преступлениями» [274, с.103]. Свою позицию автор объясняет тем, что «повышенная общественная опасность преступлений, предусмотренных в главе 4 УК РК, связана не только с объектом уголовно-правовой охраны, но и с активным поведением виновного в этих преступлениях, а также размером ущерба в случае реализации преступного замысла» [274, с.103]. Также «говоря о высокой степени общественной опасности преступлений против мира и безопасности человечества, следует также иметь в виду, что при осуществлении преступных намерений против мира и человечества используются силы военных, индустриальный потенциал, а также мирное население как резерв этого государства» [274, с.103], - заключает представитель отечественной уголовно-правовой науки. Известный в Республике профессор, доктор юридических наук М.А. Сарсембаев будучи избранным в члены Комитета ООН по правам человека и работавшим в рамках его 105 и 106 сессий в июле и октябре 2012 года по заслушиванию национальных докладов государств – участников Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, в том числе и отчета Казахстана относительно рассматриваемой главы отмечал, что она содержит перечень преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь [278, с.415]. Имея в виду, что предусмотренные в главе 4 Уголовного кодекса отдельные преступления могут быть совершены и в военное время, и в частности, геноцид, он причисляет их к военным преступлениям [278, с.416].

Согласно ст.160 рассматриваемого первого Уголовного кодекса Казахстана, в принципе, как и следует из договорного обязательства Республики, совпадающей с содержанием ст.II Конвенции ООН 1948 года, под геноцидом понимались умышленные деяния, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению,

принудительной передачи детей, насильственного переселения либо создания иных жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы [276, с.59]. Как и в вышеуказанных (до этого рассмотренных) уголовных кодексах некоторых государств – участников СНГ, соответствующий национальный закон Казахстана «для квалификации преступления не устанавливал «условия фактического уничтожения идентифицируемой группы» [279, с.21]; было «достаточно, если совершено одно из перечисленных «действий, составляющих объективную сторону геноцида» [279, с.21], т.е., как отмечал А.Н. Агыбаев в своей комментарии к рассматриваемому УК, объективная сторона данного преступления по сути выражалась в совершении нескольких альтернативных действий [280, с.377]. Если бы они совершались в военное время, то квалифицировались бы как обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность и наказание [281, с.119], подчеркивал ученый в другой своей работе в особенной части учебника, посвященного уголовному праву РК (2011 г.).

Субъективная сторона геноцида по указанной статье Уголовного кодекса РК, как уже ясно, характеризовалась прямым умыслом, т.е. «лицо сознаёт, что совершает действия, образующие геноцид, и желает совершить эти действия» [7, с.62]. С.М. Рахметов и С.А. Кременцов в совместном исследовании, специально затрагивающим уголовно-правовые аспекты преступлений против мира и безопасности человечества, далее подробно писали следующее: «в состав субъективной стороны геноцида законодатель включил в качестве обязательного признака **специальную цель** – полное или частичное уничтожение национальной, этнической, религиозной или расовой группы», при отсутствии такой цели действия, объективно соответствующие [7, с.62] «составу геноцида, не могут квалифицироваться по ст.160 УК. При этом «наличие цели полного или частичного уничтожения человеческой группы отличает геноцид от некоторых форм применения запрещенных средств и методов ведения войны (ст.159 УК), а также от некоторых общеуголовных преступлений (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и т.п.)» [7, с.62]. Однако, продолжают авторы, следует иметь в виду, что от применения запрещенных средств и методов ведения войны геноцид отличается еще и тем, что его совершение необязательно должно быть связано с существованием военного конфликта [7, с.62]. Это означает, что это «преступление может совершаться и в мирное время» [7, с.62]. Но «если геноцид совершается во время ведения войны, то действия виновных лиц необходимо квалифицировать по совокупности преступлений по ст.ст. 159 и 160 УК, так как геноцид является запрещенным методом ведения войны» [7, с.62], – заключили авторы.

Субъектом преступления является «любое вменяемое лицо, достигшее 16 лет», - подчеркивал С.М. Рахметов уже в другой работе на государственном языке, совместно с А.Ш. Ормановой [282, с.28]. «Лица в возрасте от 14 до 16 лет несут ответственность не за геноцид, а за конкретно совершенные преступления – умышленное убийство, умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью и иные преступления, за которые установлена наказуемость с 14 лет (см. ст.15 УК)» [282, с.28].

Санкция же статьи являлась альтернативной и предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет либо смертной казни или пожизненного лишения свободы [276, с.59]. Б.Нурмуханов писал, что «уголовное дело лица, обвиняемого в совершении геноцида, изначально было подследственно следователям Комитета национальной безопасности» [277], а проведение главного судебного разбирательства, как и сейчас, относится к компетенции областного или приравненного к нему суда (ч.1 ст.192и ч.2 ст.291 старой редакции Уголовно-процессуального кодекса РК) [277].

Как нами было отмечено, 3 июля 2014 года в Казахстане была принята новая редакция Уголовного кодекса (№226 – V), которая была введена в действие с 1 января 2015 года. В главу 4 дополнительно были включены пять новых составов преступлений против мира и безопасности человечества,* которые, как и предыдущие, являются преступлениями по международному праву [283]. Таким образом, уголовное законодательство Республики также имплементирует обязательства государства по соответствующим международным договорам, в которых оно участвует [283]. Исходя при этом из того факта, что Закон РК «О международных договорах Республики Казахстан» от 30 мая 2005 года (№54 –III ЗРК) в ст. 20 (1) предписывает: «каждый действующий международный договор Республики Казахстан подлежит обязательному и добросовестному выполнению Республикой Казахстан» [284].

Состав геноцида отныне сформулирован в рамках ст.168 Уголовного кодекса, который в целом «дублирует» диспозицию ст.160 старого уголовного закона, а также, как указывает С.В. Саяпин, в значительной степени соответствует определению, содержащемуся в ст.II Конвенции ООН 1948 года [283]. В нем «повторяются» или «сохранились» такие «существенные элементы определения преступления геноцида, как: принадлежность жертв преступления к определенной национальной, этнической, расовой или религиозной группе; наличие прямого умысла на полное или частичное уничтожение такой группы» [283]. Следовательно, как и в старом, упраздненном УК, так и в новом, действующем, а также следуя в целом нормам Конвенции 1948 года, законодатель *критерием* определения жертв преступления геноцида считает принадлежность физических лиц (потерпевших) к перечисленным или признанным юридически общностям, но при этом не выделяет в качестве обязательного признака личность представителей этих демографических групп и, кроме того, прямо указывает на необходимость установления намерения виновного полностью или частично уничтожить ту или иную однородную группу.

С такой официально утвержденной позицией солидарны и ученые, и специалисты-представители отечественной уголовно-правовой науки. Так, в Комментариях к новому Уголовному кодексу, опубликованному доктором юридических наук, профессором И.Ш. Борчашвили (Алматы, 2015 г.) отмечается, что «общественная опасность геноцида... заключается в

преднамеренной попытке разрушить национальную, этническую, расовую или религиозную группу» [285, с.201].

В другом комментарии к новому уголовному закону, изданном в 2016 году (под редакцией С.М. Рахметова, И.И. Рогова), его авторы так же неизменны в своих позициях в том, что «общественная опасность рассматриваемого преступления заключается именно в том, что геноцид в любых его формах приводит или может привести к полному или частичному прекращению существования определенной национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей, обладающих своей идентичностью» [286, с.270]. Если обобщить содержания приведенных пояснений, то в результате совершения тех или иных соответствующих действий, охватываемых диспозицией ч.1 ст.168 Уголовного кодекса, полностью или частично *прекращает и (или) может прекратить существование* характеризующаяся самобытностью культуры, образа жизни, традиций и обычаев, а также другими особенностями конкретно определенная национальная, этническая, расовая или религиозная группа людей [287, с.114].

Родовым объектом геноцида, как и впрочем всех остальных 12 составов преступлений против мира и безопасности человечества, содержащихся в главе 4 УК РК, «являются общественные отношения, складывающиеся в результате соблюдения норм международного права» [1, с.32]. *Непосредственным же объектом* преступления, в отличие от родового, является более узкий объем общественных отношений. Соответственно, непосредственным объектом геноцида являются «общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия жизни национальных, этнических, расовых и религиозных групп» [288, с.92]. Немногие исследователи выделяют и его дополнительный объект: им выступает «жизнь, здоровье, права и свободы человека» [285, с.202].

По *основному объекту* преступления новый Уголовный кодекс РК, как уже ясно, также полностью соответствует тексту Конвенции. Часть 1 ст.168 кодекса в этой связи гласит: «... полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы...» [226, с.73]. Нужно, однако подчеркнуть, что называя только эти человеческие группы, уголовный закон Казахстана повторно сужает характеристику непосредственного объекта геноцида и тем самым как и в Конвенции ООН 1948 года буквально «воспринял» сложившийся, закрытый подход. Это означает, что он, как и текст действующей редакции Конвенции ограничивает круг защищаемых жертв преступления и исключает расширительное его толкование, и тем самым, еще раз отметим, закрепляет установку на нерасширение рамок определения потерпевших, считая данную позицию абсолютно верной. Видимо в этих целях – «в целях уточнения применения формулировки по кругу жертв (национальная, этническая, расовая или религиозная группы) и исключения ее расширительного толкования, указательное местоимение «такой [группы]» было заменено на указательное местоимение «этой [группы]» [283], – заключает С.В. Саяпин. В этой связи полагаясь на современную международно-правовую практику и, в частности, на решения международных уголовных

трибуналов, учитывая многочисленные факты совершения таких преступных деяний, отмеченных в предыдущем разделе работы, как демоцид, политцид, гуманитарные трагедии, этнические чистки, этноцид (этногеноцид), территориальный геноцид и др; а также следуя опыту отдельных государств – участников Конвенции, считаем целесообразным увеличить круг потерпевших от актов геноцида и в новом Уголовном кодексе Казахстана. Так определенно можно говорить в очередной раз потому, что, во-первых, геноцид действительно представляет собой преднамеренное преступление, но не только «нацеленное на физическое истребление группы людей как таковой, т.е. выделяемой по своей принадлежности к какому-либо организованному сообществу» [1, с.32]. Во-вторых, как это подтверждается решениями международных уголовных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, не всегда «точное соответствие международного и внутригосударственного уголовного законодательства относительно вопроса о потерпевшем как признаке состава преступления геноцида является гарантом соблюдения прав, как самих потерпевших, так и обвиняемых в совершении рассматриваемого деяния» [5, с.100]. И, в-третьих, ссылаясь на уважаемое мнение И.Черни необходимо отметить, что «везде, где обнаруживается противоречие между реальностью массовых убийств и узостью научно-правовых определений, последние должны быть скорректированы или изменены» [267, с.40].

При этом важно отметить, что законодатель может расширить объект преступления не во чтобы то ни стало или обязательно включив в него в качестве потерпевших членов *любой группы*, объединенной какой-либо однородностью. Он может это сделать по своему усмотрению и, дабы не допустить смешения преступления геноцида и преступления против человечности может добавить в перечень жертв преступления ту или иную уязвимую группу на основе собственного «произвольного» критерия, как таковое имеет место, например, в уголовных кодексах Беларуси и Франции. Таковыми, на наш взгляд, могут быть обозначены в ч. 1 ст. 168 УК РК политические, культурные и социальные группы, но не представители других демографических групп (в частности, половых, сословных, классовых, возрастных, профессиональных). Полагаем, что предлагаемый вариант является наиболее приемлемым и сбалансированным, учитывающим не только положения Конвенции 1948 года, но и опережающую в последнее время практику их применения.

Согласно позиции авторов вышеотмеченного Комментария к новому УК РК (под ред. Рахметова С.М., Рогова И.И., Алматы, 2016г.) потерпевшими от геноцида выступают сами названные выше «группы [...] в целом, на уничтожение которых направлено это преступление» [286, с.270], но «не отдельные лица или члены таких групп» [286, с.270]. Аналогичного мнения придерживается и И.Ш. Борчашвили, который в своих разъяснительных замечаниях к этому же кодексу пишет: «потерпевшими от геноцида являются не отдельный человек или группа людей, а определенная группа представителей населения, объединенных по признакам, обозначенным

международным правом» [285, с.202]. Данные - как коллективная, так и индивидуально выраженная точки зрения - *выявляют проблему* в понимании как сути рецепции действующей международно-правовой нормы национальным законодателем, так и самого содержания внедренной в уголовный закон диспозиции статьи о геноциде. В этом смысле придерживаясь мнения ученых можно сказать, что формально-юридически ст. 168 УК РК следует за положениями Конвенции, в соответствии с которыми жертвами от геноцида необходимо признавать всех указанных в них представителей той или иной демографической группы, вне зависимости от того, скольким лицам причинен физический или иной (моральный, имущественный и т.д.) вред. Следовательно, исходя из проведенного общего текстуального анализа нормы, закрепленной в пределах ст.168 УК РК о геноциде не обязательно, чтобы имелось определенное количество лиц, которым реально причинен тот или иной вред: т.е. само по себе количество убитых или лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью на квалификацию геноцида не влияет, но должно учитываться как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность и наказание по признаку причинения преступлением тяжких последствий (об этом гласит, в частности, п.2 ст. 54 УК РК). С учетом мнения комментаторов УК действия, перечисленные в диспозиции статьи, могут быть квалифицированы как преступления геноцида лишь в том случае, если указанные последствия причинены защищаемой группе в *совокупности*. Однако, нужно особо отметить, что это только одна действительная и в тоже время часто упрощенная «внешняя» сторона в понимании объекта геноцида. На самом деле внимательное ознакомление с диспозициями как ст. II Конвенции, так и ст. 168 УК РК показывает и другую, не скрытую «внутреннюю» сторону виновного посягательства: ими выделяются в качестве объекта рассматриваемого преступления не столько демографическая группа как таковая, сколько одновременно подразумеваются и ее *часть* (пострадавшие, потерпевшие члены группы) или избранные для совершения убийства, причинения серьезных телесных повреждений (либо тяжкого вреда здоровью) иные *обособленные* для уничтожения представители группы). Сам законодатель в этой связи использует оба понятия: «уничтожение группы» и одновременно «уничтожение членов группы». Различия между ними, как подчеркивает Г.П.Москалев, состоят в том, что в первом случае речь идет не только о причинении смерти представителям группы, но через них целой группе, вследствие которого она должна прекращать существование [289, с.88]. Уничтожение же членов группы характеризуется причинением смерти и иного ущерба лицам, являющимся представителями одной из групп и желанием субъекта совершить как таковое именно лицам как таким представителям [289, с.88]. Отсюда следует, что основной (непосредственный) объект преступления геноцида имеет двойкий характер и однозначно не всегда в исследуемых (в нашем случае – комментируемом) случаях, а также в расследуемых обстоятельствах может толковаться буквально.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что Конвенция ООН не устанавливает нижнего или минимального порога числа потерпевших от преступления, оставляя вопрос открытым для самого законодателя государства – участника: достаточно ли, например, одного убийства или убийства нескольких лиц для квалификации деяния в качестве геноцида? В решении этого вопроса, пожалуй, продвинулись вперед только Международные уголовные трибуналы ООН по Руанде и бывшей Югославии (напоминаем, что в отдельных решениях данных судебных учреждений содержатся факты не только уничтожения «очень большого количества членов группы» либо «выборочно определенного», «не очень большого числа людей»): есть у них и решения, в которых «указывается, что убийством при совершении геноцида называется любое причинение смерти представителю демографической группы, причем под такое убийство подпадают ситуации, когда смерть стала последствием совершения иных действий, рассчитанных на уничтожение такой группы» [290] Исходя же из анализа соответствующих норм Конвенции и УК РК можно заключить, что все перечисленные в них проявления геноцида могут быть квалифицированы таковыми в случае, если при установлении признаков субъективной стороны их последствиями стали причинение ущерба *не менее чем двум представителям* демографической группы.

Объективная сторона преступления характеризуется действиями, совершенными одним из шести следующих способов, указанных в диспозиции статьи в отношении национальной, этнической, расовой или религиозной группы: путем убийства членов этой группы; причинения тяжкого вреда их здоровью; насильственного воспрепятствования деторождению; принудительной передачи детей; насильственного переселения и (либо) иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы [226, с.73]. «Таким образом, в данной норме закреплены акты физического и биологического геноцида» [286, с.270]. Все перечисленные способы являются альтернативными: «данное преступление может быть совершено любым из названных способов либо, несколькими способами одновременно» [286, с.270]. Также комментаторами УК от 2016 года обращается внимание на то, что «содержание первых двух способов совершения геноцида» будет аналогично деяниям, предусмотренным статьями 99 («Убийство») и 106 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью») УК» [286, с.270]. В случае совершения геноцида одним из остальных способов «дополнительной квалификации по указанным статьям не требуется» [286, с.270].

Российский исследователь В.М.Вартанян, проведя анализ схожей статьи 357 УК РФ, в этой связи не только задается вопросом: «а если реально смерть или тяжкий вред здоровью причинен только одному представителю расовой, этнической, национальной или религиозной группы, но виновный преследовал цель уничтожения такой группы – как квалифицировать содеянное?» [11, с.145], но и снова возвращает в целом к проблеме *точного определения* количества погибших или травмированных при осуществлении актов геноцида.

По мнению автора, «характер и степень общественной опасности геноцида настолько велики, что юридически не должно существовать никакой «нижней границы» числу жертв геноцида» [11, с.145] и «тем более при осуществлении иных (формальных) проявлений геноцида вообще не важно, причинены кому-либо смерть либо тяжкий вред здоровью» [11, с.145]. По этим причинам он предлагает внести соответствующие изменения в текст ст. 357 действующего УК РФ, которое позволило бы избежать возможных юридических коллизий и споров при определении «минимально» допустимого количества жертв геноцида [11, с.145, 146]: как геноцид должны расцениваться убийство хотя бы одного члена демографической группы и причинение тяжкого вреда здоровью члену демографической группы, если они совершены с целью полного или частичного уничтожения расовой, этнической, национальной или религиозной группы населения» [11, с.152].

Считаем, что есть здравый практический смысл учесть данное предложение и при необходимости изменения текста ч.1 ст. 168 УК РК. Наше согласие с автором обосновывается тем, что в действительности в отличие от установления смысла терминов «значительная» или «существенная» часть жертв, как таковой низкий уровень убитых при совершении акта геноцида *однозначно* не определен ни в самой Конвенции, ни в соответствующих уголовных законодательствах государств-участников, в том числе и в УК Казахстана, ни в Римском Статуте МУС, а также ни в учредительных актах смешанных, гибридных, интернационализованных судов (все эти акты имея в виду убийства членов той или иной группы указывают на множественность потерпевших от геноцида).

Кроме того, надо иметь в виду, что если убийство лица «по мотиву социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести» квалифицируется по п. 11 ч.2 ст. 99 Уголовного кодекса РК [226, с.49], то было бы логичным и оправданным аналогичное лишение жизни другого человека, совершенное с целью геноцида, квалифицировать также как оконченное преступление по ст. 168 этого же закона. Здесь данный вывод не противоречит и понятию «убийства», закрепленного в п. 1 той же ст. 99 УК РУ, а именно «противоправному умышленному причинению смерти другому человеку» [226, с.49] и, следовательно вытекает из него. Нельзя не сказать и о том, что в качестве обязательного признака объекта преступления геноцида выступает потерпевший – т.е. каждый, отдельно взятый представитель национальной, этнической, расовой и религиозной группы, подвергшийся дискриминации. Отсюда следует, что необходимо говорить не столько об индивидуе, который становится жертвой геноцида «...по причине принадлежности или связи с определенной группой лиц (...), на уничтожения которых направлено это преступление» [285, с.202], сколько и о дополнительном непосредственном объекте последнего – кроме жизни и здоровья людей определенных УК РК групп в целом, это – и идентичные ценности, права, свободы и законные интересы человека и гражданина. Наша позиция в этой части корреспондируется с выводом М.К. Самалдыкова,

согласно которому отмеченные в УК РК нормы стали самыми важными для уголовно-правовой охраны [291, с.22], а также с утверждением Е.Д. Панкратовой следующего содержания: «...геноцид следует считать многообъектным преступлением» [5, с.98].

По замечанию С.В. Саяпина относительно детальная, на первый взгляд, формулировка Конвенции «причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства [членам такой группы]» (п. «в» ст. II) была заменена в ст. 168 УК на более общую категорию «причинения тяжкого вреда [их] здоровью» [283] (содержание данной альтернативной диспозиции согласно п. 11 ст. 3 кодекса включает, в частности, потерю зрения, речи, слуха или какого-либо органа; утрату органом его функций; полную утрату профессиональной трудоспособности и т.д.) [226, с.5]. Отсюда следует, что объем понятия геноцида в Конвенции в этой части не соответствует объему понятия геноцида, сформулированного в ст. 168 УК РК. Дело в том, что причинение серьезных телесных повреждений как признак объективной стороны геноцида по Конвенции (а также, кстати, согласно ст. 6 Римского статута Международного уголовного суда) предусматривает не только нанесение тяжкого необратимого вреда здоровью членам той или иной демографической группы, но и нанесение им вреда *средней тяжести*. Последнее тоже выливается в длительную неспособность члена пострадавшей группы вести обыденную, конструктивную жизнь. Об этом свидетельствует разъяснение понятия «средней тяжести здоровью», закрепленное в п. 12 ст. 3 УК РК и в обобщенной редакции заимствованное из Инструкции по организации и производству судебно-медицинской экспертизы, утвержденной в соответствии с Приказом Министра здравоохранения РК от 20 мая 2010 года (№368) и зарегистрированной в Министерстве юстиции РК 23 июня 2010 года под №6305, которая, однако утратила свою юридическую силу с 27 апреля 2017 года в связи с утверждением Министром юстиции РК новых «Правил организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы» согласно п.4) ст.12 Закона РК от 10 февраля 2017 года «О судебно-экспертной деятельности». Тем не менее, в соответствии с УК РК это: «вред здоровью человека, не опасный для его жизни, вызвавший длительное расстройство здоровья (на срок более двадцати одного дня) или значительную стойкую утрату общей трудоспособности (менее чем на одну треть)» [226, с.5]. В отличие от УК РК Инструкция Министерства здравоохранения РК дает более развернутое определение «среднего вреда здоровью». Пункт 35 главы 7 документа в этой связи гласит: «квалифицирующими признаками (критериями) вреда здоровью средней тяжести являются: 1) длительное расстройство здоровья – на срок свыше 3 недель (более 21 дня), к длительному расстройству здоровья относятся последствия в виде заболевания или нарушения функции какого-либо органа, продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня), непосредственно связанные с причинением вреда здоровью; 2) значительная стойкая утрата (10-33% включительно)» [292]. Между тем такой вред не предусмотрен в ст. 168 УК РК в качестве элемента объективной стороны

геноцида, хотя такое (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью по мотиву социальной, национальной расовой, религиозной ненависти или вражды) содержится в п.7 части 2 ст. 107 УК Республики [226, с.51]. Не говорится как в целом, так и в частности конкретно о причинении вреда и его размерах, кстати, и в новых действующих Правилах организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы. В их рамках законодатель ограничился определением соответствующих компетентных органов, их полномочий, порядке проведения экспертиз и исследований. Применительно к рассматриваемому нами вопросу интерес вызывает, пожалуй, глава 3 Правил, озаглавленная как «Оформление заключений эксперта». Согласно п.24 этого раздела «независимо от процессуального статуса экспертизы – единоличная, дополнительная, повторная, комиссионная, комплексная, - заключение эксперта состоит из вводной, исследовательской, синтезирующей части и выводов» [293]. Полагаем, что характер и размер причиненного вреда здоровью члену/членам той или иной демографической группы согласно новым Правилам будут содержаться в исследовательской части заключения специалиста, в которой, как гласит п.27: «излагается весь процесс исследования и его результаты, дается научное обоснование установленным фактическим данным и обстоятельствам» [293].

То же самое можно сказать и относительно причинения умственного расстройства членам национальной, этнической, расовой или религиозной группы: ст.168 УК РК и здесь не предусматривает такое действие составляющим признаком объективной стороны рассматриваемого преступления. Однако причинением тяжкого вреда здоровью признается в соответствии с п.11 ст.3 УК РК причинение психического расстройства («тяжкий вред здоровью – вред здоровью человека, опасный для его жизни, либо иной вред здоровью, повлекший за собой ... [в том числе] психическое расстройство...») [226, с.5]. В Инструкции Министерства здравоохранения РК по этому поводу в ч. 12 и 2 п. 31 главы 31 («Тяжкий вред здоровью») говорилось о том, что под психическим расстройством следует понимать психическое заболевание (психическую болезнь), которое не относится к опасным для жизни повреждениям, но влечет за собой тяжкий вред здоровью по последствию после соответствующего воздействия [292].

Вывод, таким образом, напрашивается сам собой: поскольку причинение серьезных телесных повреждений и умственного расстройства содержатся в Конвенции ООН 1948 года, Казахстан как участник этого международного договора должен был включить эти специальные действия, составляющие объективную сторону геноцида, в диспозицию ст.168 УК. Иначе, не осуществив полноценную имплементацию нормы Конвенции, «в случае применения статьи 168 в судебной практике (а такой практики до сих пор не было), [казахстанский] суд будет, пожалуй, исходить из фактических обстоятельств дела и применять собственный уголовный закон с учетом соответствующего международно-правового опыта» [283].

Далее относительно следующего способа совершения геноцида отдельные эксперты задаются вопросом: «неясно, все ли сознательно осуществляемые «меры, рассчитанные на предотвращение деторождения [в среде такой группы]» (в соответствии с п. «d» ст. II Конвенции) следует считать «насильственным воспрепятствованием деторождению» по смыслу соответствующей фразы описательной диспозиции статьи 168, или казахстанский законодатель действительно имел в виду лишь наиболее жестокие меры?» [283]. В этой связи отметим, что УК РК в этой части соответствует широко понимаемому контексту принудительных мер, которые могут быть не только физическими, но и психическими. Не случайно и в Комментарий к Уголовному кодексу от 2016 года его составителями отмечается, что «к насильственному воспрепятствованию деторождению относятся любые действия насильственного, принудительного (против воли людей) характера...». [286, с.270] Ими, в частности, могут быть насильственная кастрация, стерилизация, запрет вступать в сексуальные контакты в пределах одно и той же демографической группы.

С.В. Саяпин далее пишет: «говоря о «принудительной передаче детей», законодатель не уточняет, в отличие от Конвенции 1948 г., что речь идет о передаче детей именно «из одной человеческой группы в другую», что делается, в конечном счете, для того, чтобы, находясь в новой группе, дети более не ассоциировали себя с группой, из которой они фактически происходят» [283]. Здесь, однако, очевидно, что автор немного лукавит. На наш взгляд, он прекрасно осознает, что законодатель определенно имеет в виду насильственную передачу несовершеннолетних лиц с применением силы или угрозы такой передачи из одной демографической группы в другую (этот аспект в аналогичном содержании был раскрыт нами в подразделе 2.1. работы). При такой передаче ребенок как следствие «утрачивает ненаследуемые признаки, такие как религиозная или этническая принадлежность» [294, с.32]. Согласно Комментарию к УК РК, «главная цель такой передачи заключается в том, чтобы переданный ребенок утратил особенности, свойственные группе населения, которую он представляет» [286, с.270].

В заключительной альтернативной диспозиции «насильственное переселение» является существенным дополнением к конвенционной формулировке [283]. По мнению С.В. Саяпина «здесь может иметь место смешение объективных сторон преступления геноцида, с одной стороны, и «этнической чистки» либо «депортации или насильственного перемещения населения», с другой стороны» [283]. Автор здесь совершенно прав, толкуя содержание данного способа более расширительно, чем, например, комментаторы нового Уголовного кодекса РК. По представлению последних, «насильственное переселение есть лишь «перемещение определенной группы людей против их воли из мест постоянного проживания на другую специально отведенную территорию (резервацию) с отличительными природными условиями, что повлечет за собой вымирание этой группы людей» [286, с.270].

Пункт «с» ст. II Конвенции – «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное уничтожение ее» заменен в ст. 168 УК РК на «иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение [членов этой группы]». В Комментарие к УК под последними подразумевается «осуществление различных мероприятий, приводящих к неизбежной гибели людей в силу определенных обстоятельств» [286, с.271].

Наиболее развернутое определение рассматриваемому способу было дано нами также в подразделе 2.1 исследования. Суть его выражается словами: «неограниченный перечень деяний», «медленная смерть», «масштабность», «необходимый (или требуемый) период времени для уничтожения».

В заключении этой части анализа отметим, что как по Конвенции, так и по ст. 168 УК РК факт полного или частичного уничтожения преследуемой группы не влияет на квалификацию данного деяния как оконченного преступления. На практике, как до этого отмечалось, достаточно установить совершение с этой целью любого из вышерассмотренного способа, образующего объективную сторону геноцида. Это означает, что «непосредственное уничтожение расовой, национальной, этнической или религиозной группы не является необходимым последствием для квалификации» [5, с.101] по соответствующим статьям: уничтожение этих групп характеризует лишь намерение, на осуществление которого направлены действия виновного [5, с.101]. Отсюда, по мнениям казахстанских и российских авторов совместно подготовленного учебника «Уголовное право Республики Казахстан» (2016 г.) следует, что «состав анализируемого преступления *формальный*, оно считается оконченным с момента совершения вышеперечисленных действий, направленных на полное или частичное уничтожение соответствующей группы людей независимо от наступления последствий» [295, с.177]. В то же время необходимо подчеркнуть, что у этого, условно говоря, «общего требуемого правила» имеются и исключения. Как мы уже писали в пределах одного из предыдущих подразделов работы, отдельные действия тем не менее приводят к наступлению прямых нежелательных последствий (например, это: те же смерть, умышленное причинение тяжкого или иного серьезного вреда здоровью). В этом смысле - с точки зрения конструкции объективной стороны – геноцид можно и нужно отнести к преступлениям с формально-материальным составом.

М.Л. Прохорова и М.Г. Гигинейшвили полагают, что в силу специфики международного уголовного права и механизма реализации ответственности, предусмотренного Конвенцией в ст. VI, его установление зависит от национального законодательства государства, осуществляющего юрисдикцию в отношении такого лица [266, с.4]. В этой связи ст. 168 действующего УК РК (также как и ст. 160 УК в старой, упраздненной редакции) четко определено, какими тремя обязательными признаками должен обладать субъект преступления: им может быть любое физическое и вменяемое лицо, достигшее 16 лет (что исключает уголовную ответственность юридических лиц, которых

УК РК согласно установленным в его нормах предписаниям субъектами преступления не признает). При этом рассматриваемая статья УК также не предусматривает для субъекта геноцида каких-либо специальных признаков. «В соответствии с конвенционными нормами лица, совершившие геноцид, подлежат наказанию независимо от того, являются ли они членами правительства, должностными или частными лицами» [286, с.271], т.е. лицами, занимающими должности в государственной, гражданской, военной службах или в правоохранительных органах РК или вовсе их не занимающих. Как замечает Е.Д. Панкратова, «должностное положение лица может использоваться судом для индивидуализации наказания при рассмотрении конкретных дел» [5, с.139]. «При участии в совершении данного преступления лиц в возрасте от 14 до 16-ти лет они подлежат ответственности за конкретные преступления, ответственность за которые предусмотрена с 14 лет» [295, с.178] (это те же статьи, что и в старом УК, предусматривающие ответственность и наказания за отдельные общеуголовные деяния, которые могут входить в объективную сторону геноцида: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и т.п.).

Субъективная сторона геноцида характеризуется прежде всего в наличии диспозиции ст. 168 специальной цели преступления – умышленное (полное или частичное) уничтожение конкретно определенной группы людей, обладающих своей идентичностью [296, с.41]. Соответственно вина лица, совершившего данное преступление, заключается в прямом умысле; хотя комментаторы нового УК РК и авторы учебника по уголовному праву (2016 г.) одинаково (единогласно) подчеркивают следующее: «...геноцид отличается именно направленностью действий виновных на уничтожение полностью или частично целой группы людей» [286, с.271] и она «... выступает здесь признаком объективной стороны, сопровождающим умышленные деяния лиц, а не признаком субъективной стороны в виде специальной цели» [295, с.177]. Виновное (вменяемое) лицо осознает фактический характер своих действий (интеллектуальный признак умысла) и руководит ими (волевой элемент умысла). Мотивами геноцида, которые не указаны в ст. 168 УК РК, могут быть корыстные или иные низменные побуждения: например, национальная и религиозная вражда или нетерпимость, ревность, месть или зависть. Наша позиция при анализе субъективной стороны геноцида однозначно заключается в том, что несмотря на уже отмеченный формально-материальный состав, геноцид в силу указания на специальную цель в диспозиции ст. 168 может быть совершен физическим лицом только с прямым умыслом. Здесь мы разделяем точки зрения ученых, считающих невозможным наличие косвенного умысла в преступлениях с формальным характером объективной стороны [297, с.213].

Согласно ч.2 ст. 168 геноцид может осуществляться и в военное время, под которым «понимается период с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий до момента объявления о прекращении военных действий, до момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения» [286, с.271]. «Субъективные

признаки преступления по ч.2 ст.168 УК РК такие же, что и по ч.1 данной статьи» [295, с.178].

Санкции за те же деяния, совершенные но уже в военное время предусматривают не только лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы, но и смертную казнь [226, с.71]. По этой части геноцид согласно ч.5 ст.11 УК РК отнесен к категории особо тяжких преступлений [226, с.12]. Пожизненное лишение свободы может устанавливаться судом как альтернатива смертной казни (ч.4 ст. 46 УК РК) [226, с.23]. Последнее наказание (расстрел) рассматривается УК РК как исключительная мера наказания (ч.1 ст. 47) [226, с.24]. И, наконец к лицам, совершившим геноцид в соответствии с ч.6 ст. 69 Уголовного Кодекса Республики, сроки давности не применяются [226, с.35].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе был осуществлен комплексный, общесистемный анализ содержания специальной Конвенции ООН 1948 года о запрещении геноцида и имплементации ее положений в национальных уголовных законодательствах государств – участников. Совокупным итогом проведенного исследования стали результаты, с помощью которых можно сформулировать следующие **основные выводы**.

1. Прежде всего *было установлено*, что геноцид является тягчайшим уголовным преступлением против человечества. До принятия Конвенции геноцид часто упоминалось в практике международных отношений как «систематизированное», «санкционированное» и «организованное» со стороны правительств отдельных государств общественно опасное деяние, «преступление против цивилизации и человечества» либо как «преступление преступлений». *Выявлено*, что именно уставы, а также решения Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов заложили юридическую основу для разработки и принятия в дальнейшем специального международного договора, прямо предусматривающего преследование и наказание лиц, виновных в совершении геноцида.

2. В то же время *доказано*, что лишь с заключением в рамках ООН Конвенции был закреплен международно-правовой статус понятия «геноцид» и впервые раскрыто его юридическое содержание с целью защиты четырех, конкретно определенных человеческих групп. Несмотря на существующие до сих пор в науке и практике споры относительно того, является ли геноцид преступлением против человечества или преступлением против человечности или же относится к категории военных преступлений необходимо отметить, что его в целом можно квалифицировать как серьезное нарушение международного права или как особо опасное преступление, нарушающее целый комплекс прав и основных свобод человека, а также как преступление, относительно которого не применяются сроки давности.

3. В работе приведены различные научные взгляды на понимание преступления и проанализировано одновременно множество ситуаций, подпадающих под его современное определение. *Обосновано*, что геноцид является не столько юридической, сколько критерием политической и этнической оценки широко распространенных случаев насилия по отношению к тем или иным демографическим группам людей. Согласно установившимся обычаям и подтверждающим это обстоятельство документам ООН *было сформулировано* положение о том, что геноцид представляет собой предмет вмешательства как международного сообщества, так и отдельного государства или отдельной группы государств. Особенно *обращено* в этой связи внимание на то, что нормы Конвенции обладают силой обязательств *jus cogens* и *erga omnes* и соответственно подлежат соблюдению не только государствами – участниками, но и государствами – неучастниками или нечленами ООН. *Установлено*, что главными причинами неучастия некоторых государств в

Конвенции является не столько сам факт непризнания ими совершенных актов геноцида, сколько ответственность быть уголовно (и не только) преследуемыми в судебном порядке.

4. *Подтверждено* значение Конвенции ООН в сфере криминализации геноцида как общественно опасного деяния в международном уголовном праве. В частности, были выявлены такие актуальные аспекты, как необходимость совершенствования норм договора в части установления квалифицирующих признаков преступления, идентификации охраняемых им групп и дальнейшего повышения его эффективности. *Установлено*, что для квалификации геноцида не имеет определяющей роли, был ли он совершен в период вооруженного конфликта или в отсутствии такового. *Отмечено*, кроме того, специфика состава геноцида, которая с учетом особенностей Конвенции обуславливает необходимость доказывания вины лиц, совершивших преступление, в рамках деятельности международных уголовных трибуналов *ad hoc*. К примеру, применяются последние практические подходы, которые нашли закрепление в решениях Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде.

5. В этой связи также *обозначено*, что одной из причин неэффективности Конвенции стало отсутствие в течение почти пятидесяти лет постоянно действующего Международного уголовного суда, создание которого было предусмотрено ст. VI договора. *Обнаружено*, что процесс разработки Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества применительно к геноциду, соответствующие нормы Римского Статута Международного уголовного суда, а также учредительные акты специализированных (гибридных, смешанных или интернационализированных судов) и до этого названных международных уголовных трибуналов, под компетенции которых подпадают и наказуемые начальные формы участия в геноциде, актуализируют исследование новых/новейших элементов состава данного преступления.

6. *Было доказано*, что всестороннее рассмотрение новшеств, характерных для международного нормотворческого процесса и международного уголовного правосудия необходимо для усиления соответствующих правовых средств, методов и форм противодействия не столько традиционным актам геноцида, сколько косвенным его проявлениям. *Выявлены*, в этой связи такие проявления последнего, как направленное экономическое вмешательство, биологическое вмешательство, направленное изменение культурно-исторической среды и направленное изменение природных условий.

7. *Обращено* отдельное внимание на целесообразность расширения перечня защищаемой Конвенцией общностей. *Обоснован* в этом контексте вывод о том, что геноцид как преступление против человечества с учетом современных фактических обстоятельств должен учитывать как объективные, так и субъективные критерии в определении защищаемой демографической группы. *Отмечено*, что перечень последней обособленной общности должен быть пересмотрен и расширен в свете соответствующих общих требований, закрепленных в учредительных актах тех же современных международных

юрисдикционных органов. *Сформулировано* мнение о том, что подобный подход обеспечит сбалансированное и объективное применение сущностных признаков, толкуя охраняемые группы в соответствующем политическом, социальном, экономическом и культурном контексте. При этом *подчеркнуто*, что не обязательно следует включать в данный перечень в качестве потерпевших членов *любой* группы, объединенной какой-либо однородностью.

8. *Доказано*, что исходя из действий, составляющих содержание второго элемента состава геноцида – кроме «традиционно» и молчаливо признаваемых форм геноцида – физического и биологического можно утверждать в рамках Конвенции дополнительно и о культурном и социально-экономическом геноциде. *Обосновано* также, что с учетом последующей практики применения Конвенции в XX-XXI веках следует юридически закрепить в ее нормах и такие новейшие виды, как этнические чистки, этноцид, гуманитарная трагедия, демоцид, политцид, территориальный геноцид, депортация. В этой связи *сформулирован* вывод о том, что как таковые формы они могут квалифицироваться согласно положениям ст. III Конвенции, где определены категории наказуемых деяний.

9. *Отмечено*, что одним из существенных пробелов в тексте действующей Конвенции которые должны включаться в обязательства государств-участников, являются: нерешенность вопросов о запрещении пропаганды геноцида; о роспуске организаций, преследующих цель разжигания расовой, национальной и религиозной вражды; наряду с Конвенцией установление ответственности непосредственно юридических лиц без участия государства за совершение действий, составляющих геноцид; дальнейшее совершенствование международной договорной базы и международной уголовной юрисдикции применительно к геноциду с активным участием государств. *Обосновано*, что последовательное устранение всех вышеуказанных недостатков необходимы для преодоления юридических препятствий в целях эффективного уголовного преследования преступников внутри государств-участников.

10. В работе *показано*, что Казахстан имплементировал обязательство по наказанию геноцида в собственное уголовное законодательство путем инкорпорации еще до присоединения к Конвенции. На основе анализа действовавших ранее уголовных кодексов Казахстана и применяемого в настоящее время соответствующего нормативного правового акта Республики выявлены различия в имплементации норм Конвенции относительно определения объема объекта геноцида, непризнании или недостаточном признании так называемых «усеченных составов» преступления, неустановление нижнего или минимального порога числа потерпевших от этого общественно опасного деяния. В этой связи в исследовании ссылаясь на решения международных уголовных трибуналов, учитывая многочисленные факты совершения актов геноцида на территориях отдельных государств-участников, а также следуя их опыту *сформулированы* конкретные выводы и предложения по их устранению, пересмотру и восполнению. *Подчеркнуто*, что предлагаемые рекомендации являются приемлемыми и сбалансированными в

практическом плане и соответственно их учет способствует развитию отечественного уголовного законодательства не только в рассматриваемой части.

Оценка полноты решений поставленных задач. Задачи, поставленные в диссертационной работе, были решены в полном объеме, а именно: систематизированно проанализировано становление нормативного содержания понятия «геноцид» в истории и практике международно-правовых отношений до заключения специальной Конвенции ООН 1948 года; определены предпосылки разработки, одобрения и принятия окончательного текста международного договора при участии всех заинтересованных («высоких договаривающихся») сторон: при этом выявлены и обоснованы юридические и политические особенности переговорного процесса по согласованию редакции Конвенции и в особенности относительно установления места и значения геноцида в общей системе мер противодействия международной преступности; пристальное внимание было уделено анализу состава геноцида как преступления против безопасности человечества в контексте не только обязательств государств – участников, но и с учетом новшеств, характерных для современной опережающей положения Конвенции правоприменительной практики и в частности прецедентного права международных юрисдикционных органов; основной и главный акцент одновременно был сосредоточен на рассмотрении механизмов имплементации норм Конвенции в рамках соответствующих уголовных законодательств государств – участников: в этой связи конструктивному анализу и синтезу подверглись способы внедрения и осуществления норм Конвенции в уголовных кодексах тех государств – участников, которые наиболее добросовестно отнеслись к выполнению принятых на себя обязательств; отдельный подраздел в работе также был посвящен исследованию состояния фактической реализации предписаний Конвенции Казахстаном в аспекте действовавших в разные периоды времени национальных уголовных кодексов и применительно к этой части были определены ближайшие перспективы устранения и восполнения выявленных недостатков и пробелов в их содержании.

В заключении диссертационной работы предложены следующие **практические рекомендации и исходные данные по конкретному использованию результатов:**

1. Предложить государствам при разработке и пересмотре собственных уголовных законодательных норм применительно к геноциду учитывать позицию о том, что регулятивному воздействию Конвенции ООН должна подвергаться борьба и с *косвенными* формами и видами рассматриваемого преступления – направленными воздействиями (умышленными бездействиями) на определенные человеческие группы путем изменения природных условий, культурно-исторической среды, биологических, экономических и т.п. факторов. Учитывая в данном контексте отсутствие комплексного и развернутого анализа всех обстоятельств представляется обоснованным выполнение обозначенной функции в рамках ООН, членами которой являются одновременно все

государства-участники Конвенции. **Предложить** в этой связи возложение отмеченной функции на Специальную рабочую группу, состоящей из признанных авторитетных специалистов из государств-членов ООН при тесном взаимодействии с Генеральным секретарем и Верховным комиссаром по правам человека, а также привлекая к этому процессу представителей Шестого (Юридического) Комитета и Комиссии международного права.

2. Принять особо во внимание, что как в пределах Конвенции, так и в рамках уголовных законодательств государств-участников назрела необходимость установление двойной ответственности за совершение геноцида. Это означает, что наличие состава преступления и субъекта как одного из его элементов является фактическим основанием для введения уголовной ответственности и для юридических лиц. **Предложить** решение данного вопроса прежде всего со ссылкой на Руководящие принципы ООН 1985 года в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития нового международного экономического порядка и действующие универсальные международные договоры. **Признать** в этой связи то фактически ожидаемое обстоятельство, согласно которому назначение наказания должно предусматривать для юридических лиц, совершивших геноцид, не только соответствующие уголовно-правовые меры, но и санкции материального характера, а также предоставлять в перспективе возможность осуществления подобных юридических процедур в рамках деятельности международных уголовных трибуналов.

3. Предложить, что национальный законодатель Казахстана может расширить объект преступления, но не обязательно включив в него в качестве потерпевших членов любой группы, объединенной какой-либо однородностью. Он может это сделать по своему усмотрению и, чтобы не допустить смешения преступления геноцида и преступления против человечности может добавить в перечень жертв преступления ту или иную уязвимую группу на основе собственного «произвольного» критерия, как таковое имеет место, например, в уголовных кодексах Беларуси и Франции. Таковыми, на наш взгляд, могут быть обозначены в ч. 1 ст. 168 УК РК политические, культурные и социальные группы, но не представители других демографических групп, в частности, половых, сословных, классовых, возрастных, профессиональных. **Принять во внимание**, что предлагаемый вариант учитывает не только положения Конвенции 1948 года, но и опережающую в последнее время практику их применения.

Оценка научного уровня выполненной работы в сравнении с лучшими достижениями в данной области. Как в комплексе, так и в отдельности международно-правовые вопросы предупреждения геноцида и наказания за него исследовались многими учеными, специалистами и экспертами разных государств-участников Конвенции ООН 1948 года из ближнего и дальнего зарубежья. В рамках же этого исследования, на наш взгляд, была дана **новая систематизированная оценка** состояния и перспектив дальнейшего действия Конвенции с учетом новых/новейших

реалий, изменений и установок, складывающихся или уже имеющих место в современном международном уголовном праве, в общем контексте международно – правовых отношений, в международном правосудии, а также в доктринах государств – участников. Следует также иметь в виду, что настоящая диссертационная работа является одной из немногих существенных, проведенных в рамках науки международного права в последние годы на пространстве бывшего СССР. Особый интерес для заинтересованных лиц представляет примененный в работе междисциплинарный подход к анализу положений Конвенции и практики их применения на примере деятельности международных уголовных трибуналов и опыта государств – участников из Европы, Северной и Южной Америк, Южной Африки, Австралии и СНГ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Мошенская Н.В. Геноцид – историческая и правовая характеристика понятия // Адвокатская практика. - 2005. - №3. – С. 30-35.
- 2 Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Книжный мир, 2010. – 960 с.
- 3 Дадуани Т.Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида: автореф. ... канд. юрид. наук: – М., 2012. – 35 с.
- 4 Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М.: Международные отношения, 1983. – 320 с.
- 5 Панкратова Е.Д. Уголовно – правовая характеристика геноцида: дис. ... канд. юрид. наук: – М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2010. – 200 с.
- 6 Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. – М.: Наука, 1969. – 454 с.
- 7 Рахметов С.М., Кременцов С.А. Преступления против мира и безопасности человечества. – Алматы: Жеті жарғы, 1998. – 103 с.
- 8 Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. – М.: Наука, 1967. – 357 с.
- 9 Забих Қ.Ж. Геноцид адам құқықтары мен бостандықтарына қарсы халықаралық қылмыс ретінде: Заң ғылымдары канд... дис. автореф. – Алматы, 2010. – 25 б.
- 10 Белый И.Ю. Подсудность преступлений геноцида международным органам уголовной юстиции /khttp:www.voenprar.ru/does/20-2249 dos>. 13.10.2018.
- 11 Вартанян В.М. Уголовная ответственность за геноцид: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. – 166 с.
- 12 Tatiana E. Sainati. Toward a comparative approach to the crime of genocide // Dure Law Journal. - 2013. - Vol.62, - P. 161 – 174.
- 13 Геноцид. Хронология // <http://www.ushmm.org/wlc/article.php?moduleid=10007095>. 13.10.2019.
- 14 Соломатин Ю., Новикова И. Геноцид: от библейских времен до XX века // www.pravda.ru 13.10.2019.
- 15 Андриюхин М. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества. – М.: Госюриздат, 1961. –128 с.
- 16 Вртанесян К., Палян А. Акты геноцида в истории человечества // www.genocide.ru (Дата обращения: 20.01.2018 г.)
- 17 Nott I.C., Gliddon R. Types of manking. – Philadelphia, 1854. – 738 p.
- 18 Барсегов Ю.Г. Геноцид армян – преступление по международному праву. – М.: XXI век – Согласие, 2000. – 272 с.

- 19 Сартр Ж.П. О геноциде // Материалы Расселовского трибунала по военным преступлениям (1968г.). – М., 1990. – С.14-24.
- 20 Панов В.П. Международное уголовное право: Учеб.пособие. – М.: ИНФРА·М, 1997. – 320 с.
- 21 Геноцид армян 1915-1916 гг. Армянский вопрос – Ереван, 1991. – 276 с.
- 22 Ованесян В. Геноцид – преступление против человечества // Независимая газета. – 2000. – 2 сентября.
- 23 Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах Т.1. – М.: Мысль, 1912. – 829 с.
- 24 Гитлер А. Mein Kampf. – Рига: Franz-Eher-Verlag, 1990. – 720 с.
- 25 Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe.Laws of Occupation.Analysis of Government.Proposal for Redress. Carnegie Endowment for International Peace .Division of International Law Washington, 1944. – P. 790-795.
- 26 Лемке Р. Правление Оси в оккупированной Европе // Военные преступления. Перевод с англ. – М.: Текст, 2001. – 169 с.
- 27 Курманов А.К. Преступления против мира и безопасности человечества (по уголовному законодательству Кыргызской Республики). – Бишкек: ИД «Наука и образование», 2002. – 191 с.
- 28 Батырь В.А. Международно-правовые проблемы квалификации преступления геноцида и «Катынское дело» // <<http://www.voenprav.ru/does/20-2248:doe>> 17.11.2019.
- 29 Руденко Р.А. Летопись организации и деятельности Международного Военного Трибунала. – «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками»: в 7 томах. Т. VII / под ред. Р.А. Руденко – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. – 760 с.
- 30 Полторац А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). – М.: Наука, 1966. – 365 с.
- 31 Трайнин А.Н. Правовые проблемы Нюрнбергского процесса // Советское государство и право. - 1947. - №3. – С. 24-25.
- 32 Марухян В.А. Состав геноцида по современному международному праву // Вопросы правоведения. – Ереван, 1989. - Выпуск 5. - С. 14-38.
- 33 Ахметова С.А. Принципы международного уголовного права: автореф. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2008. – 25 с.
- 34 Кемалов С.Н. Правовой статус Международного уголовного суда: автореф. ... канд. юрид. наук. - Алматы, 2009. – 31 с.
- 35 Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учебник для юридических факультетов и вузов. - М.: Спарк, 1999. – 216 с.
- 36 Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития). - М.: За права военнослужащих, 2011 – 288 с.
- 37 Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. - М.: Юстицинформ, 2011. – 688 с.
- 38 Полторац А.И. Нюрнбергский процесс: в 8 т. - М.: Юрид. литература, 1987. Т. 1. – 668 с.

- 39 Trials of Japanese War Criminals. Documents, United States Department. Publ. 2613, Far Eastern Series, 12, 1946. – 104 p.
- 40 Руденко Р.А. Нюрнбергский процесс: в 2 т. / под ред. К.П. Гаршенина, Р.А. Руденко и И.Г. Никитченко. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. – Т.1. – 1155 с.
- 41 Руденко Р.А. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Преступления против человечности / под ред. Р.А. Руденко. – М.: Юридическая литература, 1966. – 800 с.
- 42 Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог (Военные мемуары). / под ред. А.И. Полторак. - М.: Воениздат, 1965. – 552 с.
- 43 Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. - М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с.
- 44 Foreign office. News Department. – 1945. – August, 8.
- 45 Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – 252 с.
- 46 Ginsburg G. Moscow's Road to Nuremberg: The Soviet Background to the Trial (Law in Eastern Europe). – Boston: M.Nijhoff, 1996. – 161 p.
- 47 Cassese A. International Criminal Law, - Oxford: Oxford University Press, 2003. – 472 p.
- 48 Дмитриевский С. Геноцид (гл.14) // Вестник Международного уголовного правосудия// URL: <http://www.mup-info.com/> 27.12.2019.
- 49 William A. Schabas. Problems of International Codification – Were the Atrocities in Cambodia and Kosobo Genocide? // New England Law Review. - 2006. - Vol.35. – P. 301-311.
- 50 Волеводз А.Г. Международные правохранительные организации: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011. – 344 с.
- 51 Документ ООН S/RES/ 827 (1993), 25 May 1993 // <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1993> 19.11.2018.
- 52 Документ ООН S /RES/ 955 (1994), 8 November 1994 // <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1994> 07.10.2019.
- 53 Statute №1, 10 December 2003. Enacted by the Iraqi Governing Council «The Statute of the URAQI Special Tribunal» [Electronic resource] /Coalition Provisional Authority// URL: [http:// www.cpa -iraq.org/human_rights/Statute.htm](http://www.cpa-iraq.org/human_rights/Statute.htm) 17.11.2019.
- 54 Adibayeva A.K. The essence and general normative contents of genocide are as the international crime // Collection of Conference Papers of International Scientific-Practical Conference “Urgent problems of Science and Technology: Yesterday, Today, Tomorrow”. The United Kingdom, London. – 2015. – P. 6-10
- 55 Grover S.C. PART II: The European Court of human Rights`Reluctance to Classify European Convention Violations as International Crimes Even When Those Violations Likely Constitute «Genocide» or «Crimes Against Humanity» in Times of

Peace or in Immediate Post-conflict Periods. The European Court of Human Rights as a Pathway to Impunity for International Crimes. Berlin, Heidelberg, Springer Berlin Heidelberg, 2010. – P. 91-206.

56 Papamichail A., H. Partis-Jennings. Why common humanity? Foraming the responsibility to protect as a common response. // International Politics, 53 (1), 2016. – P. 83-100.

57 Leach J. Psychological factors in exceptional, extreme and torturous environments. // Extreme Physiology & Medicine, 5 (1), 2016. – P. 1-15.

58 Rachovitsa A. General Principles of Public Order and Morality and the Domain Name System: Whither Public International Law? // Netherlands International Law Review, 63 (1), 2016. – P. 23-49.

59 Лукашук И.И.; Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник для юрид. фак. и вузов // И.И. Лукашук, А.В. Наумов; Институт государства и права РАН. - М.: Спарк, 1999. – С.123.

60 Действующее международное право. Документы в 2-х т. Т. 1. Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Учебное пособие. – М.: Международные отношения, Юрайт – Издат, 2007. – 768 с.

61 Сборник международных договоров. Универсальные договоры ООН. В-2-х томах. Т.1. ч.2. – Нью-Йорк, 1994. – 1141 с.

62 Сборник международных договоров. - М.: Изд-во ООН Нью-Йорк, 1989. 474 с.

63 Карпец И.И. Преступления международного характера. – М.: Юридическая литература., 1979. – 264 с.

64 Радойнов П. Конвенция против геноцида// Проблемы международного права. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – С.160

65 Harjas Singh. 60 Years of the Genocide Convention: An International Law Analysis (November 17, 2012). <https://ssrn.com/abstract=2177258> 17.11.2019.

66 Предложения советской делегации по вопросу о геноциде//Известия. – 1948. – 1 мая.

67 Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года // Сборник международных договоров. Том I (часть вторая). Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева, 1994.–1146 с.

68 Berle Mise hors la loi du genoside: Examen des objections, concernant la ratification de la convention por les Etats Unis// Revue internationale de droit penal, 1950. №2 - P. 147-151.

69 Тернон Ив. Размышления о геноциде// [URL:\[http://www.hrights.ru\]](http://www.hrights.ru) (Дата обращения: 10.10.2017 г.).

70 United Nations. General Assembly. Third Session. Official Records. Part I, 1948. – P.813.

71 Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. – М.: Юридическая литература., 1990. – 672 с.

72 Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. №11 – С.79.

73 Сотников И. Теория и практика геноцида //Новые время, 1954. №23. – С.17.

74 Konvitz M. The Constitution and Civil Rights. Columbia University Press, – New York, 1947. - P.133.

75 Barcelona Traction, Light and Power Co. Ltd. (Belgium v Spain) (1970) ICJ 3, 32 (February 5), cited in J Oh, 'The Prosecutor's Dilemma – Strengths and Flaws of the Genocide Convention', last modified in September 2003, viewed on 4 th November 2008 // <http://www.austill.edu.au/au/journals/MurUEJL/2003/22.html>>

76 Сафаров Н.А. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда и уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств (сравнительный анализ) // Государство и право, 2004. №7. – С.48-59.

77 Kent G. «Justice and Genocide in Bosnia: An Unbridgeable Gap between Academe and law?» // Law, Crime and History, Vol.2. – London, 2013. – 185 p.

78 Report of the Secretary-General to the General Assembly pursuant to resolution 53/35. The Fall of Srebrenica. November 1999 at <http://www.un.org/peace/srebrenica.pdf> para 45. 07.10.2019.

79 James Gow, Triumph of the Lack of Will. International Diplomacy and the Yugoslav War (Hurst and Co.: London April,15 1997) p.v. - Columbia University Press, 1997. - 250 p.

80 Mary Kaldor, Bosnia-Herzegovina: «A Case Study of the New Type of Warfare». Unpublished chapter from New Wars and Old: Organised Violence in a Global Era. Unpublished manuscript (1999). - 216 p.

81 Marko Attila Hoare. Bosnian Serbs and Anti-Bosnian Serbs // Bosnia Report Published by The Bosnian Institute. January-March 1999. New Series, №8.

82 Martin Shaw. Media and Civil Society in Global Crises (Pinter: Pub Ltd; First Edition London, 1996) – 224 p.

83 Norman Cigar. Genocide in Bosnia: the policy of 'ethnic cleansing' (College Station: Texas A&M University Press, 1995). – 264 p.

84 A French public intellectual, Bernard Henri Levi's greatest statement on the crisis was the film Bosna' Bosnia/France 1994. – P.52.

85 Stjepan Mestrovic (ed.). Genocide After Emotion: The Post-Emotional Balkan War. London: Routledge, 1996: P.225.

86 Thomas Cushman and Stjepan Mestrovic. This Time We Knew. Western Responses to Genocide in Bosnia. - New York University Press, 1996. 422 p.

87 Адибаева А.К. Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года: основные этапы разработки и принятия в рамках органов всемирной организации. Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия международные отношения и международное право. – 2015. - № 3(71). - С. 17-25.

88 Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам. 1 декабря 2004 года // www.un.org.secureworld 17.11.2019.

89 Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. – М.: Научная жизнь, - 2009. – 765 с.

90 Reservation to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide International Court of Justice, Advisory Opinion of 28 May 1951, in ICJ Reports, 1951 Reservation to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, International Court of Justice, Advisory Opinion of 28 May 1951, in ICJ Reports, Oxford Public International Law - P. 15-24.

91 Report of the Secretary – General Pursuant to Para. 2. Of Security Council Resolution 808 (1993), UN Doc. S/25704, at para.45.

92 Международный трибунал по бывшей Югославии. Решение судебной камеры по делу Кристича от 2 августа 2001 г., пар.541 со ссылкой на: Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of enocide. Advisory Opinion. ISJ Reports (1951). - P.23.

93 Международный трибунал по Руанде. Решение судебной камеры по делу Акаезу от 2 сентября 1998г., пар.495.

94 Faye Shonfeld. The Genocide Convention: An Increasing Meaningless Document? // Jul 25, 2013, 2451 VIEWS //www.e-ir-info/.

95 Power, Samantha. Raising The cost of Genocide // Dissent Magazine. 2002, April, 1. // <http://www.dissentmagazine.org/article/raising-the-cost-of-genocide>

96 Караев Р.М. Консультативное заключение международного Суда ООН по Косово и международное право //Baki universitetinin xəbərvəri, 2010. №3. – 188 с.

97 WilliamA. Shabas. Problems of International Codification – Were the Atrocities in Cambodia and Kosovo Genocide? // New England law Review, 2006. Vol.35: 2. - P.179.

98 Power, Samantha. «A Problem from Hell»; America and the Age of Genocide (New York: Basic Books, 2002). - 640 p.

99 Геноцид – преступление против человечества. Материалы I Московского международного симпозиума 18-19 апреля 1995г./Отв.ред. В.А. Микаелян. – М.: Информполиграф 1997. - 233 с.

100 Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии, 2008. №10. – С.165 - 171.

101 Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Часть вторая (в редакции 1996г.) // Панов В.П. Международное уголовное право: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА – М, 1997. - 320 с.

102 Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. – М.: «Юрлитинформ», 2004. – 448 с.

103 Черновицкая Ю.В. Геноцид как явление политики (социально-философский анализ). Автореферат дисс... канд.филос. наук: 09.00.11. – М., 2006. – 45 с.

104 Гефтер М. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. – М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. – 290 с.

105 Глобалистика. Энциклопедия. – М.: ОАО Издательство «Радуга» , 2003. – 1328 с.

106 Выступление Президента Республики Армении С.Саргсяна на глобальном общественно-политическом форуме «Против преступления геноцида». 22 апреля 2015 года, Ереван // www.president.am

107 Мошенская Н.В. Юридический анализ преступления геноцида // www.genocide.ru/lib/moshenskaya/1-2 27.09.2019.

108 Международный Уголовный Суд. Элементы преступлений. Общее введение, пар.7.

109 Римский Статут Международного Уголовного Суда от 17 июля 1998 года // URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (Дата обращения: 10 января 2019 года).

110 Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmhurst E. An Introduction to International Criminal. Law and Procedure. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 685 p.

111 Sampaio A.A., M. McEvoy. Little Weapons of War: Reasons for and Consequences of Treating Child Soldiers as Victims // Netherlands International Law Review. – 2016. - №63 (1). – P. 51-72.

112 Gallagher A. The Impact of Genocide on International Order. – London, Palgrave Macmillan UK, 2013. – 240 p.

113 Lancaster G. Genocide: A Reader by Jens Meierhenrich (Ed.) // Human Rights Review. - 2016. - №17 (2). – P. 281-283.

114 Cole G. Negotiating Durable Solutions for Refugees: A Critical Space for Semiotic Analysis // International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Semiotique juridique. – 2016. - № 29 (1). - P. 9-27.

115 Radice H. The responsibility to protect as humanitarian negotiation: A space for the politics of humanity? // International Politics. - 2016. - №53 (1) - P. 101-117.

116 Di Giovanni A. Making the Link between Development's Regulation through Law and Law's Promotion through Development // Hague Journal on the Rule of Law. - 2016. - №8 (1). – P. 101-133.

117 Кочои С. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. - 2001. - №2. – С. 95-97.

118 Leblanc, L.J. The United States and the Genocide Convention. – London: Duke Review Press, 1991. – 304 p.

119 Frank Chark and Kurt Jonassohn. The History and Sociology of Genocide: Analysis and Case Studies 3. Yale University Press London, New Haven, 1990. - 461 p.

120 Beth Van Schaack. Note. The Crime of Political Genocide: Repairing the Genocide Convention's Blind Spot, 106 // Yale Journal of international Law, 1997. - P. 2259-2264.

121 M.S. in «The Economist blog, «Genocide: It seems like a handy word» // <http://www.economist.com/blogs/democracyin-america/2011/06/genocide> 06.06.2011.

122 Eng, Kok-Thay. Redefining Genocide // [www. Genocide watch.org/redefining genocide.html](http://www.Genocidewatch.org/redefining-genocide.html) 12.01.2019.

123 Hitzer E. General Steerable Two-sided Clifford Fourier Transform, Convolution and Mustard Convolution //Advances in Applied Clifford Algebras, 2016. – P. 1-20.

124 Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. Решение судебной камеры «по делу Елисича» от 14 декабря 1999 года, пар.70. // <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2001/865> 29.01.2019.

125 Островский А.Я. Практика международного уголовного трибунала по Руанде – преступление геноцида. // Международный курс по МГП для государственных служащих и представителей академических кругов. Москва, 16-19 апреля 2003г. – С. 195-204.

126 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Рутаганда» от 6 декабря 1999 года, пар.57-58, 373. // <https://www.un.org/ru/law/icttr/docs.shtml> 07.01.2019.

127 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Мусема» от 6 декабря 2000 года, пар.56. // <https://www.un.org/ru/law/icttr/docs.shtml> 07.01.2019.

128 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Семанза» от 15 мая 2003 года, пар.317. // <https://www.un.org/ru/law/icttr/docs.shtml> 07.01.2019.

129 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Нийгстечека» от 16 мая 2003 года, пар.410. // <https://www.un.org/ru/law/icttr/docs.shtml> 07.01.2019.

130 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Кайиштема и Рузиндана» от 1 мая 1999 года, пар.98. // <https://www.un.org/ru/law/icttr/docs.shtml> 07.01.2019.

131 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Багилишема» от 7 июня 2001 года, пар.59. // <https://www.un.org/ru/law/icttr/docs.shtml> 07.01.2019.

132 Фисенко И. Ответственность государств за международные преступления // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - 1998. - №3.– С. 17-22.

133 Kate Nahapetian to headline Sydney and Melbourne Armenian genocide commemoration events // <http://www.anc.org.au/news/Media-Releases/Kate-Nahapetian-to-headline-Sydney-and-Melbourne-Armenian-Genocide-Commemoration-events?fbclid=IwAR1S4YxlUUiOGRfgInyk32mNq8N5oKsEvZgqZfmAS0M8U9EmOwqTo4VPgj0> 12.02.2019.

134 The Government and Armed Forces Responsible for the Reign of Terror in Rwanda // <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country51/7.htm> 03.01.2020.

135 United Nations, Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Preliminary Report of the Special. Rapporteur on the Situation of Systematic Rape, Sexual Slavery Like Practices During Periods of Armed Conflict, supra notr 6, para 9 // U.N. Doc. E/Cn.4/Sub.2/199626 (1996).

136 Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 512 с.

137 Fletcher L. Human Rights Violation Against Women, 15 Whitter I., Rev.319, 320, 1994. – 512 p.

138 United Nations, Comission on Human Rights: Report on the Situation of Human Rights in the Territory of the Former Yugoslavia Submitted by Mr. Tadeusz Mazowiecki, Speicial Rapporteur of tne Comission on Human Rights, Pursuant to Comission Resolution 1992/S-s/I of 14 August 1992, para 48 (a), U.N. Doc. E/CN 4/1993/50 (1993) // 12.12.2018.

139 Соломоненко И., Кибальник А. Уголовная ответственность за геноцид // Российская юстиция. - 2003. - №2. – С. 55-65.

140 Володин С. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Советское государство и право. - 1954. - №7. – С. 120-129.

141 Tatiana E. Sainati. Toward a Comparative Approach to the Crime of Genocide // Duke Law Journal. 2012. - Vol.62, №1. – P. 188-189.

142 Адибаева А.К. Определение понятия преступления геноцида и его основных форм в свете действия и применения специальной Конвенции ООН 1948 года // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2015. - № 4(72). - С. 196-201.

143 Самалдыков М. Лишение гражданства Казахстана и безопасность, проблемы правового характера // Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия международные отношения и международное право. - №3 (79). – 2017. С. 58-67.

144 Фан Ван Вать и др. Война во Вьетнаме и международно-правовая ответственность американских агрессоров // Советское государство и право. - 1972. - №1. – С. 54-56.

145 Мережко А. Равноправие и самоопределение народов в контексте проблемы «непризнанных» государств // <http://www.regnum.ru/news/941586.html> 12.12.2018.

146 Документ ООН. E /CN.4/ 10. 29 сентября 1997 г. // <https://undocs.org/ru/E/CN.4/1997/21> 12.12.2019.

147 Алиев О.А. Роль НАТО в антикризисном урегулировании в Косово (1999-2000) // Diplomatiyavə huquq. – 2008. - №2. - С. 13-21.

148 Мусаев Т.Ф. Правовые рамки урегулирования конфликтов на примере территориальных притязаний Армении к Азербайджану // Diplomatiya aləmi. – 2002. - №1. - С. 37-42.

149 Самеонов А. Возможные союзники и враги России // <http://www.csef.ru/studies/politics/materials/2125> 25.12.2018.

150 ООН: убийства мусульман-рохинджа в Мьянме по природе сходны с геноцидом // <https://www.acrenttime.tv/a/29455422.html> (Дата обращения: 27 августа 2018 года).

151 Доклад Human Rights Watch // <https://www.hrw.org> (Дата обращения: 10 сентября 2018 года).

152 Новости ООН (/ru/) // <https://news.un.org/ru/story/2019/01/1316842>
(Дата обращения: 10 апреля 2019 года).

153 ИА REGNUM // <https://regnum.ru/news/society/2541226.html> (Дата обращения: 03 мая 2019 года).

154 Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожения. Сто лет злодеяний / Перевод с французского. Е. Мурашкинцевой, Н. Мальхиной, Ю. Розенберг.-М.: Текст, 2003. – 688 с.

155 Heckle L. Wars in Afganistan: A tragedy of Afghan People, London, 1984. – P. 147-149.

156 Адибаева А.К. Новые (современные) формы прямого геноцида и специальная конвенция ООН 1948 года // Материалы XIII международной научно-практической конференции «Современные концепции научных исследований». Москва, 2015. – С.23-25.

157 Волеводз А.Г. Геноцид в контексте территориальной юрисдикции // Геноцид в современном мире: юридические и исторические аспекты: Материалы научной конференции. – М.: ВУ, 2006. – С. 69-81.

158 Report of International Commission of Inquiry on Darfur to the United Nations Secretary-General, 2004// [URL://http://www.un.org/news/dh/sudan/com_inq_darfur.pdf](http://www.un.org/news/dh/sudan/com_inq_darfur.pdf). (Дата обращения: 31 января 2017 года).

159 Kifer S. Individual Responsibility in the context of Genocide: thesis... degree of M.A. University of Colorado, 2006. –450 p.

160 Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под ред. А.В. Наумова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 383 с.

161 Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. – М.: Международные отношения, 1989. – 230 с.

162 Quigley J. The Genocide Convention: An International law analysis. – Hampshire: Ashgate Publishing Ltd, 2006. – 320 p.

163 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Мувунийи» от 12 сентября 2006 года, пар.479 со ссылками на прецедентное право данного трибунала // <https://www.un.org/ru/law/ictt/docs.shtml> 07.01.2019.

164 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Симба» от 13 декабря 2005 года, пар.412 // <https://www.un.org/ru/law/ictt/docs.shtml> 07.01.2019.

165 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Сикирицы» от 3 сентября 2001 года, пар.76-77// <https://www.un.org/ru/law/ictt/docs.shtml> 07.01.2019.

166 Глотова С.В. Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и сущностные признаки в свете современного развития международного права // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета Серия 14 «Право». - 2016. - № 3. – С. 30-37.

- 167 Морозов В.Н. Геноцид как метод политической борьбы и форма насилия: дефиниция, классификация // Материалы XI международной научно-практической конференции. Чебоксары, 12 февраля 2017 г. / под ред. О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 182-187.
- 168 Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. – М.: Крымский Мост – 9Д, 2001. – 445 с.
- 169 Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI в. – М.: Алгоритм, 2003. – 560 с.
- 170 Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 302 с.
- 171 Геноцид и массовые репрессии: истребления по национальным и религиозным мотивам (энциклопедия преступлений и катастроф) / под ред. Г.И. Ревяко, Н.В. Трус. – Мн.: Литература, 1996. – 576 с.
- 172 Churchill W. A Little Matter of Genocide. Holocaust and the Denial in the Americas 1492 to the Present. – San Francisco: City Lights, 1997. – 507 p.
- 173 Браун Ди. «Стороните мое сердце у Вундед - Ни». История американского Запада, рассказанная индейцами. Книги 1,2 // <http://www.usinfo.ru> 12.02.2019.
- 174 Stannard D. American Holocaust: The Conquest of the New World. – Oxford University Press, 1993. – 416 p.
- 175 Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.; ЭКСМО – пресс, 2002. – 413 с.
- 176 Thornton R. American Indian Holocaust and Survival: A Population History Since 1492. - University of Oklahoma, 1987. – 352 p.
- 177 Coning H. The Conquest of America: How the Indian Nations Lost Their Continent. - New York: Monthly Review Press, 1993. - 150 p.
- 178 Jan R. Carew. Rape of Paradise: Columbus and the Birth of Racism in the Americas. - N.Y.: A&B Books, 1994. – 232 p.
- 179 Меркулов И.П. Взаимосвязь биологической и культурной эволюции. В книге «Биология и культура» / отв. ред. И.К. Лисеев. – М.: Канон+, 2004. – С. 314-364.
- 180 Брызгалина Е.В. Биология и современные политологические исследования. В книге «Биология и культура»/ отв. ред. И.К. Лисеев. – М.: Канон+, 2004. - С.444-460.
- 181 Шаталов А.Г., Мендина Г.И. Евгеника в контексте современных достижений генетики человека // В книге «Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности» / отв. ред. Ю.В. Хен. – М.:Канон+, 2005. – 351 с.
- 182 Юдин Б.Г. Биотехнологическое конструирование человека // В книге «Биология и культура» / отв.ред. И.К. Лисеев – М.: Наука, 2004. – С. 460-498.
- 183 Лисеев И.К. Современная биология в формировании новых регулятивов культуры //В книге «Биология и культура»/ отв. ред. И.К. Лисеев. – М.: Канон+, 2004. – С. 40-78.
- 184 Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы / под ред. Н.Ф.Реймерса, А.В. Яблокова – М.: Наука, 1982. – 260 с.

185 Экоцид в Индокитае / под ред. С.И. Сергеева, перевод Быстров Л.Г., Третьякова И.А. – М.: Прогресс, 1972. – 136 с.

186 Адибаева А.К. Косвенный геноцид и его de facto существующие формы (общий политико-правовой анализ) // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. – 2016. - №3 (112).– С. 382-386.

187 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Нахимана и др.» от 3 декабря 2003 года, пар.1041 // <https://www.un.org/ru/law/ictr/docs.shtml> 07.01.2019.

188 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Нийитечека» от 16 мая 2003 года, пар.423 // <https://www.un.org/ru/law/ictr/docs.shtml> 07.01.2019.

189 Устав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии от 23 мая 1993 года // Действующее международное право. Документы в 2-х т. – Т. II. – М.: Междунар. отношения, Юрайт – Издат, 2007. – 768 с.

190 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Мухимана» от 28 апреля 2005 года, пар. 553, 563 // <https://www.un.org/ru/law/ictr/docs.shtml> 07.01.2019.

191 Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Апелляционной камеры «по делу Мухимана» от 21 мая 2007 года, пар. 185 // <https://www.un.org/ru/law/ictr/docs.shtml> 07.01.2019.

192 Арбур Л. Выполнить Конвенцию по геноциду // Юрист – международник. - 2008. - №2. – С. 71-78.

193 Michael J. Kelly. «Never Again?» German Chemical Corporation Complicity in the Kurdish Genocide // Berkeley Journal of International law. – 2013. – Vol.31, Issue 2, Art.2. – P. 1-37.

194 Michael J. Kelly. Ending Corporate Impunity for Genocide: The Case Against China's State – Owned Petroleum Company in Sudan, 90 OrL. Review 413, 2011. – 448 p.

195 Robert J. McCartney. Bunn Names Four More Firms Linked by U.S. to Libya // Washington Post, January 10, 1989. - P. 16.

196 Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка. Док. ООН. 26 августа-6 сент. 1985 г. //Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание. – Нью-Йорк, 1992. – 334 с.

197 Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года // http://www.un.org/ru/documents/dect_conv/conventions/terfin.shtml 08.01.2019.

198 Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года // (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). www.consultant.ru 12.05.2018.

199 Кибальник А.Г. Ответственность в международном уголовном праве. Уголовное право. – 2003. - №2. – С. 39-41.

200 Адибаева А.К. Совершенствование международной уголовной юрисдикции в контексте действия Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2015. - №3 (75). – С. 398-404.

201 Совет безопасности. Официальные отчеты. Сорок восьмой год. Дополнение за апрель, май и июнь 1993 года. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1996. - С. 148-151.

202 Резолюции и решения Совета Безопасности за 1994 год. Совет Безопасности. Официальные отчеты // [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/64/49%20\(VOL.%20I\)%20\(SUPP\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/64/49%20(VOL.%20I)%20(SUPP)) 08.01.2019.

203 Белый И.Ю. Международное преследование за военные преступления: Правовые и процессуальные аспекты. – М.: ЮРКНИГА, 2004. – 256 с.

204 Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers in the Court of Cambodia for the prosecution of crimes committed during The period of Democratic Kampuchea (NS /RKM/0801/12), promulgated on 10 August 2001//URL: <http://www.eccc.gov.kh> 12.05.2018.

205 Доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» 23 мая 2005 г. //Док. ООН. А/9/2005

206 Case concerning application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro, 2007. – P.385 // Official website of International Court of Justice. Judgments, Advisory opinions and Orders by chronological order. // URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=5&p3=-1&y=2007>. 08.01.2019.

207 Шулепов Н.А. Имплементация норм международного права о геноциде в уголовном законодательстве зарубежных стран //voenprav.ru /docs/20/-2261.doc (Дата обращения: 5 мая 2016 года).

208 Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Том I: Современные теоретические проблемы. – М.: Издательство «НИМП», 1999. – 336 с.

209 Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. - Киев: «Вища школа», 1980. – 318 с.

210 Международное публичное право: учебник /Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. – М.: Проспект, 2009. – 1008 с.

211 Wouters J., Verhoeven S. The Domestic Prosecution of Genocide. Working Paper No. 55 – December 2010. – Katholieke Universiteit Leuven, 2010. – 37 p.

212 Berlin M.S. The Worldwide Criminalization of Genocide in Domestic legal Systems. Prepared for delivery at the 2013 Annual Meeting of the American Political Science Association. August 29-September1.2013.–22 p.

213 Караханян Г. Международно-правовая ответственность Турции за геноцид армян в контексте международного реституционного правосудия // www.dialogorg.ru/news/dialog/291117-media-centre/ 19.02.2019.

214 Медведев С.Н. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики 1997 года // Юридические исследования. - 2013. - №2. – С. 58-61.

215 Hathaway O. Why Do Countries Commit to Human Rights Treaties? // Journal of Conflict Resolution. – 2007. - №54 (4). – P. 588-621.

216 Simmons B.A. International law and State Behavior: Commitment and Compliance in International Monetary Affairs // The American Political Science Review. - 2000. - №94 (4). – P. 819-35.

217 Simmons B.A., Danner A. Credible Commitments and the International Criminal Court // International Organization. – 2010. - №64(2). – P. 56-66.

218 Moravcsik A. The Origins of Human Rights Regimes: Democratic Delegation in Postwar Europe // International Organization. – 2000. №54(2). - P. 52-64.

219 O'Conner V. Rule of law and Human Rights Protections Through Criminal law Reform: Model Codes for Post – conflict Criminal Justice //International Peace Keeping. - 2006. -№13(4). - P. 30-50.

220 Delisle J. Lex Americana? United States Legal Assistance, American Legal Models and Legal Change in the Post-Communist World and Beyond // University of Pennsylvania Journal of International Economic law. – 1999. -№20(2). – P. 179-308.

221 Mitchell S.M., Powell E.J. Domestic law Goes Global. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. - 280 p.

222 Agybayev A.N., Adibayeva A.K. Implementing mechanisms of the UN Convention on Genocide in the criminal legislation of the participating states: general comparative analysis // News of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. - № 5 (321). – 2018. P. 39-43.

223 Адибаева А.К. Выполнение обязательств по Конвенции ООН о геноциде 1948 года государствами-участниками: отдельный правовой аспект. Сборник статей международной исследовательской организации «Cognito» по материалам XV международной научно-практической конференции: «Актуальные проблемы науки XXI века», Москва. – 2016. – С 138-142.

224 Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г., Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. – Ставрополь, 2000. – 80 с.

225 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ 12.12.2019.

226 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года. – Алматы: ЮРИСТ, 2015. – 208 с.

227 Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года. № 985 – XV // http://base.spinform.ru/show_doc/fwх?rgn=3835 22.01.2019.

228 Уголовный кодекс Австрии от 29 января 1974 года (с изменениями дополнениями на 1 мая 2003 года). – Санкт –Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 352 с.

229 Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21. Dezember 1937 (Stand am 1. Januar 2014) // [http:// admin.ch./opc/de/classified – compilation /19370083/index.html](http://admin.ch/opc/de/classified-compilation/19370083/index.html) 23.01.2019.

230 Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года. - Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 2325 с.

231 Уголовный кодекс Республики Болгария от 15 марта 1968 года. - Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 289 с.

232 Уголовный кодекс Испании от 23 ноября 1995 года - пер. с исп. В.П. Зыряновой, Л.Г. Шнайдер. – М.: Издательство Зерцало, 1998. – 218 с.

233 Уголовный кодекс Республики Польша от 6 июня 1997 года. – Минск: Издательство «Тесей», 1998. – 234 с.

234 Уголовный кодекс Македонии от 23 июля 1996 года // [http :// unpan1.un.org/ intradoc/groups/public/ documents/ untc/unpan016120.pdf](http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/untc/unpan016120.pdf) 22.01.2019.

235 Criminal Code of Australia, Publisher: Cambridge University Press, 1995. – 598 p.

236 Criminal Code of USA, May 4, 1962 // [http://www.law.cornell.edu /uscode/text/18/ part – I](http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I) 22.01.2019.

237 Хасан Х.А. Преступления геноцида в Ираке: проблемы уголовной ответственности. Дисс.канд. юрид. наук. – М., 2015. – 192 с.

238 Гарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Основные направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ // Всероссийский криминологический журнал, 2016. Том 10, №3. – С. 511-520.

239 Clarke R.C. Together Again? Customary Law and Control over the Crime. Criminal Law Forum, 2015. 26(3). - P. 457-495.

240 Уголовный кодекс Латвийской Республики от 8 июля 1998 года / под ред. А.И. Лукашова Э.А. Саркисовой. - Санкт-Петербург: Издательство «Юрид.центр пресс», 2001. - С. 313.

241 Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 года. - // Уголовный кодекс Литовской Республики О.В. Богдашич Перевод и комментарии (общей части) 2004. – 148 с.

242 Criminal Code of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. Proclamation №414 of 2004. 9 May 2005. <http://www.unher.org/cgibin/texis/vix/refworld/rwmain?page=search&docid=49216b572&skip=o&query>. 19.01.2019.

243 Уголовный кодекс Франции от 1 января 1992 г. - Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2002. – 648 с.

244 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. // <http://www.base.spinform.ru> 08.02.2019.

245 Code Penal Burkina Faso. 13 Novembre 1996 portant <http://www.unher.org/cgi-bin/tehis/vtx/refworld/rwmain?page=search&camp;docid=3ae6b5cc0&skip=0&query> 29.01.2019.

246 Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. [Электронный ресурс] // Юридическая Россия: Федер. правовой портал. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241370>. 12.12.2019.

247 Criminal Code of Finland (39/1889, amendments up to 927/2012 included) [Electronic resource] //FINLEX.FI: online database of up-to-date legislative and other judicial information of Finland. URL:<http://finlex.fi/en/laki/kaannokset/1889/en18890039.pdf>. 12.12.2019.

248 Уголовный кодекс Эстонской Республики от 6 июля 2001 г. С изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г. / под ред. В.В. Запелалова. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 262 с.

249 Уголовный кодекс Дании от 26 июня 2001 года / под ред. С.С. Беляева. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 230 с.

250 Criminal Code of Canada of 1 April 1955 // URL:<http://Laws> – Lois. justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-157.html-92 30.03.2019.

251 Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия от 26 июня 2002 года // Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е издание. Издательство «Проспект» 2012 г. – 312 с.

252 Sewpaul V. The West and the Rest Divide: Human Rights, Culture and Social Work // Journal of Human Rights and Social Work. 2010. - №1(1). – P. 30-39.

253 Lindebaum D. Geddes D., and Gabrielet Y. Moral Emotions and Ethics in Organisations: Introduction to the Special Issue. Journal of Business Ethics, 2016. – P. 1-12.

254 Видус Д.Э. Вопрос о группах, охраняемых Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и идентификации жертв геноцида // Международное право и международные организации. - 2012. - №3. – С. 16-27.

255 Уголовный кодекс Республики Молдова. Комментарий. – Кишинэу: IPI «Institutul de Stiin, te Penali Si Criminalogie Aplicatã», 2010. – 1134 с.

256 Серебренникова А.В. Имплементация порт международного уголовного права о геноциде во внутреннее законодательство Российской Федерации и Германии // Юридические записки. - 2014. - №1. – С.31-35.

257 Völkerstrafgesetzbuch (VStGB) 26 Juni 2002 (BGBl.IS. 2254) // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH // www.juris.de 12.12.2019.

258 Dam-de Jong D.A. The Role of Informal Normative Processes in Improving Governance over Natural Resources in Conflict-Torn States // Hague Journal on the Rule of Law. - 2015. - №7 (2). – P. 219-241.

259 Kazyrytski L. Latvian SS-Legion: Pastand Present. Some Issues Regarding the Modern Glorification of Nazism // Criminal Law Forum. - 2016. – P. 1-25.

260 Cooper J. The Genocide Convention: Its Supporters and Enemies. Raphael Lemkin and the Struggle for the Genocide Convention. – London, Palgrave Macmillan UK, 2008. – 545 p.

261 Kyriakakis J. Rene Provost and Payam Akhavan: Confronting Genocide // Criminal Law and Philosophy. – 2016. - №10(2). - P. 381-388.

262 Triggs G. Implementation of the Rome Statute for the International Criminal Court: A Quiet Revolution in Australian Law // Sydney Law Review. - 2003. - Vol.25. – P. 508-534.

263 Adibayeva A.K. Implementation of the UN Genocide Convention of 1948 in the national laws of the state parties // Journal of advanced research in law and economics. Volume VII. Issue 6 (20). 2016. – P. 1263-1271.

264 Беляева А.В. Имплементация норм международного уголовного права об ответственности за геноцид в российское уголовное законодательство // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. - №4. - С.105-108.

265 Волженкин Б.В. Уголовная ответственность физических лиц. – СПб.,: С.-Петербург. Юрид. Ин-та Генеральной Прокуратуры РФ, 1998. – 40 с.

266 Прохорова М.Л., Гигинейшвили М.Г. Конвенционное определение преступлений геноцида и апартеида: сравнительный анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2012. - №2.- С. 3 - 6.

267 Арутюнян М.А. Понятие геноцида: историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против человечества // Актуальные проблемы российского права. - 2009. - №3. – С. 403-414.

268 Климчук Я.А. Классификация и динамика методов раскулачивания крестьянства // Мир науки, культуры, образования. - 2007. - №2. – С.36-38.

269 Блищенко И.П. Международное уголовное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1999. – 264 с.

270 Бывший гватемальский диктатор приговорен к 80 годам тюрьмы за геноцид // Российская газета. - 2013. - 11 мая.

271 NJ van der Merwe. The Prosecution of Incitement to Genocide in South Africa // PER/PELJ. - 2013. – Vol.16, №5. – P. 328-614.

272 Калишева Ж.Г. Уголовная ответственность за международные преступления в проекте Нового Уголовного кодекса Республики Казахстан // Право и государство. - 2013. - №3. - С.49-50.

273 Закон РК «О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года» от 29 июня 1998 года. №244-1 ЗРК // Вестник Парламента Республики Казахстан. - 1998. - №11-12. 87 с.

274 Апенев С.М. О проблеме сферы действия международного уголовного права // Вестник КазНУ. Серия «Международные отношения и международное право». - 2013. - №1(61). – С. 100-105.

275 Айдын Д.А. Некоторые вопросы имплементации норм международного права в уголовный процесс судов Республики Казахстан// Молодой ученый. - 2015. - №9(89). – С. 804-807.

276 Уголовный кодекс Республики Казахстан – общая характеристика (в сравнении с УК Казахской ССР). Практическое пособие. – Алматы, Баспа, 1997. – 224 с.

277 Нурмуханов Б. Римский статут – дополнительная гарантия неотвратимости ответственности за международные преступления // Правовая реформа в Казахстане. - 2003. - №4 // [http:// articlekz.com/article/4817](http://articlekz.com/article/4817) >7 18.08.2019.

278 Сарсембаев М.А. Хождение в ООН. Комитет ООН по правам человека: ощущения, впечатления, анализ.- Астана: КГ «Болашак», - 2014. – 456 с.

279 Сафаров Н. Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Статуту Международного Уголовного Суда. – Баку, 2002. - 29 с.

280 Ағыбаев А.Н. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірме. Жалпы және Ерекше бөлімдер. – Алматы: Жеті Жарғы, 2010. – 808 б.

281 Ағыбаев А.Н. Қылмыстық құқық: Ерекше бөлім: Оқулық. Өңделген, толықтырылған 4 басылымы. – Алматы: Жеті жарғы, 2011. – 632 б.

282 Рахметов С.М., Орманова А.Ш. Бейбітшілікке және адамзатқа қарсы қылмыстар. – Алматы: ЖШС «Издательство «Норма-К», 2009. – 44 б.

283 Саяпин С.В. Криминализация геноцида по законодательству Республики Казахстан // [https://online.zakon.kz/ Document/?doc_id=31673721](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31673721) 18.08.2019.

284 Закон Республики Казахстан «О международных договорах Республики Казахстан» от 30 мая 2005 года. 54-III З РК // Казахстанская правда. – 2005. - 4 июня.

285 Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть (Том 2). – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.

286 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан от 3 июля 2014 года / под ред. С.М. Рахметова, И.И. Рогова – Алматы: ТОО «Издательство Норма-К», 2016. – 752 с.

287 Адибаева А.К. Квалификация объективной стороны преступления геноцида по уголовному кодексу Республики Казахстан // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства Республики Казахстан на современном этапе: вопросы теории и практики: материалы международной научно-практической конференции. – Алматы: ООНИиРИР Алмаинской академии МВД Республики Казахстан и М. Есбулатова, 2017. - С. 113-117.

288 Ағыбаев А.Н. Қылмыстық құқық. Ерекше бөлім: оқу құралы. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 450 б.

289 Москалев Г. П. Создание условий, рассчитанных на физическое уничтожения национальной, расовой, этнической или религиозной группы, как способ совершения геноцида // Известия Юго-западного государственного университета. Серия «История и право». - 2013. - №1. - С.83-90.

290 Кибальник А.Г., Соломенко. «Экстремистское» хулиганство – консенс уголовногo закона //URL: [http://sovbez – kvr.ru/materialy/mnenie – spes/bezoras – 44.htm](http://sovbez-kvr.ru/materialy/mnenie-spes/bezoras-44.htm) (Дата обращения: 29 октября 2017 года).

291 Самалдыков М.К. Международные стандарты по правам человека и УК Республики Казахстан //Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право, 2016. - №2 – С.20-24.

292 Инструкция по организации и производству судебно-медицинской экспертизы. Утверждена в соответствии с Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 20 мая 2010 года. №368//[adilet.zan.kz> rus/docs/v100006305](http://adilet.zan.kz/rus/docs/v100006305) 19.09.2019.

293 Правила организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы, утвержденные Министром юстиции Республики Казахстан 27 апреля 2017 года // [http:// www.adilet.gov.kz /ru/articles/ob-utverzhdanii-pravil-organizacii-i-proizvodstva-sudebnyh-ekspertiz-i-issledovaniy-v](http://www.adilet.gov.kz/ru/articles/ob-utverzhdanii-pravil-organizacii-i-proizvodstva-sudebnyh-ekspertiz-i-issledovaniy-v) (Дата обращения: 1 апреля 2019 года).

294 Кибальник А.Г. Геноцид в решениях современных международных трибуналов //Международное уголовное право и международная юстиция». - 2011. - №1. – С. 30-38.

295 Уголовное право Республики Казахстан: Особенная часть в 2-т. Учебник для вузов. Т.1. Отв. Ред. И.И. Рогов, К.Ж. Балтабаев, А.И. Коробеев. – Алматы: Жеті Жарғы, 2016. – 500 с.

296 Агыбаев А.Н., Адибаева А.К. Конвенция ООН о геноциде 1948 года и ее значение в криминализации преступного деяния // Ылым. – 2019. - №3(62). - С. 39-45.

297 Наумов А.В. Российское уголовное право: Учебник. Общая часть. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.